

Зарубежная

фантастика

Баррингтон Бейли
Дзен-пушка

Баррингтон Бейли Дзен-пушка

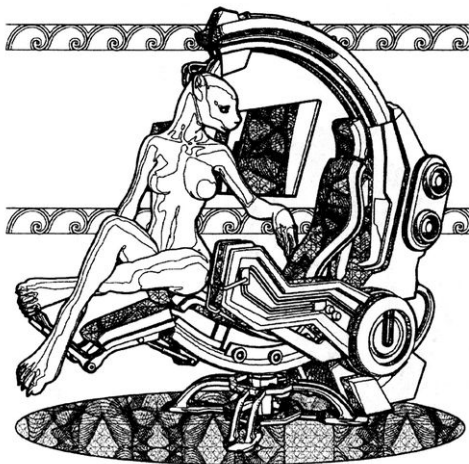

В переводе К. Сташевски

Зарубежная

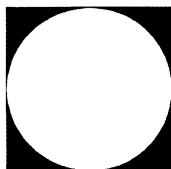
фантастика

Barry Bayley

Зарубежная

фантастика

Баррингтон Бейли

Дзен-пушка

Роман

Перевод К. Сташевски

Иллюстрации А. Филиппова

Амбер
«Виталион»
2017

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7 Вел)-44
Б 413

Barrington J. Bayley
"The Zen Gun"
август 1983
ISBN: 0-87997-851-1
DAW Books, 159p.
Cover: Frank Kelly Freas

На странице 2 – фото 1983 года и автограф

В этой книжке 328 077 знаков

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Десятый Флот рассредоточился вокруг большой бело-сине-зеленой планеты с целеустремленно устрашающей внезапностью. На диаграмм-экранах командных центров обеих сторон перекрещивались орбиты ста сорока кораблей — так оплетают разбухшее ядро электроны в тяжелом атоме. В первые же секунды вторжения местная спутниковая группировка вспыхнула и испарилась мошкаррой в огне, а персонал дюжины обитаемых станций был взят в плен. Коммуникационные линии с планеты бесцеремонно ободрали, она почти ослепла и стала беспомощна.

Десятый Флот тем временем выпустил собственное спутниковое облако. Теперь все, происходившее как на поверхности планеты, так и под нею, отслеживалось в естественном разрешении.

Адмирал Арчер, расслабившись у себя в берлоге, без труда мог представить, какая паника воцарилась внизу. Местное правительство, по его предположениям и надеждам, не понимало того, что ему, как человеку армейскому, было слишком хорошо ясно: оказавшись в позиции, где этот мир можно, по выбору, уничтожить боеголовками, испепелить лучевым оружием или заэкранировать от коммуникаций, он лишь выказал собственное военное бессилие. Критерием практически реа-

лизуемого могущества выступает способность выса-
дить на планету десант и, что не менее важно, забрать
своих бойцов оттуда.

А Десятый Флот испытывал крайний недостаток лич-
ного состава. Если сейчас население планеты рабо-
лепно склонится перед оккупантами, Арчер вряд ли на-
скребет достаточно людей для временной администра-
ции. В этом смысле все устрашающие системы оружия
служили просто для блефа.

Таким образом, всего разумнее представлялось ра-
зобраться с возникшими затруднениями по-быстро-
му, не дав местным властям собраться с мыслями и прийти
к нежелательным выводам относительно бездействия
эскадры. Адмирал не хотел загонять себя в ситуацию,
которая потребовала бы от него покарать этот мир за
неповиновение приказам.

Арчер полулежал на мшистом берегу в тени яблони.
Чуть поодаль резвились животные: карликовый слон
ростом около двух футов, такой же карликовый жираф,
который, склоняя шею, доставал головой почти до пле-
ча Арчера, а также в целом равные им размерами
шимпанзе и галаго. Слон отвлекся и направился к ад-
миралу.

— В настоящее время власти планеты совещаются,
— негромко протрубил он. — Исходя из данных спутни-
ковой разведки, кажется вероятным, что они обсужда-
ют, как бы нас одурачить.

Арчер усмехнулся.

— Несомненно, они воображают, что им удастся
подсунуть нам убийц под видом гениальных артистов.
Ну что ж, мы это все уже проходили.

Жирав склонился к ним и потерся шеей о рукав человека.

— Хорошо бы у них тут нашелся стоящий композитор, — мягким мечтательным голосом произнес он. — Нельзя ли будет сперва принять его на службу, а уж потом доставить в Диадему?

— Мы пользуемся преимуществами полуавтономного статуса, так что да, можно.

— Адмирал, — вмешался слон, — они желают поговорить с нами.

Арчер кивнул. Потрепал слона-адъютанта по крупной серой башке: вживленный туда имплант позволял мозгу животного поддерживать связь со всем Десятым Флотом.

— Идем, Арктус. Ты можешь мне понадобиться.

Казалось, что мшистый берег тянется, насколько хватает глаз, однако стоило Арчеру миновать яблоню и ступить в рощу, испещренную пятнами падавшего через листву солнечного света, а Арктусу последовать за ним, как тут же адмирал очутился в широком коридоре с ковровой дорожкой; мимо в мерном темпе сновали мужчины и женщины, животные и дети. Вскоре он достиг конференц-зала. Паукообразная обезьяна подняла глаза и вскинула руку в салюте. Началась подготовка к переговорам.

Адмирал Арчер снял с близстоявшей вешалки мундир и, почти не отдавая себе в том отчета, опустился на трон перед зоной переговоров. Ожило освещение. Адмирал чувствовал, как опускается на него незримой мантией божественное имперское величие. Те, чьи образы сейчас должны были ожить перед ним, увидят Ар-

чера бледным и безукоризненно прекрасным, излучающим почти архангельскую власть, а блеск в глазах адмирала сочтут признаком его леденящей душу проницательности.

Он взглянул в палату верховного совета. За овальным столом сидели человек двадцать; животных видно не было. Во главе собрания, немного выше остальных, разместился председатель ростианского совета, человек преклонных лет, но в хорошей физической форме, облаченный в белую мантию, придавшую ему сходство с хирургом. Его седая борода была аккуратно подстрижена колышком.

Председателю единственному из присутствующих не было нужды поворачивать голову, чтобы посмотреть Арчеру прямо в глаза. На лице его возникло выражение, выдававшее внутреннюю слабость и борьбу с предательским желанием сдаться на милость превосходящей силы.

— Я обращаюсь к представителю имперского совета директоров? — спросил чиновник сухим недовольным тоном.

— Да, — ответил Арчер вежливо, — однако было бы корректнее назвать меня представителем имперской налоговой инспекции. У вас двадцать лет назад случился дефолт. Последствия его весьма серьезны; необходимо как можно скорее свести баланс.

— Мы не объявляли дефолта по собственной воле, — непреклонно и мрачно отвечал председатель. — Десять лет назад мы отправили вам предложение урегулировать эту трудность путем поставок сырья или гото-

вых товаров, испросив реструктуризации долга. Мы не получили никакого ответа.

— Я и есть ответ. В вашем предложении не было необходимости. Оно обязало бы Империю пойти на уступки и рассматривается как умышленное уклонение от платежа. — Арчер протянул руку в сторону; паукообразная обезьяна передала ему папку с распечатками. — Однако, чтобы уладить дело мирным путем, имперский налоговый инспектор согласен на пятидесятипроцентное уменьшение недоимки с условием, что в дальнейшем вы будете аккуратно вносить все платежи с интервалом в десять стандартных лет, возложив все расходы по их доставке на себя. — Адмирал кивком указал на бумаги. — Прежде чем мы улетим, вам тем не менее придется внести оставшуюся часть задолженности.

Он начал зачитывать текст.

— Тысяча двести пятьдесят восемь деятелей искусства музыкального направления, композиторов и исполнителей. Тысяча двести пятьдесят восемь деятелей искусства от каждого из визуальных, тактильных и ароматических направлений. Тысяча двести пятьдесят восемь представителей литературы и театра. Тысяча двадцать ученых различных сфер. Все эти лица должны принадлежать к человеческой расе, присутствие животных или конструкторов не допускается, допустимое содержание доминантных животных генов в генофонде не более двух процентов. Все эти лица обязаны соответствовать как минимум двадцатому уровню по шкале творческих способностей Кэрримера в независимом тестировании силами флотских психологов. Кроме того, требуется не менее сотни гениев, или, другими слова-

ми, лиц, проявляющих творческие способности не ниже двадцать пятого уровня по шкале Кэрримера.

Арчер поднял взгляд и отдал папку паукообразной обезьяне. Ему не пришло на ум других слов для описания воззрившихся на него лиц, кроме *каменных*.

О, я знаю, о чем вы сейчас думаете. Мы бы лучше от Империи откололись, вот о чем вы думаете. Но вы не осмелитесь в открытую заявить о своих мятежных намерениях, даже сейчас, на краю пропасти, ведь у вас над головами висит Десятый Флот.

— Но подобная работорговля идет вразрез со всеми принципами проповедуемой на Рости общественной философии! — возопил председатель.

— Не отчаивайтесь, — благодушно утешил его Арчер, — сливки вашего общества получают возможность ознакомить Империю с принципами названного вами учения. Ваше заpiresательство меня огорчает. Были времена, когда одаренные граждане соревновались за шанс мигрировать к сердцу Империи.

— В те времена подобную дань едва ли потребовали бы.

Арчер подался вперед.

— Вы мне рассказываете о том, чем недовольны. Я тоже кое-чем недоволен. Мне не нравится употребляемое вами слово: *дань*. Я сборщик налогов. Все мы подчиняемся закону. Извольте приготовиться к выплате долга.

Председатель закусил губу.

— Нам понадобится время. Вы нас застигли врасплох.

— Задержка недопустима. Мы не знаем, искренне ли просите вы времени на подготовку или замышляете какой-то обманный маневр. Призываю вас изъяснить верность Империи.

Тут Арчер обратил внимание, что слон Арктус уже некоторое время тянет его за рукав хоботом, и наклонился к адъютанту.

— Что такое, Арктус? — вполголоса спросил он.

Карликовый слон раскрыл пасть и хрипло зашептал Арчеру на ухо:

— Сообщение из Генштаба!

Арчер выпрямился и отвернулся к ростианцам.

— Мы были бы вам весьма признательны, если вы приступите к поставкам по истечении одного оборота планеты. До свидания.

Прервав таким довольно поспешным образом разговор, он поднялся, поблагодарил паукообразную обезьяну и в сопровождении Арктуса покинул конференц-зал. Человек и слон миновали световые драпировки: розовато-лиловые, лавандовые, сиреневые, наконец, ярко-лимонные.

И неожиданно очутились в рубке искривления пространства.

Дежурил девятилетний мальчишка — сын одного из членов экипажа. Ребенок явно воспринимал поручение как новую игру. С подчеркнутой церемониальностью он вручил Арчеру сообщение, поступившее в словесной форме. Приказ был нанесен сияющими символами на лист желтого пергамента. Арчер что-то пробормотал в знак благодарности и пробежался по тексту.

После обращения и кодов классификации следовали короткие инструкции:

В СЕКТОРЕ ЭСКОРИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ МЯТЕЖИ. СЛЕДУЙТЕ В ПОЛНОМ ВЕЛИЧИИ, ПОДАВЛЯЙТЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ. АВТОНОМНЫЙ СТАТУС. САНКЦИОНИРУЮЩИЙ ПРИКАЗ ПРИЛАГАЕТСЯ.

Адмирал Арчер некоторое время смотрел на лист пергамента, укладывая в голове ключевые моменты. *В полном величии*: это означало, что никаких ограничений в развертывании флотских ресурсов нет. *Автономный статус*: это значило, что эскадра приравнена к суверенному государству — фактически намекало, что Генштаб отстранен от рычагов управления или даже распущен. Он, Арчер, получил право действовать так, словно *он* и был императором, не подотчетным больше никому.

Если с мятежом в секторе Эскории совладать не удастся, он может принять другое решение — и, надо полагать, именно такого решения от него ожидают: уничтожить там все живое, не ограничиться наказанием планеты, стерев с ее лица пару городов, а полностью аннигилировать.

Тем временем Империя продолжала распадаться, теряя признаки эффективной организованной структуры.

Он передал лист Арктусу. Слон ухватил пергамент кончиком хобота и поднял к глазам.

— О. Это своеобразное повышение, командир.

— Да? — грустно проронил Арчер. — Предпочел бы я получить его в более радостных обстоятельствах.

Он тоскливо подумал, что Ростии повезло освободиться от долговой нагрузки — честь Империи явно понесет меньший урон, если Десятый Флот отбудет немедленно, без предупреждения, как и явился.

— Идем, Арктус, — со вздохом произнес он. — На мостик.

Прошло несколько минут. Затем сеть окружавших Ростию орбит на диаграмм-экранах растаяла, хотя около тысячи спутников были сочтены расходным материалом и оставлены в качестве замены планете, которая, как опасался адмирал Арчер, на неопределенное время выскользнула из имперской хватки.

Отдаляясь от Ростии, флот переконфигурировался для межзвездного полета, обретал сходство с косяком рыб, а каждый корабль активировал фитоловый двигатель. Путь отхода из системы, где располагалась Ростия, пролегал почти параллельно плоскости эклиптики, и когда флотилия пролетала рядом с крупнейшим местным газовым гигантом, офицер на сканерах окружения кратко доложил Арчеру:

— В сторону гиганта снижается корабль меторианцев.

Арчер принял статичную картинку и увидел корабль чужаков: объемистую семенную коробку в подвеске причудливых очертаний, скользящую к ураганам огромной планеты.

— Арктус, я затрудняюсь определить: что это такое?

— Это грузовой корабль меторианцев, — сообщил Арктус.

— А-а, — пробормотал Арчер, отстраненно размышляя, аванпост это или вполне развитое общество пла-

нетарного масштаба. Как и несколько других чужацких империй, меторианская переплеталась с человеческой, пронизывала ее, но практически не соприкасалась. Размах межзвездных расстояний и разнообразие условий на планетах были таковы, что никакого смысла устанавливать эксклюзивные права не видели ни дышащие кислородом люди, ни дышащие водородом метаногены, ни ацидофильные обитатели горячих соленых сред — каждая раса населяла мир, не представлявший для других интереса.

Поэтому присутствие меторианцев в системе, откуда Империя на некоторое время вынужденно отступила, ничего не означало. Газовый гигант уплыл с экрана, и Арчер перестал о нем думать. Вместо планеты открылось местное звездное поле, практически скопление, оплетенное с одной стороны кружевами светоносного газа.

Махнуть на них рукой? подумал он. *Нет. Это место наше. Оно должно остаться нашим.* Империя считала все эти звезды своей собственностью. Чужаки, может, и были иного мнения, но это неважно. Не более важно, чем для владельца участка леса — территориальные споры живущих в лесу зверей. В каждой такой чужацкой империи, не исключено, разворачивались колоссальные драмы, о которых человечество не имело ни малейшего понятия.

Экран пошел помехами; поля метрики фитоловых двигателей ста сорока кораблей переплелись и окружили флотилию сплошным коконом. К этому моменту флот уже разогнал за световой барьер, а теперь их скорость возросла стократно.

Десятый Флот направлялся в сектор Эскории.

Наступал вечер по условному флотскому времени, и адмирал Арчер покинул апартаменты для прогулки по своему флагману, ИСК *Знаменосец*. Приставкой ИСК снабжались имена всех судов межзвездного флота Империи. Она означала *Имперский советский корабль*: Имперский Совет пришел на смену Имперскому Директорату — кибернетической системе принятия решений — почти столетие назад. Недолговечный Директорат, в свою очередь, явился порождением антиархической революции и заменил Имперскую Государственную Службу, управлявшуюся представителями наследственной линии генетически оптимизированных Императоров-Протекторов.

Арчер, конечно, придерживался мнения, что переворот, разрушивший систему личной власти, принес несомненную идеологическую пользу, но практические результаты революции были далеки от благоприятных. Директорат привел дела Империи в такое расстройство, что пришлось издать специальный декрет о неразумности машин. По иронии судьбы, этим декретом Империя подорвала свои промышленные мощности, вызвав недовольство занятых на производстве роботов. Коллективное руководство Совета делало все возможное, пытаясь противодействовать нарастающим тенденциям распада и гниения Империи, но не справлялось. Арчер разделял со многими подчиненными офицерами негласное убеждение, что отстранить Протектора от власти было трагической ошибкой, но полагал политически неразумным высказываться в таком ключе публично.

Экзотические ароматы и причудливая музыка во всех салонах и танцзалах флагмана создавали впечатление, что судно это, как и остальные крупные военные суда имперского флота, по сути круизное. И вряд ли могло быть иначе; корабль построили на имперских верфях, а все члены экипажа происходили из звездного сердца Империи, галактической Диадемы. Роскошь и сибаритство им казались естественными и необходимыми, как воздух для дыхания.

Одаренные деятели искусства и ученые, которых Десятый Флот забирал в рамках основной своей миссии — налоговых проверок, — зачастую застывали с отвисшими челюстями, впервые оказавшись на борту. Арчер не единожды слышал от них слово *декаданс*. Ему же миры, на которых флотилия взимала налоги, казались варварскими и грубыми. Он с презрением относился к их ненадежности и расхлябанности, но приходилось признать, что их вклад необходим для выживания Империи.

— Добрый вечер, адмирал.

— Добрый вечер, госпожа.

Арчер обращался к привлекательной матроне, облокотившейся на резную дверь в арочном проходе. За спиной женщины тянулось нечто вроде гимнастического зала, где группа девочек лет десяти в костюмах акробаток кружилась в танце. То были нимфы — младшие представительницы приапов, одной из самых престижных эротико-хореографических трупп всея Диадемы; их обучение начиналось с восьмилетнего возраста. Несомненно, эти девочки уже достигли известного мастерст-

ва во многих эротических искусствах и обучились доставлять сексуальное наслаждение.

Позднее должны были приступить к тренировкам их старшие коллеги. Едва глянув на гибкие обольстительные тела, Арчер двинулся дальше, в главный салон. Там над людским гомоном возносились развлекательные мелодии. Он попытался отринуть тревоги и приказал себе расслабиться.

Когда он проходил мимо закутанной в атласные одеяния девушки, та обернулась.

— Потанцуйте же со мной, адмирал.

Задумчивая улыбка, сопроводившая эти слова, принадлежала старухе: лицо девушки, которой было от роду лет двадцать, искусственно состарили так, что выглядела она девяностолетней. Щеки покрылись морщинами и запали под многослойной косметикой, зеленые глаза слезились и гноились. Сочетание древнего лица с юным телом наблюдалось по всему салону: надо полагать, оно сейчас в моде, хотя стандарты женской красоты во всех сложно устроенных обществах стремительно меняются. И хотя вид натренированных в искусстве любви девочек почти не возбудил Арчера, сейчас, когда дряхлая морщинистая щека партнерши коснулась его собственной, по телу адмирала пробежала дрожь: это многое говорило о мощи социальных устоев.

Он задумался, не пригласить ли ее к столу, хотя знал, что в ее возрасте сейчас модно воздерживаться от сексуальных связей. Она наверняка девственница, с искусственно восстановленной плевой, и память о всех прежних партнерах стерта из ее разума. Однако тут

мелодия стихла, танец прекратился, и позади прозвучал тяжелый, с присвистом, возглас:

— Ага, вот вы где, адмирал!

В салон ворвался хряк, в котором Арчер узнал исполняющего обязанности старшего артиллериста эскадры. Человек небрежно приветствовал свинью. По уставу командные должности полагалось занимать исключительно людям, но людей на полный состав никогда не набиралось, поэтому на такие посты в рутинном порядке назначали животных. Свиньи казались лучше всего пригодными для подобных обязанностей и, действительно, с энтузиазмом стремились к ним.

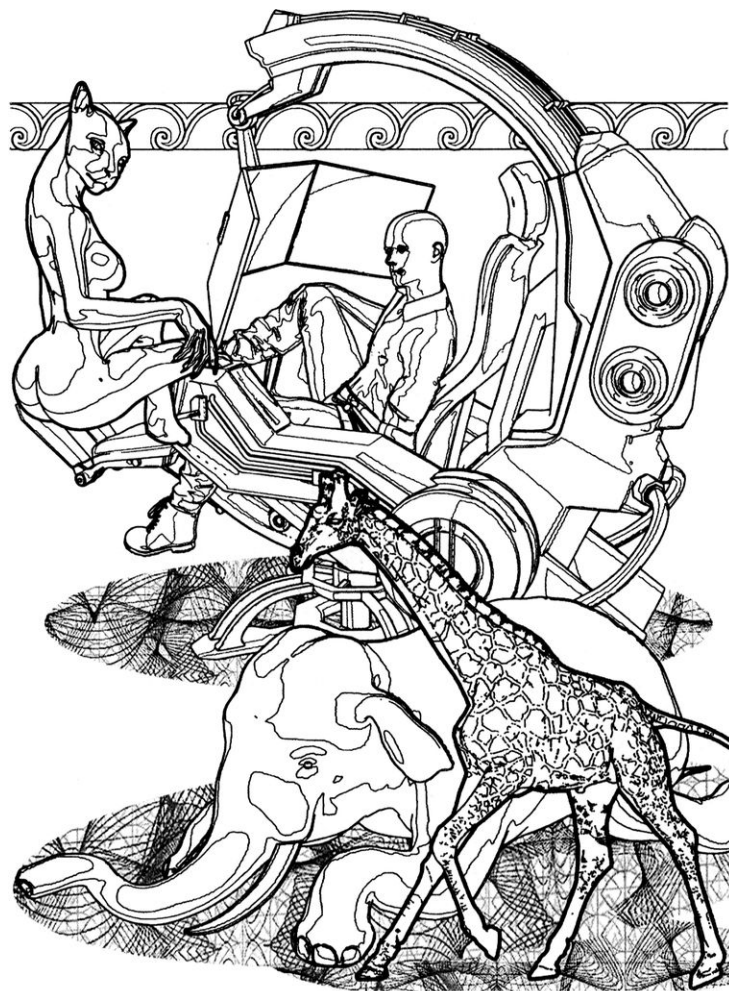
Исполняющий обязанности старшего артиллериста запыхался. Вскинув щетинистую морду, боров хрюкнул:

— Адмирал, у нас сегодня не слишком удачный денек, не правда ли?

Пробормотав вежливое извинение в адрес девушки с лицом старухи, Арчер отошел к буфету вместе с бором.

— Времена такие, — заметил он, чтобы как-то поддержать разговор. — Всякие досадные происшествия, понимаете ли.

— Досадные происшествия? Какие такие досадные происшествия? — Боров сунул рыло в корыто за своими лакомствами, Арчер же обзрел разложенные на столиках человеческие деликатесы. Выбрав небольшой сосуд в форме колбы, он стал потягивать из него через соломинку холодную густую пурпурную жидкость с кремообразной пенкой. Коктейль с гашишем тут же поднял ему настроение.

Боров, напротив, переполошился еще сильнее. Явно не в силах сдерживаться, он высунул морду из корыта.

— Адмирал, я ждал и ждал вашего приказа нанести удар, и что же случилось? Мы взяли и улетели! Мы ничего не предприняли!

— Пришел приказ улетать, — вежливо объяснил Арчер. — Не было времени завершить сбор налогов.

— Тем не менее нужно было сделать так, чтоб им запомнился наш визит! — возмутился Боров. — Испепелить пару городов. Прочертить дезинтегрирующим лучом след через материк. Этим планетам нужно показывать, кто главный!

Арчер задумчиво вытянул через соломинку остатки пурпурного коктейля.

— В общем-то это было бы нечестно. Они ведь не отказались. Это не их ошибка, что нам пришлось улетать.

— Их ошибка уже в том, что нам пришлось туда прилететь! Адмирал, Симплексом клянусь, что станет с Империей, если мы будем и дальше вести себя подчеркнуто *честно*? Нужно было объясниться с ними начистоту! — Боров потряс мордой и издал долгое возмущенное хрюканье. — Временами вы, люди, меня просто в отчаяние повергаете!

И потрусил прочь. Рядом с Арчером заговорил новый голос:

— Я вот думаю, разумно ли было назначать свинью на этот пост. Я заметил, что он выходит из себя, если ему запрещают позабавиться с флотской огневой мощью.

Арчер пожал плечами и обернулся к молодому человеку в блестящем мундире десантника-коммандо.

— Люди привязываются к своей работе, а животные тем паче. К тому же на такой должности нужен увлеченный сотрудник. Свинья или кошка.

Коммандо кивнул.

— Мои гепарды и псы каждый раз рвутся с поводков, стоит нам навестить очередную планету. Им бывает трудно объяснить, почему мы не высаживаемся.

— Нам, по совести, нужно было бы побольше людей.

— Можно подумать, мы сами не знаем! — Коммандо рассмеялся и подвинул к себе листовидное блюдо с нарезанными в форме кубиков свежими овощами. — По крайней мере, флоту так точно. Но вы попробуйте гражданским это объяснить.

Арчер швырнул пустую колбу в щель мусоропровода и ушел. Перед его мысленным взором, словно на карте, распростерлась галактическая Диадема. Имперские миры свешивались с сияющего звездного берега, как переплетенные щупальца чудовищного осьминога, постепенно истаивая и растворяясь в галактической бахроме — там имперская власть в последнее время ослабевала.

Теоретически Империя властвовала над всей Галактикой — эта претензия выдвигалась в расчете на время, когда человечество распространится по всему галактическому диску. Фактически же, если посмотреть на Галактику извне, область имперского контроля представлялась бы довольно небольшим, хотя и заметным ярким пятном, и суждено ли ему дальнейшее расширение, оставалось для многих вопросом не из легких.

Во-первых — и в том состояла, пожалуй, главная сложность, — рождаемость в Диадеме и ее ближайшем окружении катастрофически падала. Человеческое население Диадемы, которая относилась к остальному человечеству примерно так же, как в давние времена метрополии к колониям (хотя существование подобного политического разграничения никогда не признавали публично), не превышало миллиона. К этим следовало приплюсовать несколько десятков миллионов животных и искусственных интеллектов, участвующих в управлении Империей, и, разумеется, сотни миллионов роботов, имевших жизненно важное экономическое значение, но лишенных гражданства.

Ни животные, ни роботы не отличались ни научной, ни творческой изобретательностью, а миллион человек, размазанный по такому обширному региону, представлял слишком мало креативных талантов, чтобы с уверенностью смотреть в будущее. И ситуация только ухудшалась: если ничего не изменится, в следующем поколении людей в Империи останется всего семьсот тысяч. В конце концов население, вероятно, стабилизируется, но Диадема утратит необходимую для отведенной себе роли интеллектуальную потенцию.

Эту трудность решали типичными для Империи методами: с окраинных и вассальных миров, обладавших, как правило, собственными правительствами и населением во многие сотни миллионов, взимали дань деятели искусства, науки и философии. Насколько успешна была такая методика налогообложения, оставалось предметом дискуссий. Некоторые из кооптированных в Диадему артистов и ученых находили тамошний безза-

ботный образ жизни отвечающим своему нраву и оставались — особенно выходцы с миров более энергичных, но и более деспотичных. Однако полная свобода, гарантируемая всем подданным Империи в пределах Диадемы (а подданство Империи получали все, кто располагал более чем девяноста процентами человеческих генов), практически обесмысливала противодействие нелегальной резмиграции, если кто-либо проявлял склонность к ней. Даже угроза покарать родные миры отступников не всегда давала результат.

Таким образом, Диадема, основание человеческого ресурса галактического управления, постепенно подтачивалась. Безразличие, проявляемое к имперской структуре большей частью человеческого населения, ничуть не облегчало жизнь тем немногим, кто выказывал деятельный интерес к сохранению Империи. Поэтому экипажи кораблей имперского флота состояли в основном из молодежи.

Однако же миллион человек, составлявший население Диадемы, занимал почти тысячу миров и при этом ухитрялся удерживать под своей властью еще большее число планет с куда более существенным населением. Это многое говорило об уверенности Империи в собственных силах, хотя имперская структура вне Диадемы поддерживалась лишь перманентно развернутыми в космосе флотилиями (в былые славные дни таких насчитывалось тридцать шесть, а сейчас только пять), которые подавляли мятежи, собирали налоги, наказывали дефолтные планеты и, самое важное, препятствовали сепаратистам в обзаведении собственными звездными флотами.

Офицер командос утянулся за Арчером. Казалось, он читает мысли адмирала; взяв того за локоть, молодой человек произнес:

— Адмирал, прошу прощения, но я как раз собирался поинтересоваться, сколько вам лет.

Арчер остановился. В дальнем конце салона замерцали цветковые индикаторы интермат-киосков: прибывали гости. Экипажи всех судов Десятого Флота спешили воспользоваться устройствами дистанционного переноса материи, доступными во время крейсерского полета на фитоловых двигателях. Роскошные одеяния и претенциозные парадные мундиры (офицерам от третьего ранга и выше разрешалось самим разрабатывать себе форму) замелькали у всех киосков: новоприбывшие выходили в салон.

— Да нет, вопрос как вопрос, — отозвался Арчер. — Мне в следующий день рождения исполнится двадцать один год. И я уже больше трех лет в ранге адмирала Десятого Флота.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Видимых прутьев клетка Паута не имела. Прутья бы улучшили его положение. Он бы хоть видел, где заканчивается его темница.

Со стороны казалось, что живет он в скудно обставленной, но удобной комнате и волен покидать ее через любую из двух дверей, а также приближаться к людям или роботам, проходящим через помещение. В действительности его движения были стеснены маленьким пространством в углу, где в полу имелась дырка для туалета. С регулярными интервалами через откидную дверцу в стене поступала пресная пища однородной консистенции. Когда Паут давил на рычаг, из крана текла вода. Иногда он забавлялся с водой, глядя, как она, завихряясь, стекает по углублению в полу в сливное отверстие и пропадает там.

Прутья у клетки *были*: незримые прутья боли — ослепляющей, колючей боли, вынуждавшей его визжать и скручиваться в комок каждый раз, как пытался он выбраться из своего закутка. Он знал, что эти прутья — действительно прутья, поскольку болевой барьер не был сплошным, и в прошлом, действуя методом проб и ошибок, отыскал промежутки достаточно просторный, чтобы просунуть туда руку почти до плеча.

Паут видел, что остальные люди не стеснены так, как он. Они и не были на него похожи. Не было у них крупных чашеобразных ушей или обезьяньих черт (имя ему

дали за удлинённые надутые губы, хотя он и не понимал этого¹), не было и слишком длинных рук. Зато у этих людей имелся доступ ко многим приятным вещам, в которых было отказано ему самому. Они часто улыбались и выглядели довольными. Воображение Паута отказывало при попытках представить, чем именно, и лишь медленно подсвечивалось редкими впечатлениями, как тлеющий янтарь. Все, что не было связано с его непосредственным опытом в этой комнате, вызывало у него ненависть и подозрение, но он не обладал достаточной интроспекцией, чтобы понять, какова причина этого внутреннего жара — зависть.

Одного человека он знал лучше всех прочих, и был это Торт Насименту, куратор музея. Однажды, когда Паут сидел, раскорячившись над дырой в полу, Насименту проходил через комнату, сопровождаемый незнакомцем. Гость, высокий человек с соломенными волосами и мягкими голубыми глазами, задержался. Он посмотрел на Паута без малейшего уважения к его приватности.

— Это тоже твоя химера, Торт?

— Да, — протянул Насименту. — Это Паут.

— Странноватый клиент, — отметил гость, а Паут доделал свое дело. — Из чего ты его слепил?

— Да всех приматов накидал в кучу. В основном гиббон, бабуин и человек.

— Он говорить умеет?

¹ pout (англ.) — недовольная гримаса; надувать губы.

— О да. Интеллектуально он почти равен человеку. К сожалению, манеры у него настолько омерзительные, что мы вынуждены были посадить его под замок.

Он указал на потолок: там горел световой индикатор работы болевого излучателя.

— Робоклерки заботились о нем в младенчестве. Они даже научили его работе с документами, так что в некотором смысле он образован.

— Твои робоклерки? И что, у него за всю жизнь не было *никакой другой* компании?

— Ой, Лопо, перестань, не разочаровывай меня, — ответил Насименту, заметив выражение лица гостя. — В производстве химер нет ничего *незаконного*.

— При наличии лицензии — нет.

— Если надо будет, получу. Это ж *музей*, как-никак. — Насименту помолчал, размышляя. — Знаешь, а меня не удивляет, что химеризацию в Диадеме забросили. Межвидовая генетическая манипуляция не так проста, какой кажется. Так *сложно* выдержать правильные пропорции... вот взять хотя бы Паута. Он составлен из генетического материала одних только приматов, лучшего, что может предложить природа, и посмотри, каким невыносимым получился. Раз уж ты привлек к нему мое внимание, нужно, пожалуй, от него избавиться. Я и хотел, но меня что-то отвлекло. Он даже как наглядный пример неудачного эксперимента больше *никакой* ценности не имеет.

Гость ошетинился.

— Что я слышу! Ты предлагаешь убить ни в чем не повинного второрангового подданного Империи?

— А он что?.. А, ну да. Ну ладно, не лезь в бутылку.

Насименту поспешно вышел из комнаты — в действительности увеличенного коридора, — где жил Паут. Двое не обменялись больше ни словом, пока не вернулись к Насименту в кабинет. Куратор шуганул парочку роботов, которые расположились там поиграть в шахматы.

Лопо де Кого уселся. Насименту поставил перед ним бокальчик пурпурного ликера.

— Не знаю, почему ты так возражаешь против моих экспериментов с химерами, Лопо. Я-то считал тебя симпатиком всей этой камарильи всеземельников-биотистов?

— Торт, ну блин, это же было еще в студенческие годы, — недовольно отозвался Лопо. — Ладно, забудь про химер. Боюсь, у меня более серьезный предмет для обсуждений. Правда ли, что ты наделяешь искусственным интеллектом существ, не относящихся к млекопитающим? Это уж точно *совершенно* незаконно.

— Не уверен, что соглашусь с тобой. Ты забываешь, что особым декретом музеем дарована полная свобода экспериментов во всех областях науки.

Де Кого закусил губу. Такой ответ был для Насименту типичен: если куратора начинали тормозить насчет его опытов, Насименту неизменно ссылался на какой-то древний декрет правителя планеты, с тех пор никем не отмененный. Впрочем, он еще ни разу не предъявлял этого документа.

Де Кого был старым другом эксцентричного куратора, но его личная привязанность в данном случае конфликтовала как с отношением к деятельности Насименту, так и с должностными обязанностями инспекто-

ра. Было ясно, что моральный кодекс Насименту (а возможно, и его рассудок) пострадал невосстановимо.

К тому же старый приятель проявил себя дилетантом. Его заявления о трудности генетического смешивания выдавали в нем невежду. Генетики Диადемы возвели работу с химерами в ранг высокого искусства. Химеры в дни славы Империи превосходили численностью обычных людей. Клеточное слияние уже начинало вытеснять секс как метод воспроизводства.

В том и состояла идея всеземельников-биотистов: они утверждали, что границы между видами должны быть стерты, а весь класс млекопитающих со Старой Земли сольется в единое общество. Биотистская философия, однако, не пользовалась популярностью. Многие чистокровные люди опасались, что гены человека разумного растворятся в общем пуле, и радикальное смешивание генетического материала постепенно вышло из моды. Применяли его теперь в основном косметологи. Люди Диадемы обращались к химерицистам и сдавали зиготы, чтобы спроектировать будущего ребенка с примесью определенного животного. К примеру, примесь тигра добавляла безошибочно узнаваемой харизмы.

Хотя подавляющее большинство населения Диадемы составляли животные, де Кого сомневался, что у биотистов есть шанс добиться своего. Слишком значительными оказались преимущества альтернативного подхода: животных наделяли искусственным интеллектом, редактировали их гены лишь в отношении телесных пропорций или, иногда, для нужд хирургии, наделяли органами речи. Люди оставались расой господ.

Животный интеллект, прежде непредсказуемый, зависел теперь только от нужного соотношения генов — и даже людям иногда вживляли адпланты, чтобы переделать интеллект с чистого листа.

В одном, впрочем, старые биотисты и современные диадемисты сходились: ни человеческие гены, ни искусственный интеллект нельзя даровать существам вне класса млекопитающих. Всеземельная биота — просто звфеизм для всеземельной маммалии.

Де Кого продолжал настаивать на своем.

— Торт, пожалуйста, не уходи от ответа.

Насименту передернул плечами.

— Торт, пожалуйста, ответь. Ты знаешь законы. Млекопитающие обладают эмоциональной чувствительностью — их можно цивилизовать. Но разумная рептилия или раптор? Они лишены чувств! Такое существо навеки останется дикарем, ужасом для окружающих! — Официально такие существа разумными не считались, как высока ни была бы их интеллектуальная мощь.

Насименту захихикал.

— О да, вынужден признать, что разумная змея — крайне неприятный и нецивилизованный субъект, ее и личностью-то вряд ли можно назвать. Но, управляя таким музеем, нужно действовать *последовательно*, ты понимаешь меня?

— Значит, это правда, — вздохнул де Кого.

Насименту улыбнулся и погрузился в воспоминания:

— Адплантация так несложна, что ее даже к примитивным классам, например, членистоногим, применять

можно. Должен признать также, что я и этим развлекался. Борис был моим любимцем. Паук-волк.

— Разум на службе паука? — изумился де Кого. — Но какой в том смысл? У паука нет настоящего сознания — он же просто поведенческий автомат!

— Ну, мне скучно стало. Поэтому я отредактировал его гены так, чтобы он рос — и вырос до размеров пони. К сожалению, членистоногое таких размеров даже встать не способно, если его не модифицировать, так что я снабдил его искусственным эндоскелетом. Ах, какая жалость, что тебе нельзя его показать... но да, боюсь, что эксперимент где-то пошел не так, ну он и сбежал, негодник эдакий. И сумел забраться довольно далеко отсюда. Слышал, что он посеял опустошение во всем Коларском округе, прежде чем его наконец не уничтожили!

Насименту издал визгливый смешок.

— Ты спятил, — прошептал де Кого. Потом откашлялся. — Торт, ты знаешь, что я здесь с официальной инспекцией. Я уже пытался тебе объяснить: ты слишком далеко зашел. На сей раз...

— Это древнее учреждение, — перебил его Насименту, — а ваши имперские идиотские законы — проходящи. Мы не связаны ими. Мы действуем в более широкой перспективе.

— Ими связаны все, Торт. — Де Кого замолчал, видя, что привлечь внимание собеседника не удастся. Насименту склонился к оставленной роботами шахматной доске и с улыбкой взидал на партию. Потом протянул руку к фигурам и переставил несколько.

— Бедняга Морщун все время проигрывает, — объяснил он. — Надеюсь, я ему немножко помог. Так о чем бишь мы? А, да! Законы и правила. Понимаешь ли, старый друг мой, это не Диадема, это сектор Эскории, имперские эдикты здесь в лучшем случае принимают во внимание. Ты же серьезный человек. Ты знаешь, что...

— Насименту ткнул пальцем в потолок, — в соответствии с последними новостями, у нас тут восстание. Империя, скорее всего, вынуждена будет убраться отсюда.

— Даже если и так — ты что, думаешь, повстанцы позволяют региону скатиться в анархию?

— Ну, они ж не биотисты, разве нет? — сердито бросил Торт.

— Я так не думаю.

— Отлично. Да кому мы интересны? Занятное дело, как изменилось значение слова *Земля*. В наши дни этот корень используют главным образом биологически, в сочетаниях вроде *всеземельная биота*. Но ведь это имя планеты. *Этой* планеты, Лопо. Это ведь *Земля*, ты не забыл?

— Угу, — рассеянно откликнулся де Кого. Ему только сейчас пришло на ум. Ему раньше казалось, что *Земля* на самом деле — два разных слова, слившихся в омоним. — И какое это имеет?..

— Любое, — весело ответил Насименту. — Это исходный мир, глухомань еще та. Сюда никто не суется, никому до нас нет дела, ну и с какой бы стати повстанцам?.. Что до правительства, которое, по твоим утверждениям, ты здесь представляешь, то оно не более дееспособно, чем сама Диадема, а значит, я тут вправе

делать, грубо говоря, что хочу. Поэтому перестань на меня наезжать, Лопо!

С этими словами Насименту вскочил и направился к выходу из комнаты, избавив себя от общества надоедливой гостя.

Слова куратора глубоко потрясли Паута. Он впал в ужас и совсем не утешился заступничеством незнакомца: Паут понимал, что чужие мнения Насименту не указ. Его единственным шансом было, сколь он представлял себе, надеяться, что куратор снова отвлечется и забудет о нем.

Когда де Кого снова пришел его проводить, позже, вечером того же дня, Паута опять охватил ужас, смешанный с удивлением. Инспектор смерил его взглядом, и в бледно-голубых глазах ученого проступило сочувствие.

— Бедная полуобезьяна, — пробормотал он. — Ни матери, ни отца — какую ужасную замену их предложил тебе Торт! Попытайся его простить. Думаю, он уже давно рехнулся. Ну, а я по крайней мере сделаю что-нибудь для облегчения *твоих* страданий.

Подойдя к стене, он отодвинул панель, которой Паут прежде никогда не замечал. Световой сигнал на потолке выключился.

— Выходи. Ты свободен.

Паут боязливо съежился. Он не поверил словам де Кого, приняв их за какой-то трюк. Глядя на несчастное создание, де Кого вдруг вспомнил еще один эксперимент Насименту, птичечеловека. Лишенное дара речи и языковых способностей, существо это выражало свои мысли единственным способом: игрой на саксофоне

сопрано. Птичечеловек играл, как ангел, по любому поводу, извлекая взамен предложений напевы и великолепные каскады нот, а слова заменял аккордами и арпеджио. Насименту утверждал, что это сложная форма птичьих песен, а музыкант явился экспериментом по созданию гибрида человека с черным дроздом, опыта незаконного, но необычайно интересного. Де Кого смутило отсутствие всяких внешних признаков химеры (хотя птичечеловек был довольно нескладен), и он вскоре выяснил правду. На самом деле птичечеловек представлял собой обычного, выращенного Насименту путем гормональной акселерации, а дара речи лишился потому, что ему систематически отказывали во всех возможностях научиться языку. В музыке же, напротив, натаскивали интенсивно, сделав ее единственным дозволенным для него средством общения. Насименту даже погружал подраставшее дитя в криосон между уроками музыки, исключая все немелодические стимуляторы. Куратор считал эксперимент неслыханно успешным: речевой центр, расположенный в левом полушарии головного мозга, сделался практически необучаем, и единственным каналом восприятия у птичечеловека осталось правое, отвечающее за интуитивные способности, в том числе музыкальные.

Де Кого возмутился, что перворангового гражданина удерживают фактически в тюрьме, и приказал освободить несчастного. Наверное, тот так и бродит себе где-нибудь по Земле, увечный менестрель, способный озвучить самые сложные и утонченные эмоции, но ни единого факта.

В этом случае инспектор уговорить Насименту не рассчитывал: не в том настроении был безумный ученый, чтобы отпустить Паута.

Он поманил обезьяна.

— Я твой друг. Я дам тебе свободу.

Паут вспомнил, как де Кого обращался к нему прежде. Очень осторожно, в приливе надежды, Паут позволил вывести себя из закутка. Он миновал то место, где раньше располагались невидимые прутья. И не почувствовал боли.

Он стоял на другом участке пола!

Его сердце заколотилось. Как долго!

— Накинь это, — мягко обратился к нему де Кого, протягивая нечто вроде желтого комбинезона с нагрудным слюнявчиком и короткие штаны. Паут вцепился в одежду. Неловко, следуя указаниям де Кого, застегнул ее на себе. Потом осторожно развернулся, поглядывая из стороны в сторону, все еще в раболепной позе, но размышляя, что делать. Ему хотелось причинить спасителю боль, как-нибудь покалечить или даже убить, но он был слишком слаб для атаки и боялся нападать.

— Следуй за мной, — резко бросил де Кого. Паут поплелся за инспектором по длинному коридору. Оттуда они вышли в галерею с низким потолком, которую Паут смутно помнил.

Повернули налево и оказались на деревянной веранде. На Паута подул теплый ветерок. Перед ним до горизонта распростерлась саванна. Пригревало солнце, повисшее над всею сценой подобно блистающей лампе.

Красоты ландшафта Паут не осознавал, но зрелище всколыхнуло в нем нечто общее для всех созданий, благородных или простых.

Свобода! Свобода жить! Наслаждаться жизнью!

Де Кого, хотя и шел чуть поодаль, сторонясь исходящей от Паута вони, уловил перемену в настроении обезьяна.

— Теперь уж как-нибудь сам, — быстро проговорил он, — я сделал для тебя все, что мог. Ты свободен, ты второранговый подданный Империи, если понимаешь, что это значит.

Он помолчал.

— Галактика широка, но, конечно, полна опасностей. Ты должен будешь сам строить свою жизнь. Желаю тебе удачи. А теперь уходи, пока куратор не обнаружил нас.

Паут стоял и тупо смотрел вперед, пока его не подтолкнули к ступенькам, ведущим с веранды вниз. Он скатился по лесенке, чуть не упал, все еще гадая, не розыгрыш ли это.

Когда он коснулся земли босыми ногами, его пронизало никогда прежде не испытанное ощущение. Трава шелестела. Не в силах сдержаться, он бросился на землю и стал кататься по травяному ковру.

Когда спустя некоторое время он очнулся и поднял глаза ото всей этой роскоши, инспектор уже ушел.

Паут разлегся так, чтобы сливаться с травой, и начал размышлять. Человек дал ему совет убираться отсюда поскорее — и то был добрый совет. Но все же...

Он чувствовал беспомощность и страх. Ему нужно было обзавестись оружием. Ручным сканером, который

он спрячет в обретенной одежде и применит в ответ на опасность (или, подумал он с наслаждением, испытает на ком-нибудь, кто ему не понравится). С оружием он будет чувствовать себя надежнее.

Вокруг были разбросаны бледно-зеленые музейные постройки. Паут немного разбирался в схеме музейной территории. Когда его воспитывали роботы, он научился работе с файлами и порой заглядывал в схемы — роботы не видели в его интересе к устройству музея ничего странного. Например, вот та ангарообразная постройка с серыми металлическими стенами — музей оружия. Он четко помнил, что там хранится оружие.

В музее редко появлялись обычные туристы, но теоретически сюда мог наведаться любой. Насименту принял некоторые меры предосторожности: в арсенал можно было попасть только через выставку старинной обуви, из маленькой пыльной галереи, и случайный посетитель легко принял бы неприметную дверь за вход в туалет, а не в сокровищницу оружия...

Паут попетлял вприсядку по траве и наконец осмелился распрямиться: под прикрытием постройки его уже не заметили бы. Вскоре он проскользнул под увитой диким виноградом притолокой на выставку древней обуви.

Вокруг на стеллажах экспонировалась обувь всех эпох и размеров — ботинки, башмаки, туфли, бесконечные и скучные ряды их, каждый экспонат аккуратно подсвечен и снабжен подробным описанием. Паут не удостоил их и взглядом. Он проверил лишь, нет ли тут кого, затем удовлетворенно скользнул к полускрытой

двери, ведущей в прямой коридор без мебели и указателей, и рванул туда.

В другом конце коридора тоже имелась дверь, на сей раз внушительная, тяжелая, и на нее пришлось приналечь изо всех сил.

Пушки! Оружие всех видов!

На почетном месте в центре экспозиции была выставлена большая фитоловая пушка — такие на боевых звездолетах попадают. Паута не интересовало, каким образом Насименту разжился столь впечатляющим оружием, ибо он понял только, что это очень большая пушка, и не знал, что в отрыве от корабля она совершенно бесполезна. Он только стоял, упиваясь царящим здесь ощущением мощи.

Он нервно откашлялся. Звук эхом прокатился по ангару, но его это не встревожило. Даже роботы редко появлялись здесь. Обычно тяжелую дверь открывали лишь затем, чтобы добавить в экспозицию новый предмет.

Он стал прогуливаться по выставке, пытаясь понять, как организована экспозиция. Он разглядывал оружие, но читать не умел, так что проку от табличек под экспонатами не было никакого. Наконец склонился приглядеться к длинноствольному ружью — ствол был позолоченный, а приклад перламутровый. Неожиданно из воздуха прозвучал вежливый голос, напугав его:

— Силовое ружье, тридцать первый век. Основное воздействие луча — механическое. Способно продырявить десятидюймовый слой титанового сплава с расстояния в...

Восхищенный Паут заслушался, а голос перешел к детальным спецификациям оружия и историческим примерам его применения. Большую часть рассказа он, впрочем, пропустил мимо ушей, да и ружье показалось ему слишком громоздким.

Он двинулся дальше. Все пушки в этой секции были велики и явно устарели. А где же сканеры? Признаться, он только про сканеры что-то и знал. Он про них что-то видел в файлах, когда с роботами был. Он тогда не понял, что стал участником анимационной драмы с психогенным акцентом: проецируемые на подсознательном уровне сигналы манипулировали ощущениями зрителя и побуждали его включиться в сюжет. Увиденный Паутом фрагмент относился к сканерной перестрелке. Паут ничего увлекательнее в жизни не испытывал. Ведь, разумеется, зрителю драму демонстрировали с позиции победителей.

Повернув за угол, он очутился в новой секции. Здесь стенды были меньших размеров. Ручное оружие!

Но и эти экземпляры показались ему очень старыми. Он осмотрел первый и нажал пальцем на корпус стенда, только что выученным приемом активируя экскурсовода.

— Кольт калибра 0.45, девятнадцатый век. Это оружие стреляет свинцовыми пулями на скорости в...

Он не стал слушать дальше. Девятнадцатый век! А сейчас что за век? Паут не знал точно, но был уверен, что куда позже девятнадцатого.

Он быстро миновал стеллажи с различными экспонатами, пока не достиг секции, отведенной для современного оружия. Но по дороге не устоял от соблазна ос-

мотреть некоторые древние образцы: странные приклады, не менее диких стволы — иногда рифленные, иногда тупоносые, иногда квадратные или срезанные, щелястые или вовсе лишенные отверстия, — курки, предохранители, кнопки и рамки. Паут, в невежестве своем, не осознавал даже, что все представленные на выставке экспонаты не заряжены, а некоторые даже не функциональны. Пушка представлялась ему оружием, которое просто берешь в руку и стреляешь по людям.

Он услышал какой-то шум и в испуге замер. Ничего. Его взгляд упал на ближайший экспонат, и он наклонился осмотреть стенд.

Выглядело устройство непримечательно.

Приклад и ствол вроде бы из дерева или какого-то зернистого материала. Светлого оттенка. Казалось, что оно действительно вырезано из дерева, поверхность которого намеренно оставлена необработанной. Может, это игрушка?

Ствол, или что это было, имел прямоугольные очертания, и по всей длине его тянулись кнопки. Рукоятка немного скошена, ни мушки, ни видоискателя. Паут бы двинулся дальше, но некое неопределимое качество артефакта привлекло его внимание и заставило нажать на край стенда.

— Электроружье, время изготовления неизвестно. Связан с культурой бусидо. Контроллер симпатической нервной системы. Стреляет электрическими разрядами.

И это было все.

В отличие от остальных экспонатов, здесь никаких подробностей о том, как устроено оружие, каковы его

боевые характеристики и прецеденты применения. Почему-то именно это отсутствие сопроводительной информации побудило Паута исследовать экспонат внимательней. Он поискал, как отключить экран, отделяющий его от оружия, не нашел и сунул руку прямо в ящик.

Он почувствовал, как упруго поддается под нажимом силовое поле. Пальцы сомкнулись на рукоятке. Он догадался правильно, пушка была из дерева, приятного на ощупь. Он поднял ее, и это приятное ощущение словно бы передалось через кожу, а в голове заговорил тихий голосок.

Я твоя.

Но стоило ему вынуть экспонат из ящика, как вмешался другой вежливый голос, не в голове, но в воздухе.

— Вы изъяли экспонат со стенда. Пожалуйста, немедленно верните его на место. О случившемся уведомлен смотритель музея.

Паут крутанулся на голос, в тревоге разинув рот. Инстинктивно нажал указательным пальцем длинный тумблер, выдававшийся из ряда кнопок сразу под стволом.

Результат получился неожиданным. В воздухе проявились несколько бледно-розовых сияющих линий, пронизали пространство, исторгнутые дулом пушки. Паут, приободренный этим, ухмыльнулся. Возможно, это и не сканер (он не видел никаких переключателей в режим сканирования), но пушка работает!

— Вы все еще не вернули экспонат на место, — укоризненно произнес вежливый голос после паузы. —

Пожалуйста, верните, иначе сейчас появится зритель.

Ухмылка Паута перешла в оскал, губы откатились, обнажив желтые зубы и выступающую вперед челюсть. Он услышал тихое жужжание позади и обернулся: через проход между стендами к нему катился маленький робот.

Откуда он вылез? Паут не слышал, чтобы дверь открывали. Он не знал, что это просто зритель секции: такие имелись в каждом отделе музея и обычно пребывали в ждущем режиме, активируясь только для экскурсий, лекций или предупреждений посетителям. Робот не причинил бы химере вреда. Но Паут счел его воплощением власти Торты Насименту и ужаснулся.

Он весь затрясся, выставил перед собой новообретенную пушку и спустил курок. Он даже не постарался прицелиться. Бледно-розовая молния вылетела из дула, сначала по прямой, потом стала искривляться и уткнулась в головной отдел корпуса маленького робота.

Робот не взорвался, не загорелся и не обратился в пыль, как в кино. Он просто замер.

Волнистая молния висела в воздухе, не двигаясь, пока Паут не снял палец с курка.

Исчезла.

Паут постоял немного в полуприсядке, чувствуя бешеный стук сердца, потом подкрался к автомату. Робот не отреагировал.

Издав торжествующий вопль, Паут пнул робота. Машинка завалилась в сторону, покаталась туда-сюда и замерла.

Он убил его!

Охваченный радостью, обезьян развернулся и окатил экспозицию огнем. Визуального эффекта не последовало, все осталось как было. Но укоризненный голос заткнулся, и Паут, возвратясь к двери, с усилием налег на нее, вывалился обратно в коридор и побежал через выставку старинной обуви наружу.

Вечерело. Паут задумался, как пересечь саванну, холодно ли тут по ночам, что его может ждать в конце путешествия. Размышления эти его так напугали, что он стал колебаться, а покидать ли вообще безотрадный закуток, где хотя бы тепло.

Он оглядывал музейный комплекс. Ненависть к Насименту обретала новый аспект. Сперва, перед побегом, было бы неплохо рассчитаться с ним...

А почему бы и нет, в самом-то деле? Кроваво-красной розой расцвела в его мозгу решимость, и тут же блеснул свет в одном из зданий неподалеку. Через окно Паут с трудом различал фигуру, которая прохаживалась туда-сюда, держа что-то в руке.

Насименту!

Ему словно подкинули вкуснейших деликатесов. Ноги сами понесли Паута туда, к постройке, где мелькнул свет, и к двери за углом.

Нервы на миг подвели его, и он в панике стиснул рукоятку пистолета. Шероховатая поверхность успокаивала; казалась *правильной*, вырезанной по мерке его руки. В голове замурлыкал тихий голосок.

Я твоя. Калечить можешь ты и убивать — дзен-пушку навести лишь стоит.

Дзен? Что такое дзен?

Вопрос канул в недра сознания Паута, когда он приналег на дверь и, выставив перед собой оружие, вошел.

За дверью оказался какой-то экран из материала, похожего на смальту. Однако рассмотреть происходящее в комнате он не слишком помешал. Насименту стоял посередине помещения, вид у него, обычно угрюмого, был на диво расслабленный и довольный. В одной руке куратор держал бокал на длинной ножке, наполненный бледно-зеленой жидкостью. В другой — сканер. У стены справа от Паута находились два незнакомых человека. Один был среднего роста, немного ниже Насименту, с зачесанными назад и стянутыми в узел на затылке темными волосами и скуластым лицом. Черты его выдавали едва уловимое напряжение. На нем было странное свободное белое одеяние с каким-то жилетом или переноской от плеч до колен, и сбрую эту усеивали многочисленные ремешки и крючки.

Рядом с ним стоял мальчик: синеглазый, чуть золотокожий, с красивой прической. Курточка и штаны украшены голубым цветочным узором. Он смотрел на Насименту не моргая.

Незнакомец в ремешках и крючках говорил с куратором музея.

— Твоя лживость бесстыдна и не знает пределов. В некотором смысле это почти талант, ибо не каждый сумел бы одурачить воина.

— Почему же, знает, — спокойно возразил Насименту. — Вход в музей вооруженным лицам запрещен, *это правда*. Меня удивило, с какой легкостью ты поддался

на это требование. *Косё*², тебя подвело укорененное в тебе почтение к традиции. Это ожидаемо. Все равно что пчелу сахаром приманивать.

— А как быть с тем старинным оружием, которое ты обещал мне показать? Это, полагаю, тоже выдумка?

— В общем-то... впрочем, неважно. Что от тебя требуется в данный момент, так это приспособиться к новой ситуации — как тренированный, гибкий и здравомыслящий человек, ты в этом несомненно преуспеешь. Но предупреждаю, — поспешно добавил Насименту, когда стоящий перед ним человек шевельнулся, — не делай резких движений. У меня тут симпатический приемник, настроенный на вас обоих и подключенный к высокоэнергетическому излучателю. Одно угрожающее движение, и онотреагирует прежде, чем вы это осознаете.

Незнакомец едва заметно улыбнулся, словно намекая Насименту, что и симпатический приемник можно обмануть. Насименту пригубил из бокала и помахал сканером.

— *Мудрец, готовясь действовать, всегда притворяется глупцом*, так, *косё*? Как видишь, я кое-что знаю о вашем учении. Я куратор этого музея, я обо всем кое-что знаю.

— Тогда объясни, зачем ты меня сюда заманил.

— Полагаю, мои мотивы будут тебе хорошо понятны. *Косё*, я чувствую великую ответственность за этот музей. Ему много столетий. Конечно, его практически разрушили в восемьдесят третьем — что за варварство! —

² Здесь, вероятно, от японского 故障 со значением «препятствие, преграда».

но я кропотливо потрудились, реставрировал его и почти полностью восстановил экспозицию. Я считаю его репозиторием всех достижений этой древней планеты, колыбели человеческой цивилизации. Подземные уровни для публики закрыты. Там у меня коллекция человеческих типажей, представляющих особый интерес, в частности, связанных с Землей. Ты слышал о генетически оптимизированных чиновниках? Чистейших альтруистах, разработанных так, чтобы обеспечивать обществу идеальное качество государственного управления? О, у меня один такой есть! Я его с нуля вырастил, по старым записям. У меня есть и клон Варго Гридбана, человека, чьи работы подарили нам фитоловый двигатель, клон, воссозданный по тем же старинным коллекциям... Но генетические кодексы, конечно, бессильны обеспечить меня образцом косё. Это результат тренировок. У меня нет косё. Их так тяжело найти, нелегко заманить в ловушку, сложно поймать и, конечно, опасно удерживать в заточении. Думаю, мне удалось преодолеть эти трудности. Ты будешь жить внизу в комфортабельных апартаментах. Мальчик остается здесь, со мной и моими роботами, о нем позаботятся. Если тебе удастся совершить побег, мальчишку немедленно убьют. И обратно, если он попытается освободить тебя или покинуть музей, убит будешь ты.

— План твой неосуществим, — тут же ответил косё.

— Мой племянник скорее предпочтет смерть, но не станет удерживать своим присутствием меня в заключении.

Мальчик кивнул в знак согласия.

— Если мальчик совершит самоубийство, ты тоже немедленно будешь лишен жизни.

— Это не считается. Будет так, как я сказал, или никак.

Насименту задумчиво сделал долгий глоток из бокала, глядя на двоих поверх кромки стекла. По лицу его было видно, что он верит словам косё.

Потом он вздохнул и опечаленно отставил бокал.

— Ясно, — произнес он вдруг упавшим голосом. — Ну что ж, я не позволю себе занять столь опасного врага на воле. К сожалению, уничтожить придется вас обоих.

Свободной рукой он сделал жест, вернее, начал. В тот же миг косё, предугадав, что куратор собирается активировать излучатель, прыгнул на него.

Какие последствия имел бы этот прыжок, осталось невыясненным, поскольку надобность в нем отпала. За прозрачным экраном сидел на корточках Паут и с нарастающим возбуждением прислушивался к разговору. Он больше не мог сдерживаться. Он выстрелил сквозь преграду, не вполне уверенный, что пушка пробьет ее.

Пробила. Паут целился ничуть не тщательней, чем в арсенале. Розовая ветвящаяся молния, более грозная и яркая, нежели в пыльном воздухе выставочного зала, вылетела из ствола, пронзила экран, изогнулась в пространстве и ударила Насименту в копчик. Куратор повалился, как сноп, не издав ни звука, не успев закончить смертоносного жеста.

Паут вынырнул из-за экрана, и в мозг его зазвенело рефреном:

Калечить я могу и убивать — дзен-пушку навести лишь стоит.

Фраза вновь и вновь повторялась в его сознании; он приблизился к труп и склонился над ним. Наконец ткнул ногой и убедился, что куратор мертв.

О радость! Он убил Насименту!

Паут развернулся к спасенным. Он предпочел бы позволить Насименту убить их, просто чтобы понаблюдать, как это произойдет, но не стал: обрывочное образование, полученное от роботов, оживило в нем кое-какие сведения об этом человеке, и Паут предполагал, что вытянул сейчас счастливый билет. Он хрипло заговорил:

— Ты — косё. Идеальный воин.

В продолжение этих событий на лице косё не отразилось ровным счетом ничего. Теперь он перевел взгляд на пушку в руке Паута.

— Что это за оружие? — спросил он, потянувшись к нему. — Позволь, я посмотрю.

— Нет! — взвизгнул Паут, прижав пушку к груди, и человек опустил руку. — Оно мое!

— Смешанное создание, ты уничтожило безумца, но мотивы твои остаются мне непонятны.

— Ты — косё, — повторил Паут. — Я спас твою жизнь! Твою и мальчика. Я знаю ваш устав. *Вы мои должники.*

Он тревожно ожидал ответа косё. Человек помолчал, потом медленно кивнул.

— Да, это так. Ты вправе назвать цену. Но если твое требование окажется несоразмерным, я могу отдать долг иным способом, а именно, покончив с собой.

— Я хочу только, чтобы ты сопровождал меня и защищал, — сказал Паут. — И сражался за меня. Делал, что я скажу.

— Ты же химера, не правда ли? — задумчиво проговорил косё. — Отчасти человек, отчасти животное. Интересно, какая часть доминирует? — Паут скорчил гримасу и прижал пушку к себе. Косё продолжал: — Итак, ты считаешь себя вправе поработить *этим* чистокровного человека. Второранговый — поработить перворангового гражданина. Ну что ж, быть по сему, я возмещу свой долг, о смешанное создание. Я спасу тебе жизнь, если в том возникнет потребность. Но ты должен понять, что на этом мои обязанности перед тобою оканчиваются. Я не стану ни на кого нападать по твоему приказу, иначе как для правого дела. Если ты потребуешь от меня выйти за эту границу, я избавлю себя от долга перед тобой, покончив с жизнью, как велит устав.

Паут мало что уразумел из услышанного, но глаза его заблестели.

— Где твои пушки и все такое? — требовательно прохрипел он.

— Поблизости. Но, раз уж нам теперь придется общаться друг с другом, как тебя зовут?

— Зовут? — Паут сморгнул. Его самосознание так далеко обычно не распространялось. Но он вспомнил, как к нему обращались.

— Паут, — промямлил он.

— Я Хако Икэмацу, ты можешь обращаться ко мне косё. Это мой племянник, Синбиан.

Косё кивком показал на дверь в другом конце комнаты и двинулся туда в сопровождении мальчика. Паут

последовал за ними. Вниз по коридору в вестибюль; оттуда к главному входу; оттуда по тропинке к домику.

Паут пришел в восторг, увидев, сколько у косё оружия и какое оно разнообразное. Он жадно наблюдал, как косё, ни разу не прибегая к помощи мальчика, снаряжается. Закончив с этим, воин задумчиво посмотрел на обезьяна.

Паут окинул саванну пытливым взглядом. Солнце скоро сядет, но ярость не позволяла мешкать. Ни минуты больше здесь, в бывшей тюрьме. Целый мир простерт перед ним!

Стоп. А как же тот человек, освободитель? Он, наверное, еще где-то в музее. Возможно, стоит его...

— Идем? — спросил косё.

— Да, да!

— Тогда ты ступай вперед, а мы последуем за тобой на некотором расстоянии.

Предложение Паута смутило. Он заподозрил в нем неуклюжую уловку, но, как ни ограничены были его познания о мире, а он понимал, что кодекс чести косё нерушим.

Трое двинулись через травянистую саванну, в красном свете умирающего солнца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Женщина-кошка прямо мурлыкала от удовольствия. Арчер скатился с низкой кушетки, где они забавлялись, и как следует потянулся.

Теплый ветерок обдувал его тело. Он устремился по мшистому бережку вниз, к мерно журчащему потоку, и склонился омыть тело прохладной водой. У него между ног метнулась рыба с радужной чешуей, уходя от полусознанной попытки человека схватить ее.

Девушка-кошка подскочила к нему. Он заметил, что ее чувство удовольствия укоренено глубже, чем у него самого; с низким смешком она прыгнула в воду и стала перекатываться в ручье, пока блестящие черные волосы полностью не намокли. Потом вылезла обратно и, раскинув конечности, разлеглась обсыхать на травке.

Он вспомнил податливость ее мышц, острые коготки, вонзавшиеся в его тело во время соитий, яркое свечение золотистых глаз. Когда зрачки девушки сокращались, казалось, что сжимаются они не в точки, но в щелки.

— А знаешь, — произнес он, выходя из ручья и останавливаясь над нею, — тяжело поверить, что в тебе не больше десяти процентов от кошки.

Она снова рассмеялась низким, гортанным, дразнящим смехом.

— В общем-то почти двадцать.

— Как так? — озадачился Арчер. — Ты ведь перво-ранговая гражданка?

Девушка посмотрела на него с некоторым непониманием.

— Ты что, думаешь, у всех перворанговых не меньше девяноста процентов человеческих генов? Тестами занимаются в основном звери да химеры, ничего странного, что они прогибают закон под себя. Мой испытатель, кажись, вообще процентов на сорок обезьяна, но у него был план прокачаться до первого ранга.

Арчер изумленно покачал головой.

— И как, ему это удалось?

— Не знаю. Но генетические законы в наши дни обмануть несложно. Всем начхать.

— То бишь администрация так обленилась, — пробормотал Арчер, — что это уже на фарс походит.

Девушка лениво сморгнула; Арчер отметил неожиданное изменение света, приходящего с мнимых небес. Он поднял голову. Над горизонтом по-прежнему нависало розовое солнце, но рядом с ним проявился новый красный пульсирующий спутник. Его вызывали.

Он склонился над девушкой и потрепал ее по влажным волосам.

— Меня ждут дела. Я пока отлучусь.

Миновав свисающую к воде штору листвы плакучей ивы, он вдруг очутился в комнате, имевшей форму полумесяца; вогнутая стена, непрерывно изгибаясь, образовывала единое целое с потолком, ее украшали цветочные узоры с прихотливо вплетенными туда овальными иллюминаторами. Это был кабинет адмирала: тут имелись столики, аппарат для нейростимуляции, бар с

различными освежающими напитками и разнообразное оборудование, необходимое для коммуникации с флотом.

В кабинете никого не было, кроме Арктуса, слона-адъютанта. Животное стояло, изогнув хобот и касаясь им сенсорной площадки под одним из иллюминаторов; за стеклом отображался размытый, обесцвеченный ракурс рубки искривления пространства.

— Внутрикорабельная сеть снова проявляет признаки расфазировки, — протрубил слон. — Пора бы техникам оторвать ржавые задницы от седушек и вернуться к своим обязанностям.

— Им не так легко что бы то ни было приказать, — ответил Арчер. — Они ведь не прекратили забастовки, даже перейдя на флотскую службу. Но я попробую их уговорить. А что случилось, Арктус?

Карликовый слон развернулся к командующему и успокаивающим жестом повел хоботом в воздухе.

— О, ничего экстренного, адмирал. Прибыл санкционирующий приказ из Генштаба, и все.

— А-а. — Арчер оглянулся на мандаринового оттенка секцию стены — проход обратно в лощину и к девушке. — Ну ладно, почитаем. Давай распечатку.

Адмирал расположился за главным столом.

Арктус пробился на канал рубки искривления и поговорил с мальчишкой-дежурным. Спустя несколько секунд от адмиральской столешницы пошли клубы пара, а когда развеялись, стол исторг листы материала, похожего на пергамент, с эмблемой Диадемы — звездной спиралью.

Арчер несколько минут изучал послание, и лицо его мрачнело. Наконец он поднял голову и уставился в пространство остекленевшим взором.

— Арктус, — произнес он затем, — поищи мне Мэн-ши, хорошо? Попроси его явиться сюда.

— Слушаюсь, адмирал.

Арктус устроился за собственным низким, почти игрушечным столиком и умело застрочил по сенсорной панели коммуникатора кончиком хобота. Арчер ждал. В кабинет вошла женщина-кошка, нагая и мокрая, источая навязчивый мускусный аромат. Нацедила себе из бара густой сладкой кремообразной жидкости и свернулась на столе, обольстительно улыбаясь Арчеру и лакая напиток розовым язычком.

Адмирал игнорировал ее. Прибыл Мэн-ши, и Арчер молча передал ему листы.

Мэн-ши был чистокровным человеком и самым пожилым членом экипажа ИСК *Знаменосец*, флагмана флотилии. В шестидесятилетнем возрасте он мог считаться, вероятно, и самым старым космофлотцем всего Десятого Флота, хотя вошедшее недавно в моду искусственное старение лиц у молодежи привело к тому, что в толпе его седые волосы и морщинистая кожа выделялись не так резко, как следовало ожидать. Как правило, люди его возраста работали на административных должностях в Диадеме.

Арчер предпочел сохранить его при себе как опытного советника. Новости, полученные из Генштаба, побудили его прибегнуть к помощи такого человека.

Мэн-ши со вздохом отложил послание в сторону.

— Ну что ж, мы этого и боялись; смысл существования Звездной Армады, в общем-то, как раз и заключается в предотвращении подобного. Мятежники обзавелись собственным флотом.

— Да, похоже, что нашей бдительности оказалось недостаточно.

— О нет, нет, дело не в ней, — устало ответил Мэн-ши. — Просто флотов больше не хватает. Когда-то их было тридцать шесть, а ныне только пять, они истощены и нуждаются в подкреплении — вы же сами понимаете, что само название Десятого Флота не более чем обманка. *Некоторые* наши корабли, вероятно, происходят из первоначального Десятого, однако в большинстве своем собраны из фрагментов других, вышедших из строя.

Арчер кивнул. Он уже давно осознал, что Империя держится в основном на блефе. Основная стратегия Звездного флота заключалась в том, чтобы предотвращать появление собственных межзвездных флотилий у миров, лелеявших сепаратистские помыслы, и было похоже, что пяти оставшихся флотов для этой цели уже недостаточно. Вместе с тем нескрываемая обреченность в голосе Мэн-ши ему не понравилась.

— Однако, — возразил Арчер, — разведданные не показывают наличия у эскорианцев *крупной* флотилии — построенной специально с этими целями. В основном они используют переоборудованные гражданские суда. Вероятно, они мнят себя нам ровней, но в действительности слабее.

— Будем надеяться, что *они* ошибаются.

— С другой стороны, нельзя отказать им в отваге... но как быть вот с *этим*, Мэн-ши?

Арчер указал на второй абзац сводки. В отличие от первого, эта часть сообщения не требовала кодов для расшифровки. Она была изложена просто и ясно:

Оракул предсказывает наличие в Эскории оружия, СПОСОБНОГО РАЗРУШИТЬ ИМПЕРИЮ. Любыми средствами установите его местонахождение или достоверно подтвердите несуществование.

Мэн-ши помрачнел еще сильнее.

— Если эскорианцы полагаются на *такое* оружие, нам лучше не попадаться им на пути.

— Я никогда не обращал особого внимания на Оракула, — с деланной небрежностью произнес Арчер. — Мне это кажется пустым суеверием.

— Боюсь, что не разделяю вашего недоверия, а я не суеверен, — Мэн-ши заёрзал на своем месте.

— Несколько лет назад ходили слухи, что он предсказал полный коллапс Империи, — продолжал Арчер, — но, как видите, Империя все еще на месте... то есть, если честно, я *не* хочу верить таким...

— Он предсказал также Гисперийское восстание — и сделал это, когда у разведки еще не было никаких подозрений на их счет, — вмешался Мэн-ши. — Помните, Оракул — это просто система обработки данных. Он всего лишь обрабатывает данные в крупном масштабе — все доступные данные из *каждого* известного источника. Но у него имеются, без преувеличения, таинственные свойства. Он проводит корреляцию по собственным правилам — а иногда, как кажется, без всяких правил, — и выводы его появляются словно бы на пус-

том месте. Однако подобное впечатление создается потому, что у него нет централизованного хранилища данных, и невозможно установить, откуда поступила информация, послужившая для конкретного прогноза.

— Именно! Он, возможно, просто гадает — или повторяет вздорные слухи!

— Высокоуровневое гадание — вероятно, лучшее определение для его методики, — согласился Мэн-ши. — И порой он *действительно* всего лишь повторяет слухи. Однако надеюсь, что вы не пренебрежете этим приказом Генштаба.

— Генштаба больше нет, — горько отозвался Арчер. — Вы разве не читали третьего абзаца?

— Читал, — ответил Мэн-ши тихо, тоном констатации факта. — Едва ли это можно считать неожиданностью. Нам не просто так предоставили автономию.

— Как вы полагаете, что происходит?

Пергаментная распечатка оканчивалась сообщением, что дальнейшая связь прекращается. Генштаб сворачивал деятельность. Флотским адмиралам теперь никто не приказывал, никто не поставлял информацию, фактически они превратились в имперских автархов всех провинций за пределами Диадемы.

Ситуация эта продлится до тех пор, пока сам Имперский Совет официальным приказом не отменит автономный статус флотов. Арчер задумался, а что произойдет, если такой отмены не случится вовсе. Логично предположить, что в этом случае пять флотилий станут зародышами новых, конкурирующих между собою империй.

Или четыре. Арчер поклялся в душе, что любой ценой вернется со своим флотом к Диадеме и как может поспособствует устранению последствий тамошней беды.

— Можно выдвинуть несколько предположений, — начал Мэн-ши. — Гражданская война? Свергнут ли Совет, как в свое время — Император-Протектор? Лично я полагаю, что верный ответ куда скучнее: Генштаб принужден был свернуть деятельность по той причине, что там некому работать.

Арчер только смотрел на него.

— Вероятнее всего, — продолжал Мэн-ши, — они послали на подкрепление какому-то флоту или флотам всех оставшихся офицеров запаса, а потом оказалось, что других взять неоткуда... разве не в этом корень всех трудностей Империи? Чистокровных людей, желающих взять на себя работу по сбережению Империи, с каждым годом все меньше. Потому-то мы сейчас вынуждены использовать детей.

— Вы сейчас говорите совсем как геронтошовинист.

— Если полагать, что дети не всегда способны взять на себя ответственность вместо взрослых, означает быть геронтошовинистом, то да, это я и есть.

Мэн-ши явно выжил из ума, подумал Арчер хмуро. Интенсивное образование новых членов общества продолжалось до семи лет, после чего они получали все права взрослых граждан в отношении общественного статуса, сексуальности и свободы прочих действий. Это стало частью современного имперского кредо. Его шокировало, что Мэн-ши в открытую шельмует такую политику.

— Недавно адмиральский ранг Двадцать Третьего Флота был присвоен двенадцатилетней девчонке, — с вежливым неодобрением прибавил Мэн-ши, — вы наверняка слышали. Это стало результатом попытки собрать воедино бывший Шестой Флот из поврежденных или растасканных на запчасти кораблей — Двадцать Третий вряд ли вообще достоин именоваться флотом. Адмиралом же ее назначили просто потому, что во всей этой флотилии она одна оказалась чистокровным человеком.

— Я слышал об этом, — подтвердил Арчер. — Она неплохо справлялась, ну, пока Двадцать Третий действовал. Они в основном из-за недостатка ресурсов развалились.

— Да, в данном случае назначение можно считать удачным, — сказал Мэн-ши, — а как насчет восьмилетнего мальчика, ставшего старшим артиллеристом Третьего Флота незадолго до вторжения на Костор?

— По тому, что мне известно, кажется, что из него получился превосходный старший артиллерист.

— Но он меры ни в чем не знает! — вспыхнул Мэн-ши и скорчил гримасу. — Не было никакой нужды уничтожать целую планету: косторские корабли не представляли *подобной* угрозы! Провели дознание, целую комиссию собрали, вы помните. Мальчишка учился на игровых автоматах. Он не осознавал отличия реальности от игры.

— Взрослые с таким же успехом могли потерять голову, — заметил Арчер. — С годами не обязательно становишься мудрее.

— Да, может, вы и правы... по крайней мере, такова модная позиция, или, следовало бы сказать, общественная философия. Но подобные идеологические выходы убивают Империю. В них нет здорового прагматизма. У нас, к примеру, отчаянная нехватка чистокровных людей, но ее вполне можно было бы восполнить, клонируя их в нужном числе. Военных бы это устроило. Однако мы не идем на это, поскольку официальная доктрина гласит, что каждый чистокровный человек обязан рождаться на свет по любви, а не из одних практических соображений — то есть, его родители обязаны зачать его обдуманно просто потому, что так положено. Поэтому клонирование или внематочное выращивание эмбрионов исключаются, кроме случаев, когда беременность требуется прервать. А в Диадеме лишь очень немногие интересуются деторождением — это отрицать не будете?

Арчер негромко рассмеялся. Он ценил советы Мэн-ши, но вынужден был признать, что некоторые идеи этого человека поистине безумны.

— Все, что мы стремимся сберечь, будет утрачено, если человеческие существа станут рождаться усилиями государственной машины, — возразил он. — В этом случае весь смысл человеческой жизни вывернется наизнанку, и мы станем подобны муравьям или пчелам.

Мэн-ши пожал плечами. Арчер решил сменить тему.

— Я размышлял, нет ли у вас идей относительно возможной природы этого нового оружия? Наверняка оно стало результатом крупномасштабных разработок. Надо полагать, оно весьма грандиозно. Сектор Эскории особо развит в научно-техническом отношении?

— Да нет, не думаю. В этом секторе находится Земля, наша первоначальная планета, но в целом место довольно спокойное. Чтобы уничтожить Империю, им прежде всего потребуется уничтожить ее флоты. Следовательно, если новое оружие *существует*, мы наверняка столкнемся с ним в первом же бою...

Арчер вздрогнул.

— Однако это оружие может оказаться и нефизическим по своей природе, — продолжал рассуждать Мэнши. — Лично я убежден, что Империя, скорее всего, будет уничтожена *идеологически*, а не в результате войны. Наши общественные идеи сами по себе поставили нас на грань выживания. Возможно, Оракул почуял некое новое социальное течение, зародившееся в Эскории... В таком случае сражения бессмысленны. Мы даже рискуем помимо воли привезти оружие в сердце Диадемы, одержав победу и взыскав с поверженных народов дань.

— А разве Оракул обязан выражаться столь туманно? В конце концов, подобные подозрения могут оказаться справедливы и для любой другой области.

— Могут. Но, учитывая предупреждение Оракула, я бы посоветовал допросить всех взятых на борт эскорианцев перед их доставкой в Диадему.

Арчер кивнул.

— Я запомню ваш совет.

Девушку-кошку их беседа стала утомлять. Она подбежала к трудившемуся за своим столом Арктусу и фамильярно потрепала адъютанта за хобот.

— Эй, слоник, развлеки меня чем-нибудь. Я скучаю.

Арктус высвободил хобот и покосился на нее одним маленьким проницательным глазом.

— Разве у тебя нет никаких бортовых обязанностей? — укоризненно спросил он. — У тебя должна быть работа.

— Но я ведь тут для развлечения, — весело ответила девушка. — Я же из приаписток, в том и состоит моя работа. — Она мотнула головой. — А нашему адмиралу сейчас явно не до меня.

— Гмпфф, — проворчал слон. — В таком случае тебе следует найти себе более важное занятие.

Она раскрыла рот в притворном изумлении.

— Какое же занятие ты считаешь?.. Ох уж вы, пахидермы, только раз в год и спариваетесь. Наверное, потому-то вы такие *серьезные*.

Но Арктус не обратил внимания на ее подколки и снова стал возиться с экраном, перепрыгивая с одной корабельной сцены на другую, за долю секунды успевая выхватить ключевые моменты и опытным глазом интерпретировать их.

— На четвертой палубе, в восемьдесят третьем зале, сейчас кариолиновая вечеринка, — возвестил он. — Хотя, в общем-то, тебе бы полагалось отдыхать перед вечерними развлечениями.

Кариолином называлось наркотическое благовоение, родственное кокаину, но с дополнительным *вектором социализации*.

Глаза девушки сверкнули.

— О, я *люблю* кариолин, — томно произнесла она. — Увидимся.

И вышла из кабинета, не удосужившись даже одеться, пылая воодушевлением. Мэн-ши, разделявший неодобрение Арктуса, хмурился ей вслед. Пожилого аналитика раздражало, что на Десятом Флоте так мало чистокровных людей, а еще меньше их занято в какой-либо военной функции. Некоторые, вроде этой приапистки, были наняты по контракту для развлечений; другие просто зависали на борту прикола ради или случайно застряли тут, посетив корабль при последнем заходе флота в Диадему, да так и оставшись. Флот напоминал небольшой город, так что при стоянках люди появлялись на палубах и покидали их без спросу, а соблюдением назначенных дат отбытия особо себя не утруждали.

Мэн-ши, подобно многим офицерам-животным, предпочел бы кооптировать некоторых пассажиров на службу, однако перворанговых подданных Диадемы никто не мог просто так к чему бы то ни было принудить. Не приходилось сомневаться, что многие из них тут попросту дурачатся; Арчер порой сам сталкивался с ошеломляющим равнодушием случайных гостей к реальной миссии эскадры.

А впрочем, даже если бы их и удалось завербовать, что проку-то? Арчер всяко предпочитал общество животных.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Десятый Флот ознаменовал прибытие в сектор Эскопии, наугад окатив ближайшую населенную (хотя и не слишком густо) планету дождем термоядерных литий-протонных гранат. Флот мятежников отреагировал, как и ожидалось: выскочил из засады и ринулся в бой.

Две эскадры шли курсами на столкновение, и адмирал Арчер отправился в инспекционный тур по крупнейшим из ста сорока кораблей своего флота. Командующий и его свита как раз выходили из интерматкиоска на борту ИСК авангард-класса *Лиловая ива*, когда навстречу им между рядами офицерского состава просочился коротышка горделивого вида с аккуратно подстриженной челкой. Он был в свободной одежде вроде тоги, провинциального покроя, пестревшей яркими разноцветными пятнами.

Незнакомец смело подошел к Арчеру и вежливо просил разрешения присоединиться к инспекции «машинного отделения судна».

— Меня в особенности интересуют двигатели и системы оружия, — добавил он. — Ваши животные пока не подпускают меня к ним.

— Это данник, — негромко объяснил Арктус на ухо адмиралу, пока остальные удивленно смотрели на коротышку. — Судя по его одежде, с Алаксиса. Мы с них собрали дань перед посещением Ростии.

— Корабли Имперского Флота, как считается, значительно превосходят суда вассальных миров в техноло-

гическом отношении, — невозмутимо вещал коротышка, — так что мой интерес вполне естествен. К тому же я настаиваю на формальной регистрации своего первого ранга по прибытии в Диадему. Я и так перворанговый, как вы понимаете, но...

— А, так вы инженер? — заинтересовался Арчер.

Алаксианец усмехнулся.

— Нет, я сценарист космоопер. Я себе на хлеб с маслом зарабатываю сочинением межзвездных битв, а сейчас впервые в жизни получил шанс познакомиться с предметом своего интереса воочию. Ну и заодно — прояснить некоторые недоступные иными способами детали...

Арчер тоже усмехнулся.

— В таком случае можно рассчитывать, что вы составите весьма интересное литературное описание грядущей битвы. Как знать, вдруг она поможет вам снять славу в Диадеме. Но вообще-то достаточно было спросить у капитана Пренсеза, а не у меня.

Капитан *Лиловой ивы* пожал плечами. Они двинулись дальше, и алаксианец без лишних слов пристроился к небольшой процессии. Когда они вошли в межъярусный лифт и начали перемещение по большому кораблю, литератор протолкался ближе к Арчеру.

— Извините мою назойливость, адмирал, но я полагаю, что мне следует представиться. Я Вольстед Магрум... вы вряд ли про меня слыхали, но на моей родной планете Алаксис я пользуюсь немалой известностью... собственно, потому я тут и очутился. Хотя, — поспешил добавить алаксианец, — я весьма польщен и рад, что меня сочли достойным эмиграции в Диадему. Вероят-

но, самое известное мое произведение — *Полет в вечность*. В нем рассказывается о путешествии в Симплекс.

Арчер, у которого времени на развлекательную литературу никогда не хватало, глянул на алаксиянца с новым интересом. Тема интригующая, хоть и вряд ли новая.

— Старая мечта о странствии в Симплексе, — протянул он. — И как вам удалось ее визуализировать?

— Со спецэффектами, конечно, напрям, — признал Магрум, — при нашем-то бюджете. Но меня это и не слишком заботило, я ведь только сценарий пишу.

— Действие ваших сочинений происходит в будущем, не так ли? Надеюсь, Империя там процветает и сильна как никогда.

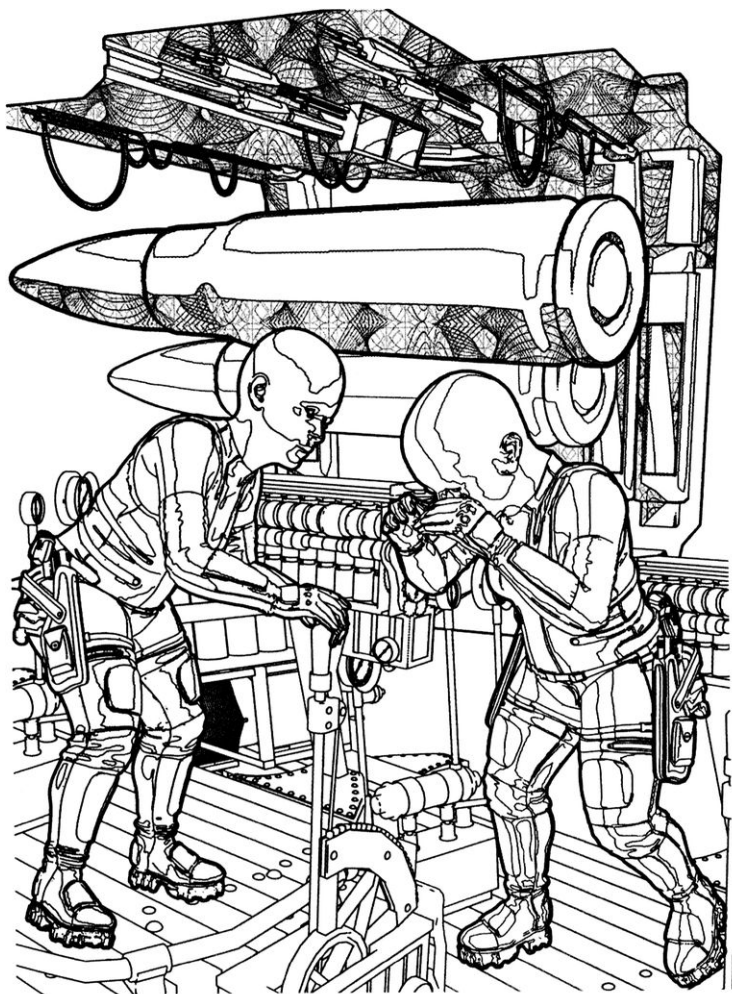
Магрум извинительно посмотрел на него.

— Я изображаю несколько вариантов будущего. От них не требуется предсказательной точности, к тому же я аполитичен. В некоторых альтернативных историях Империя распалась или подчинена инопланетянами, возжаждавшими заполучить наши планеты.

— В Диадеме это хорошо зайдет.

Арчеру подумалось, что если уж Магрум намеревается продолжить карьеру, то в Диадеме его ждет встреча с куда более взыскательными зрителями. Люди искусства, увозимые в Диадему, не могли быть уверены в успехе; некоторых ждало признание, если их творческие подходы оказывались в новинку. Другие не попадали в струю.

— Вы полагаете, что человеку по силам достичь Симплекса и, возможно, других граней? — спросил он.

— Меня кучу раз об этом спрашивали, — ответил Магрум. — Да, я искренне верю, что по силам... когда-нибудь. Идея кажется фантастичной, спору нет — но, впрочем, некогда и концепция фитонового двигателя считалась фантастикой.

— *Разве?* — удивленно нахмурился Арчер. — Ну, если только в каменном веке...

Животные, мужчины и женщины салютовали адмиралу и его свите подъемами верхних конечностей, пока Арчер и сопровождающие выходили из травелатора в имевший форму бочонка зал, уставленный такими же бочонкообразными фитоновыми преобразователями. Почти все пространство зала было занято аппаратурой; места едва хватало для перемещения вспомогательной машинерии и техников.

— Все в порядке? — спросил Арчер у дежурного по машинному отделению, прыгучего гамадрила. Обезьяна кивнула, на миг обнажив клыки.

— В превосходном! — хрипло отозвался техник. — Мы весь период сна провели в работе! Даже роботы!

Он показал на трех роботов, пугливо присевших на одном из невысоких мостиков зала.

— Мой стармех — парень крутой, — прошептал капитан Арчеру на ухо с понимающей улыбкой, — он с ними не церемонится.

— Надеюсь, они не пожалуются профсоюзным активистам, — сказал Арчер, с сомнением глянув на роботов, но гамадрил лишь издал урчащий смех.

— Не переживайте, адмирал, им целостность корпуса важнее!

Вольстед Магрум меж тем во все глаза рассматривал тускло блестящие корпуса преобразователей. Гудение аппаратуры было едва слышно; даже в такой близости от них воздействие преобразователей на окружающее пространство-время не воспринималось органами чувств.

— Ну, вот и они, — тихо проговорил Арчер, отойдя к фантасту. — Вот это и есть двигательная система *Лиловой ивы*. Как видите, они не слишком отличны от коммерческих вариантов, только крупнее. Я так понимаю, вы знакомы с принципами работы фитонового двигателя. Как известно, природа в обычных условиях сопротивляется попыткам любого движущегося вещественного объекта не то что превзойти, а даже достичь рубежа скорости света. Однако это сопротивление — артефакт структуры пространства. Говоря технически, свойство линий отталкивания. Фитоновый генератор изменяет характеристики пространства-времени, подстраивая в нужном направлении линии отталкивания.

Это приводит к эффективному возрастанию скорости света внутри фитонового пузыря. Корабль, на котором находится генераторная установка, теперь волен разгоняться до нового предела, каков бы тот ни оказался³.

Популярные писатели зачастую утверждают, что фитоновый двигатель нарушает законы физики; конечно,

³ Описанная технология, разумеется, отсылает прежде всего к варп-двигателям из вселенной культового сериала *Звездный путь*, но любопытно, что довольно аналогичным принципом работы обладает сверхсветовой двигатель, модель которого предложена в 1994 г., то есть гораздо позже выхода книги, Мигелем Алькьюберре.

это ерунда. Невозможно перемещаться быстрее света в пространстве-времени, занимаемом кораблем. Мы просто придаем скорости света, ранее неизменной, переменные свойства, и всё.

Многие коммерческие корабли используют гибридную двигательную установку: фитоловый генератор для изменения свойств локального пространства и отдельный двигатель для разгона корабля внутри деформированной таким образом области. Более крупные генераторы, вроде того, рядом с которым вы сейчас находитесь, допускают дальнейшее усовершенствование летных характеристик: они могут выполнять обе функции, как модификаций пространства, так и разгона. Для этого они, образно выражаясь, «собирают в кулак» линии отталкивания в аттенюируемой области. Корабль после этого может перемещаться, используя противодействие электромагнитного поля Галактики. Это остроумное решение значительно упрощает необходимую для полета аппаратуру.

Собственные генераторы *Лиловой ивы* уже позволяют ей разгоняться до сотен скоростей света. Флот как целое, однако, способен перемещаться куда быстрее, когда летит в слитном построении. Фитоловые пузыри могут сливаться, и чем крупнее пузырь, тем сильнее допустимая деформация пространства-времени. Этой способностью наделены только суда Звездной Армады; именно поэтому они так быстро перемещаются в пределах Империи.

— Значит, вот почему межзвездным перевозчикам обычно не разрешается покупать больше одного-двух кораблей?

Арчер кивнул.

— Мы не хотим, чтобы частные перевозчики экспериментировали со слиянием фитоловых пузырей.

Стоя рядом с алаксиянским писателем, которого всецело захватило зрелище огромных арматурообразных корпусов, Арчер испытывал некоторую гордость. Он словно бы вернулся в дни своей учебы; да, впрочем, целые куски его речи были позаимствованы из одной подготовительной лекции, прослушанной в военной академии.

— О другой возможности, предоставляемой слитными пузырями, вряд ли даже догадываются за пределами Звездного флота, пока не побывают на одном из наших кораблей, — продолжил он. — Я говорю о системе интермата. Вы, вероятно, уже видели ее в работе. Как только достигнута определенная степень деформации окружающего пространства, такое перемещение становится доступно.

— Всегда ходили слухи, что Империя разработала методику мгновенного переноса материи, — сказал Магрум. — Должен признаться, я не верил, пока сам не увидел.

— Она имеет ограниченный радиус действия, — объяснил Арчер. — Работает только в пределах группового пузыря, образованного достаточно крупной эскадрой, и только между кораблями флота. К тому же перемещение не постоянно. Пользователь интермата обязан будет так или иначе вернуться в точку отправления.

Он помолчал и решил кое-что добавить.

— Одна историческая деталь наверняка заинтересует вас. Интермат-эффект открыли совсем недавно, несколько десятилетий назад, и случайно. Сперва решили, что действует он через Симплекс. Представляете, какой фурор произвела эта новость?

— Еще бы! — Алаксианец был совершенно ошеломлен. — Мгновенный доступ в любую точку физической Вселенной, самое меньшее! Не говоря уж про общение с другими гранями! Я именно об этом роман сочинил. Но я не предполагал, что наука уже приблизилась к...

— А она не приблизилась, — ответил Арчер, подумав, что представления писателя о контакте с Симплексом довольно фантазмагоричны. Да, такие возможности *могли* открыться, но... но осознание их, вероятно, пришло бы гораздо позже. — Вскоре стало ясно, что Симплекс в этом никак не задействуется. Актуальная теория интермата основана на преобразованиях Кантора, если вам это что-нибудь говорит. Вкратце: вы знаете, что до открытия линий отталкивания пространство представляли имеющим противоречивые качества — одновременно протяженным и бесконечно делимым, но вместе с тем — допускающим квантовые эффекты, выдающие дискретную природу. Мы теперь понимаем, отчего это так: линии отталкивания непрерывны в одном направлении, в направлении отталкивания, но дискретны в поперечном. Непрерывность отталкивания означает, что относительные расстояния соответствуют канторовским трансфинитным множествам; латеральные меры, однако, финитны и неприводимы, что и наделяет пространство свойством «зернистости». Если линии отталкивания достаточно растянуты, совокупное

действие этих факторов позволяет произвести внезапные изменения относительного расположения. Математически не слишком примечательный эффект.

— Боюсь, я так сразу не уразумею, — приуныл Магрум. — А вы уверены, что это не какой-нибудь фокус?

— Неплохое определение, между прочим, — с улыбкой ответил Арчер. — Вы в финансовом учете разбираетесь? Интермат — это такая двойная бухгалтерия.

— Я попробую что-нибудь об этом узнать в Диадеме.

— Технические подробности засекречены. Но вы человек искусства и, полагаю, найдете достаточно креативный способ получить к ним привилегированный доступ! — Арчер кивнул капитану *Лиловой ивы*. — Отлично. Теперь давайте осмотрим оружейные установки.

Коридоры секции боевых установок значительно уступали шириной проходам более населенных палуб корабля. Травелаторы сюда не курсировали. Арчер, Арктус, капитан *Лиловой ивы* и, по настоятельной просьбе последнего, Вольстед Магрум с трудом втиснулись в маленькую кабину, которая доставила их практически во внешнюю секцию корабля.

Тут пахло смазкой и электричеством. Четверо выбрались из лифта в тускло освещенный туннель, где гуляло слабое эхо лязганья металла о металл. Роскошная и фривольная атмосфера *Лиловой ивы*, уже ставшая привычной Магруму, диковинно контрастировала с мрачной серьезностью этой секции.

Он шел за адмиралом по туннелю. Арчер остановился у выемки в правой стене. За криволинейной решеткой виднелся другой туннель, параллельный первому и чуть меньшего диаметра. В нем с регулярными проме-

жутками были установлены блестящие круглоносые золотистые цилиндры. Каждый цилиндр размещался горизонтально, однако даже в таком положении почти достигал высоты человеческого роста.

— Вы видите систему доставки боеприпасов, — сообщил Арчер Магруму. — Снаряды транспортируются из арсенала перед битвой, помещаются в обойму под турелью и автоматически подаются в пушку.

Магрум восхищенно рассматривал смертоносные боеголовки.

— А они что, термоядерные?

— Стандартная термоядерная начинка одного снаряда достаточна для уничтожения вражеского корабля прямым попаданием. Но снаряды бывают разные. Некоторым придают такую форму, чтобы выстрел только продырявил корпус корабля и вывел его из строя. Конечно, лишь немногие снаряды достигают целей. Даже если прицелиться удастся с необходимой точностью, боеголовки встречают противодействие систем обороны различных классов и дефлекторных щитов. Важно поддерживать высокую интенсивность огня.

— А почему они такие большие? Термоядерный картридж ведь на ладони умещается.

— Потому что массивные. Иначе радиус поражения снижается.

Арчер двинулся дальше по трубообразному туннелю, преимущественно прямому, но кое-где без видимых причин петлявшему. В конце туннеля имелся короткий трап; они поднялись по ступенькам на боевую турель.

Это было одно из самых удивительных переживаний в жизни Магрума, и неважно, что он его много раз опи-

сывал в романах. Турель, в числе двадцати себе подобных, могучим протуберанцем выдавалась из корпуса *Лиловой ивы*, составляя ее основное оружие атаки, смысл существования корабля авангард-класса. Пушка имела форму бочонка и была смонтирована на сферическом постаменте для демпфирования ударных волн отдачи. Механизм подачи снарядов располагался ниже и был недоступен обзору, как и основной огневой механизм; колоссальные размеры не позволяли разместить их иначе, как за изгибом корпуса снаружи.

Пушку обслуживала команда из одних животных; свиньи, бабуины и псы сгрудились за панелями управления и перед экранами. Когда появился адмирал, его приветствовали наперебой.

Магрум мало что знал о спецификациях оружия этого типа. Пушки могли вращаться по трем осям и вести огонь по обширному сегменту небесной сферы. В активном состоянии турель выдвигалась на милю (а, вероятно, все боевые системы *Лиловой ивы* сейчас были активны). Какова дальность огня, Магрум не помнил, но у него засела в памяти невероятная характеристика скорострельности: один выстрел в секунду.

Арчер несколько минут поболтал с командой артиллеристов, воодушевляя их на сражение, и вернулся к Магруму.

— Рвутся в бой, чертяки. А знаете историю дальнотбойных пушек Звездной Армады? — спросил он дружелюбно.

— Не особенно.

— Это единственное оружие, пригодное для сражений кораблей на сверхсвете. Лучевые пушки с очевид-

ностью бесполезны, а фитоловые двигатели чересчур громоздки, чтобы оснащать ими боеголовки; в этом случае на *Лиловую иву* не больше дюжины бы влезло. И даже так они оказались бы значительно медленней кораблей, по которым должны бить! Так и пришли к идее дальнобойной термоядерной пушки. Объект, выброшенный из фитолового пузыря, некоторое время удерживает при себе его частицу, так что может еще двигаться выше скорости света. Боеголовки вылетают на чудовищной скорости, около миллиона световых, и перепахивают обычное пространство-время, непрерывно теряя скорость по мере рассеяния остаточных фитоловых пузырей. При удаче они покроют примерно половину светового года, прежде чем скорость их упадет ниже световой. Понимаете теперь, почему снаряды должны быть массивными? Перемещаясь, фитоловый пузырь преодолевает сопротивление нормального пространства, и магнитуа этого сопротивления обратно пропорциональна массе, заключенной внутри пузыря. Если снаряды слишком легкие, они замедлятся еще прежде, чем рассеются сами фитоловые пузыри.

Магрум кое о чем уже думал, но ответа так и не находил.

— Их приходится *нацеливать* через половину светового года? По цели не крупнее корабля?

Арчер улыбнулся.

— Ну, вы слишком многого хотите от наших пушек-рей. На заключительном этапе включаются системы ограниченного самонаведения.

Глядя на здоровенную пушку, Магрум постоянно напоминал себе, что это *не* фантастика. Это была реальность — смертоносная реальность.

Он теперь совсем иначе воспринимал происходящее. Вот на чем, понял он, держится Империя, которая прежде казалась ему рыхлым образованием. О да, ему доводилось слышать, как Империя порою карает ослушников, но это случалось редко, и рассказы напоминали басни. Теперь он уразумел, что боевой двадцатипушечный звездолет *и есть* один из аргументов, по которым это случалось так редко. Империя доминировала в космосе; любую флотилию вражеских кораблей имперцы могли вбомбить в царствие небесное. И пока это возможно, пока не существует у мятежных планет собственных флотов сопоставимой силы, любое восстание так или иначе обречено на неудачу.

Изоощренный чувственный декаданс, уже ставший привычным писателю на борту *Лиловой ивы*, отступил и рассеялся дымкой. Вот она, железная рука в перчатке, вот где куется сила Империи.

Ему вспомнилась старая песня: *Правь, Империя, Империя, правь звездами.*

— Но, адмирал, — проговорил он, — разве не правда, что у вас таких кораблей осталось немного?

— Правда, — со вздохом ответил Арчер, — по крайней мере, не так много, как хотелось бы. И это все потому, что роботы Диადемы уже сто лет бастуют, требуя признания за ними статуса разумных. В результате верфи Звездного флота встали, ни одного нового корабля с той поры не построено. Если забастовка прекратится, мы начнем восполнять потери. — Он пожал

плечами и повел рукой вокруг. — Первоначально эти пушки предназначались для роботизированной команды, рассчитаны на их быструю реакцию, поэтому сейчас довольно ненадежны. Впрочем, животные с ними неплохо управляются. Верность чудеса творит.

— Невероятно, — возмутился Магрум. — Если вы терпите такие лишения, почему бы просто не предоставить роботам статус разумных?

Арчер бесстрастно взглянул на него.

— Империя ни к чему не позволит себя принудить, — ответил он спокойно. — Вы предлагаете Имперскому Совету облечь статусом конституционного утверждение, которое, вероятно, не имеет ничего общего с истиной, а мы такого не потерпим. Если разумность машин будет доказана философски, другое дело.

Магрума снова обуяло чувство нереальности происходящего.

— И даже если это приведет Империю к падению? — потребовал он. — Позвольте вам кое о чем рассказать. Да будет вам известно, что у нас на Алаксисе, по соображениям равно практическим и жизненно важным, все политики, избранные представители регионов, наделяются искусственным интеллектом, независимо от степени власти. Истина не имеет к этому никакого отношения.

— Вот поэтому вам и нужна Империя, — сказал Арчер. — Империя спасает вас от вашего собственного варварства.

Арчер наведалься примерно на четверть подчиненных ему кораблей, прежде чем на Десятой эскадре прозвуч-

чал сигнал тревоги. Он застиг адмирала врасплох; флот повстанцев приближался быстрее ожидаемого.

Он как раз вернулся на *Знаменосец* немного отдохнуть, рассчитывая потом продолжить инспекцию. Когда ворвался Арктус с новостями, адмирал отставил колбу с варевом на основе каннабиноидов, из которой прихлебывал, и снял диадему, посылавшую в его мозг через бровь расслабляющие кортикальные импульсы.

— Это точная оценка расстояния? — спросил он, пробежав взглядом данные.

Слон неуверенно покрутил хоботом.

— На таком расстоянии она обычно надежна. Около десяти световых лет.

— Обычно. Но не всегда.

— Тем не менее, адмирал, я предложил бы вам без промедления переместиться на мостик, — кончик хобота Арктуса вопросительно изогнулся в воздухе.

— Да, придется, — резко согласился Арчер, надеясь, что слон не сочтет его реакцию признаком испуга. Однако, даже несмотря на гашиш и диадему, он начинал чувствовать внутреннее напряжение. Ранние оценки показывали, что флотилия повстанцев велика, и ему предстоял первый серьезный бой в космосе.

Он встал, нахлобучил на голову боевую адмиральскую фуражку с гребнем и кивнул Арктусу.

Они направились к двери справа. Мостик представлял собой не столько физическую, сколько голографическую локацию — средоточие коммуникационной нейросети, опутавшей весь флот. Арчер вошел, и у него создалось впечатление палаты совета, где вокруг цен-

трального бассейна были расставлены кресла, кушетки и диванчики. В бассейне маячили смутные образы.

Груверт, исполняющий обязанности старшего артиллерииста, уже растянулся на длинном матрасообразном диване и возбужденно сопел. Напротив свиньи по другую сторону бассейна, хмурясь в беспокойстве, сидела молодая женщина с искусственно состаренным лицом и ёжиком серо-голубых волос: старший навигатор.

Остальные офицеры флотского командования возникали на своих местах вокруг бассейна, время от времени исчезая, когда внимание их куда-то отвлекалось, и появляясь снова. Арчер уселся на адмиральский трон. Арктус занял место рядом.

— Давай данные, Арктус, — приказал Арчер.

Бассейн у его ног ненадолго просветлел, а затем в нем проявились размытые точки. Это были вражеские корабли, местоположение которых определялось из ранее предъявленных Арктусом Арчеру данных сканирования. Рядом с каждой точкой возникли цифры расстояния, затем и они поблекли, размылись и заколыхались, будто от неуверенности в себе.

Арчер вздохнул. Сомнения, высказанные им слону, основывались на известной технической трудности, обойти которую имперцы пока так и не сумели: проблеме связи с фитоловым кораблем. Но как иначе поддерживать связь с отдаленными мирами Империи, как не посредством таких кораблей?

Это было возможно, и это реализовали, но в определенных пределах. Существовал природный феномен, распространявшийся практически мгновенно по сравнению с неторопливым светом, но так решалась, об-

разно говоря, лишь половина задачи. Основная сила природы, линейное отталкивание между всеми частицами, проявляла себя реальным перемещением только между очень далекими объектами, в масштабах галактик. Скорость этого расталкивания равнялась световой⁴. Однако открытие линий отталкивания разрешило лишь одну из старых загадок физики: проблему ньютоновского действия на расстоянии. Предполагалось, что существует компонент линии, способный одновременно «информировать» каждую из двух частиц на ее концах о существовании другой, об отталкивании, ею производимом.

В конце концов его удалось идентифицировать. Он получил название «ведущего тона». На него оказывал воздействие фитоловый генератор, и поскольку время реакции его было пренебрежимо мало по всей длине, через вибрирующее фитоловое поле стало возможным передавать информацию. Сходным образом можно было построить радар, действующий в диапазоне световых лет.

Однако в отрыве от линии ведущий тон не существовал. Казалось, это фокус природы, не вполне способный превозмочь обычные ограничения на распространение информации. Любые передаваемые с его помощью данные оказывались неполными. Сообщения, содержавшие значительный объем информации, доходи-

⁴ Ускорение расширения Вселенной открыто уже после выхода книги в свет; впрочем, можно считать, что в этой вселенной оно не имеет места либо осуществляется, например, путем гравитационного расталкивания материи и антиматерии.

ли искаженными или двусмысленными. Аналогичная ненадежность была присуща и радару.

Казалось, что принцип, некогда возведенный в основание физики — невозможность сверхсветовой передачи сообщений, — наносит ответный удар. Чем ближе противник, тем надежнее оценка боевой мощи эскадренского флота — но чем ближе противник, тем менее полезна такая оценка.

— По численности ничего, Арктус? — ворчливо поинтересовался он.

Арктус ответил не сразу. Он общался с радарным расчетом через мозговой имплант. По его просьбе сканеристы пожертвовали оптимизацией оценки расстояния, попытавшись уточнить численность вражеского флота. Точки размылись, расплзлись до пятен и исчезли.

— Возможно, до двухсот кораблей, — доложил слон с бесстрастной вежливостью.

— Двести кораблей? — повторил недоверчиво капитан авангардного корабля. — Как им удалось собрать такую армаду втайне от нас?

— Боюсь, что это было довольно несложно, — фаталистически хрюкнул Груверт. — Основная ошибка Империи — склонность к бездействию. Ну что ж, посмотрим, хватит ли у нас еще сил раздавить мятеж!

— Через несколько минут данные можно будет уточнить, адмирал, — заметил Арктус. — Они быстро приближаются.

— Ладно. Извините, я пока отлучусь.

Телесно Арчер не перемещался. Он произвел последнюю быструю инспекцию своего флагмана, поль-

зуюсь усиленным режимом ментального доступа на мостике.

Он незримым духом порхал от одной точки контакта к другой, ненадолго задерживаясь оценить ситуацию. Наконец наведаясь к пушкарям: *Знаменосец* нес двадцать восемь пушек, больше, чем какой бы то ни было корабль эскадры. Команда разношерстная: животные, дети, пара взрослых людей. Четырнадцатая турель полностью обслуживалась детьми, не достигшими десяти лет — от желающих завербоваться на воинскую службу в этом возрасте не было отбоя; еще две турели — животными под командованием ребенка-офицера не старше.

Арчер не сомневался в эффективности юных артиллеристов. Их превосходно натренировали, они знали, как выжимать максимум из доверенных орудий. И, что еще важнее, они пылали энтузиазмом.

Он почти закончил беглую инспекцию флагмана, когда в его ухе ожил голос, призывающий вернуться на мостик.

— Они близко, адмирал, — пробормотал Арктус необычно напряженным для себя тоном. — Взгляните!

В бассейне Арчеру предстал боевой корабль мятежников; радарное сканирование достигло качества, адекватного визуальному. Очевидно, судно переоборудовали из пассажирского лайнера. Теперь на нем летели не только пассажиры; элегантный корпус усеяли уродливые металлические шишаки, принайтовленные грубо и в явной спешке, и эти эскарповые казематы подозрительно смахивали на боевые платформы пушек *Знаменосца*.

Кто-то из офицеров не сдержал изумленного вздоха. Значит, у повстанцев фитоловые пушки. Арчера шокировал сам факт постройки таких пушек за пределами Диადемы — если, разумеется, их каким-нибудь маловероятным образом оттуда не похитили. Он полагал, раз эскорианцы выбрали курс на столкновение, значит, у них только ближнебойные орудия.

— Сближаемся на радиус поражения, — предложил Арктус.

— Хорошо, — ответил Арчер. — По моему сигналу — залп.

— К залпу готовься! — тут же взвизгнул Груверт.

— Боевой режим, — произнес Арчер.

Бассейн, мостик и все вокруг исчезло: началась настоящая битва. Арчер с офицерами внезапно очутились в кажущейся пустоте, в боевом пространстве, уподобившись бесплотным духам, и могли теперь напрямую наблюдать некоторые элементы конфликта.

В действительности пространство это насчитывало два уровня. Один, обычный, трехмерный, соответствовал арене сражения. Другой имел информационную природу. Командование реагировало на события битвы, погружаясь в сеть данных, шунтировавшую неустанный поток боевых докладов.

Обычный язык в таких обстоятельствах обесмысливался, постепенно, в течение минут, уступая место боевому: изобиловавшей аббревиатурами и синкопами форме речи, лучше приспособленной к передаче информации и команд в темпе машинных переговоров.

Первые слова, эхом зазвеневшие в пустоте, принадлежали свинье, старшему артиллеристу Арчера.

— Два попадания! — взвизгнул Груверт. — Впереди и справа, адмирал! — И добавил обычным голосом: — Кажется, вражеские пушки наводятся на нас.

Арчер ожидал большего от первого обмена залпами. Он теперь четко видел эсорианский флот. Эскадра повстанцев раскинулась прямо впереди. Один крупный корабль и другой, поменьше, стали искрящимися туманностями: так в боевом режиме показывался распад корабля после попадания тритиевой боеголовки.

Арчер гаркнул приказы.

— Раз — второй залп! Два — чаша! Три — СА, направляйте огонь.

Он шел на просчитанный риск, втягиваясь в открытый обмен залпами. Стратегические пособия рекомендовали флоту перестроиться чашей сразу после первого залпа. Но пока корабли сбиты в единый крупный фитоловый пузырь, дальнотойность пушек выше, и Арчер надеялся, что у эсорианцев она в таком режиме все еще уступает имперской. Он рассчитывал, что мятежники еще не успели отработать тактику слияния фитоловых пузырей.

Ставка сыграла, но на тоненького, учитывая скорость встречного полета двух флотилий. Он заметил недолговечный фейерверк боеголовек, разорвавшихся в тесной близости от эсорианских кораблей; еще три судна повстанцев затуманило. Эсорианцы открыли ответный огонь; их пушки были не так дальнотойны, и снаряды тормозились ниже световой скорости, не успевая долететь десятой доли светового года.

Тем временем суда Десятого Флота покидали привычный фитоловый пузырь, проявляясь оттуда, словно

капельки масла на воде, пока пузырь не сдулся в мгновение ока. При этом корабли значительно потеряли в скорости и маневренности, но ни один адмирал не стал бы подвергать свою флотилию риску такого стеснения в бою. Они перестраивались чашей — рассредоточивались в обширной вогнутой формации, удерживая врага как можно ближе к ее фокусу. Авангардные корабли флота начали в ураганном темпе поливать огнем выбранные цели.

Арчер удовлетворенно наблюдал хаос в рядах эскадрианцев, но вскоре быстрое расхождение кораблей мятежников лишило эффективности формацию чаши и фокуса. Он ждал, какой план выберут повстанцы, и с сожалением предчувствовал, что прибегнут они, вероятно, к оптимальному в их положении способу — то бишь обойдутся вообще без стратегии. Это было не лишено смысла. Мятежники не располагали ни боевым опытом кораблей Диадемы, ни доступом к ее многовековым архивам по тактике и стратегии. Они не пытались перещеголять профессионалов, но старались раздавить любую тактику врага в зародыше, посеяв управляемый хаос. Корабли повстанцев порскнули во все стороны, продолжая отстреливаться. Чаша Десятого Флота деформировалась и выгнулась, две флотилии слились и перешли к сражению кораблей.

Такая ситуация была худшим кошмаром офицеров на мостике. Арчера в особенности раздражала вынужденная примитивность собственных действий как военачальника, ведь он теперь только и мог, что высматривать группы мятежников, стремящиеся окружить, отсечь и разгромить одиночный имперский корабль.

Не прекращали поступать доклады, наполняя боевое пространство мостика фейерверком сгорающих в пламени сражения мотыльков; Арчер быстро сообразил, что посеянная эскорианцами суматоха до некоторой степени нивелирует огневое превосходство Десятой эскадры и позволяет давить имперцев массой. Более того, мятежники сумели подобраться на расстояние, где становились эффективны системы оружия, разрешенные к использованию на вассальных мирах: электромагнитные лучи внутризвездных температур и прочнее стали, трясушки — разновидность фитоловой технологии, позволявшая разрушать твердую материю квантовым резонансом, — и, само собой, бесконечно разнообразные самонаводящиеся субсветовые боеголовки, смертельно опасные при стычках в тесноте считанных световых минут.

Старший навигатор тревожно вскрикнула:

— Адмирал, теряем управление! Рассеиваемся!

От напряжения она даже позабыла про боевой язык.

— Область боя теперь превосходит дальность пушек, — хрюкнул, соглашаясь, Груверт.

Арчер еще несколько минут назад осознал эту опасность: у врагов появилось очередное преимущество. Он приказал СН временно выйти из боя и отдал команду всем кораблям сблизиться для перегруппировки. Он полагал, что, пока они придерживаются тактически проверенного репертуара боевых формаций прежних битв, победа в конечном счете неизбежна.

Однако было похоже, что на эскорианской стороне кто-то пришел к аналогичному выводу. СН без труда сузила боевой периметр, но выгнать врага из сердцевины

флота не сумела. Куда ни следовали корабли Арчера, эскорианцы утягивались за ними, наседали, уравниваясь с ними в скоростях, мешая принять галактическую формацию и слить пузыри. Две эскадры бесцельно заметались по сектору Эскории, от звезды к звезде, плюясь друг в друга яростными энергетическими импульсами.

Вдруг воссияла ослепляющая вспышка пурпурного света, и боевое пространство мостика исчезло. Вернулось обычное освещение. Арчер обнаружил себя на троне, в компании одних только офицеров флагмана.

Он сидел и моргал. Даже бассейн отключился.

Спустя мгновение доложила девушка-офицер, занятая оценкой потерь:

— В нас почти попали. Рецепторы боевого режима на корпусе уничтожены.

— А остальные?

Офицер помолчала.

— Остальные системы коммуникации работают нормально.

— И орудия тоже, — сообщил Груверт. — Какой-то Симплексом забытый грузовоз, который они переделали в боевой корабль, дал залп и почти попал в нас. Так, захват работает, проверка пушек... — Он умолк, глазки остекленели в сосредоточенности.

— Есть шансы восстановить связь? — спросил Арчер у девушки-офицера. Та покачала головой.

Голографический мостик стал бесполезен, поскольку подключение к сенсорной сети флота, необходимое для боевого режима, выжгло взрывом.

— Тогда переходим на старый мостик, — решил Арчер. — Быстро поднимаемся туда.

— Это может оказаться сложновато, — заметил Арктус. — На палубах с тридцатой по тридцать пятую продолжается бурная вечеринка.

— Неважно, пускай откроют мостик. Все туда.

— Отличная работа, турель 14! — ожил Груверт. — Они его достали!

— Мои поздравления, — отозвался Арчер отсутствующим тоном. Спустился с трона, покинул мостик и в сопровождении полудюжины офицеров направился к ближайшему травелатору. Просторная кабина вознесла их на двадцать девятую палубу, где располагался старомодный мостик *Знаменосца*, без особых приключений: Арчер опасался, не влез ли кто в лифтовую систему, перепрограммировав ее так, чтобы всех случайных пассажиров высаживало на уровень вечеринки; это было популярным приколом. Но когда командование флагмана выбралось из лифта, стало ясно, что вечеринка выплеснулась за отведенные для праздника пределы. На палубе из смальты танцевали юноши в экстравагантных костюмах и девушки с лицами старух; толпа колыхалась, как живое существо. Строго говоря, вход им сюда был запрещен; двадцать девятая палуба принадлежала к рабочей зоне корабля, хотя ею уже давно не пользовались. Арчер вдохнул насыщенный разноцветным дымом воздух, и его повело. Кто-то подобрал для вечеринки на редкость забористую комбинацию наркотиков.

— Пропустите, пропустите! — гневно хрюкал Груверт. — На кону безопасность Империи!

Он прорвался через толпу танцующих, опустив морду и сердито распахивая людей по сторонам; остальные воспользовались расчищенным проходом. Арчер вспомнил, что его и самого приглашали на праздник — как адмирала, его приглашали вообще на все более-менее людные события *Знаменосца*, — и сообразил, что вечеринка затевалась еще до того, как стало известно о приближении битвы. Но какая разница? Большая часть населения флагмана во флотских делах никак не участвовала. Многие наверняка даже не подозревали, что в этот самый момент вокруг полыхает грандиозный космический бой.

На мостике их встретила обезьяна-капуцин; вид у дежурного был загнанный и отчаявшийся. Арчера кольнула жалость: животные, наделенные большой эмоциональной восприимчивостью, острее реагировали на подобные стрессы. Капуцин нажал кнопку на панели, и дверь отъехала в сторону. Офицеры поспешили внутрь: проем был достаточной ширины, чтобы все могли пройти через него одновременно.

Обезьяна увязалась за Арчером.

— Адмирал, — прошептала она, — так, значит, бой проигран?

— Вовсе нет, — успокоил капуцина Арчер. — Уверен, мы победим, хотя и не так быстро, как хотелось бы.

Мостик выглядел старомодно: рабочая зона имела форму подковы, уставленной различным оборудованием и дисплеями высотой по пояс. Над нею протянулись широкие изогнутые видеоокна, служившие той же цели, что и бассейн голографического мостика, хотя и менее утонченные технологически. Арчер не терял времени,

разблокируя дисплеи. Он знал, что уйдет еще несколько минут, прежде чем удастся поднять сеть, параллельную утраченной, связав резервные коммуникаторы. А флот в это время продолжает сражение без общего командования.

Тут выяснилось, что обезьяна забыла запереть дверь: внутрь повалили основательно подданные танцоры. Девушка с морщинистыми щеками, чье блистающее спектроплатье транслировало инфракрасные оттенки в видимом спектре, прильнула к поднявшемуся на мостик Арчеру, вжалась подбородком в плечо и обвила руками. Интенсивный аромат духов облаком окутал его.

— О, адмирал, а правда, что у нас сражение? Это так классно! Покажите нам, адмирал!

И, словно повинувшись ее приказу, ожили видеоокна. На черном фоне возникло изображение длинного блестящего корабля, золотистого и серебристого — не в естественных цветах, а в цветовой кодировке, которую система применила для перевода данных сканирования в доступный человеку диапазон. Это был пассажирский лайнер, и его корпус уснащали грубо принайтовленные орудия. Видеоэкран создавал иллюзию окна прямо в космос, отчего казалось, будто вражеский корабль в считанных ярдах.

— Кто это передает? — рявкнул Арчер своей СН, на миг запутавшись в информационных символах на экране.

— Да мы *сами*! — заорала на него навигатор. — Расстояние десять световых минут!

Ошарашенный Арчер сообразил, что корабль мятежников подкрался, пока они перебирались на старый

мостик. Но в тот же миг эскорианца пожрал взрыв, исторгнув искры и сгустки ослепительных — и гармоничных — цветов. Девушка, прильнувшая к Арчеру, издала охи-ахи, а наблюдавшие за происходящим ее друзья поддержали: *вау! оуу!* Арчер признал, что зрелище получилось впечатляющее.

— Отлично, турели 8, 14 и 23, — проворчал Груверт. — Они сами его взяли на прицел и дали залп, — объяснил он Арчеру.

— Так им! — завизжала девушка с вечеринки и, хихикнув, потрепала Арчера по шее.

— Еще им вмажьте! — поддержал молодой человек за ее спиной, которого ноги не держали. — Эй, все сюда, полюбуйтесь!

И тут, с шокирующей неожиданностью, по мостику прокатился гулкий долгий рев. Казалось, он исходил откуда-то с кормы. За ним последовало монотонное жужжащее рычание, пол мостика завибрировал, заходил ходуном.

Офицер, занятая оценкой потерь, доложила со своей консоли:

— Похоже, они успели запустить боеголовку!

— Жду доклада.

Арчер подумал, что прямо в них попасть не могли, иначе их бы тут уже не было. Вероятно, системы обороны корабля зафиксировали снаряд перед самым ударом и частично обезвредили, но боеголовке сдетонировать уже не помешали. Удар пришелся близко: даже при термоядерном взрыве ударная волна в космосе быстро затухает, да и силовые щиты должны были отразить большую часть лучистой энергии.

Офицер тревожно возилась за консолью. Видеоокно над ее рабочим местом быстро отобразило данные, подтвердившие интуицию Арчера. Сканируя секцию внешнего корпуса *Знаменосца*, девушка обнаружила дыру с рваными краями, через которую заметны были некоторые разрушения внутри. Пострадали три палубы, но аварийный гель, затягивавший пролом во избежание утечки воздуха, мешал четко рассмотреть, как именно.

— Что с ремонтом? — спросил Арчер.

— По состоянию на начало текущей вахты, командующий, — тихо напомнил ему Арктус, — роботы-ремонтники еще не дали согласия на сотрудничество.

Арчер наблюдал, как видеоокно переключается на картинку изнутри корабля. Возникла невероятная сценка: группу роботов-ремонтников гнали по широкому коридору разъяренные свиньи и псы. На мордах животных торчали излучатели; какой-то робот остановился, развернулся было запротестовать, но тут же получил пылающим розовым лучом в солнечное сплетение.

За визжащей ватагой зверей следовал коридорный фургончик общего назначения, битком набитый ремонтными инструментами. Офицер прервала трансляцию и покосилась на Арчера.

— Думаю, с ремонтом все будет в порядке, адмирал.

— Во-от, *так* с ними и надо, — возвестил Груверт. Глазки его зыркнули на незваных гостей мостика.

— А ну-ка валите отсюда, лодыри! — громко хрюкнул он. — Валите-валите, выметайтесь!

Танцоры неуверенно потоптались, девушка отступила от Арчера. Поведение животных на видеоэкране яв-

но впечатлило их. Как, впрочем, и непривычное обращение второрангового.

Арчер развернулся и посмотрел на них.

— Действительно, вы бы лучше уходили, — вежливо предложил он. — У нас тут некоторая запарка, сами видите.

— Да, конечно, адмирал, — ответил после небольшой паузы человек, казавшийся немного старше остальных. — Извините, если чем помешали.

Он поторопил своих приятелей к выходу. У двери неожиданно остановился и с улыбкой развернулся.

— Удачи в бою! — весело произнес он.

Обезьяна-капуцин закрыла за ними дверь.

К этому моменту связь с остальными кораблями флотилии удалось восстановить. На экранах начала проявляться оценка текущей ситуации.

За время вынужденного бездействия командования на флагмане боевой периметр снова расползся. Арчер опять приказал его ужать, чтобы Десятый Флот мог воспользоваться огневым преимуществом, и заодно положить конец бессмысленной погоне.

Но по мере поступления новых докладов становилось ясно, что эскорианцы уже проиграли; фактически они были обречены изначально. Даже частичный успех первоначальной тактики, которая заключалась просто в том, чтобы помешать Десятому Флоту придерживаться какой бы то ни было разумной формации, даже переход сражения в фазу одиночных стычек, даже самое благоприятное для них стечение обстоятельств не давали им решающего превосходства над ужасными имперскими пушками, не позволяли превозмочь веские аргументы

размеров и боевой мощи кораблей авангард-класса, с их опытом сражений за пределами Диадемы; мятежников выкашивало целыми десятками. Имперская эскадра снова собралась вместе и начала перестраиваться в одну из рекомендованных учебниками геометрических формаций, и воля оппозиционеров к сопротивлению иссякла. Эскорианское командование, вероятно, сообразило, что рискует потерять всё, и уцелевшие корабли — менее трети от первоначального числа, многие повреждены или даже выведены из строя — получили приказ спасаться бегством. Повстанцы оттянулись на края боевого периметра, после чего, как плазменные струи при вспышке звезды, стали ускоряться во все стороны.

Арчер послал сигнал: *В погоню*. Всех уцелевших повстанцев следовало догнать и уничтожить, если они сами не сдадутся. В любом случае, корабли должны были прочесать всю Эскорию. Обычное завершение успешной миссии по искоренению мятежа.

К тому же у него оставалось и неоконченное дело: поиск оружия, о котором упомянул в своем пророчестве Оракул. Возможно, неожиданно обнаружившиеся у повстанцев фитоловые пушки — это оно и есть... однако долг велит провести исчерпывающее исследование.

Он вздохнул. Столько работы впереди. Один лишь Груверт восторженно сопел и хрюкал; люди на мостике выглядели подавленными, а равно — капитаны других кораблей, ненадолго появившиеся в новой сети.

Потому что офицер, занятая оценкой потерь, начала докладывать о понесенном Десятой эскадрой ущербе. Он оказался значителен. Арчер потерял более четвер-

ти кораблей, а еще тридцать пострадали в различной степени — от несущественной до серьезной.

Долго Империя таких потерь не вынесет, осознал он. Девушка-офицер продолжала зачитывать мартиролог, и Арчер тоскливо внимал. Каждый погибший корабль казался ему павшим другом, но одно название заставило остановиться.

— Как-как? — переспросил он. — Повторите.

— *Лиловая ива*, командующий. Она получила прямое попадание на седьмой минуте. Мятежник, ответственный за это, идентифицирован и уничтожен.

Арчер кусал губы и вспоминал писателя Вольстеда Магрума. Коротышка был по-своему харизматичен. Арчеру он понравился.

Ну что ж, теперь он все знает про космические битвы.

Арчер опять вздохнул. Интересно, вечеринка еще не закончится, когда с мостика разойдутся? Ему сейчас очень бы не помешало расслабиться.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Каперский корабль осторожно приближался к опустевшей глыбе имперского боевого звездолета. Рагшок недоверчиво вглядывался вперед из носовой кабины, которую использовал как рубку управления.

— *Claire de Lune*⁵, — пробормотал он, различив на корпусе, среди нарисованных там имперских эмблем и знамен, название судна. — Морган, какого Симплекса значит эта хрень?

— Не знаю, шеф. Какой-то иномирский язык. — Морган, темноволосый краснолицый толстяк, деланно почесал макушку.

— Подведи нас туда, — приказал Рагшок.

— Есть, шеф.

Корабль разрастался перед ними. Не из самых крупных, как суда авангард-класса, но достаточно велик. Рагшок разбирался в кораблях — по сути, больше ни в чем он и не разбирался, — и был уверен, что это разрушитель планетного класса. На борту еще горели огни, но двигатель либо отключен, либо выведен из строя. Казалось, что команда оставила судно.

Рагшок наблюдал за развитием битвы с безопасного расстояния. Он, естественно, симпатизировал мятежникам, но не делал ставки на их победу. Он уповал на

⁵ Лунный свет (франц.); здесь, вероятно, отсылка к стихотворению Поля Верлена (1869).

политическую нестабильность, облегчавшую пиратский промысел, но понимал, что в таких условиях торговые суда волей-неволей станут лучше вооружаться и сделаются более увертливой добычей. Ему совсем не хотелось возвращаться к прежним своим занятиям планетного старателя: он уже распробовал вкус чужого добра в космосе.

Последние новости сообщали, что Десятый Флот почти покончил с преследованием недобитых кораблей повстанческой флотилии и начинает перегруппировку. Легко было понять, почему *Claire de Lune* бросили: он получил повреждения, возможно, пострадала двигательная установка, а может, системы обороны или орудия атаки; в любом случае, корабль теперь бесцельно дрейфовал в пустоте.

— Но почему они не вернулись забрать эту крошку?
— пробормотал он.

— Вероятно, решили, что повстанцы разнесли ее на атомы, — сказал Морган. — А должны были, вообще говоря.

— Ладно, давай на борт, посмотрим, что там творится.

Он нахлобучил шлем скафандра, а Морган отправился на корму созывать остальных. Минутой позже отряд из сорока пиратов выплыл в космос, к бугристому от орудийных установок и сложного оборудования кораблю Империи. Вскоре они отыскивали шлюз.

Внутри приятно пахло. Рагшок опустил шлем и удивленно принюхался: на корабле царили настоящие благовония. В прилежавших к корпусу секциях обстановка

была более аскетичная, и он еще не знал, какая удивительная роскошь ждет их дальше.

Но не прошло и минуты, как он сообразил, что за эффект производят на него некоторые ароматы. Он известил отряд приглушенным возгласом изумления.

— Морган, ну *ни хрена* ж себе — они что, перед битвой *накурились*?

Отряд рассредоточился по кораблю, докладывая об увиденном. Рагшок направился на мостик и обнаружил, что там заперто. Когда дверь выбили выстрелом, у пирата сложилось впечатление, что мостик давно не использовался. Вскоре стармех известил, что кораблем, очевидно, управляли из какого-то другого места, вроде командного центра. Когда это место было найдено, Рагшок перебрался туда и стал возиться с системой управления. Доклады продолжали поступать. Корабль получил пробоины в корпусе, но не слишком значительные, потому Рагшок и не заметил их при подлете. Аварийные гели успели затянуть большую часть прорех, а с остальной работой отряд вполне мог управиться сам. Фитоловые двигатели отключились — наверное, потому корабль и покинули. Но перед этим экипаж не забыл вывести из строя все боевые установки.

— Ну ладно, а что с движками?

Морган общался с инженером, а Рагшок вертел в руках кусок пластика вроде искусственного каучука, прикрепленный к подлокотнику капитанского кресла. Он обнаружил, что этот контроллер порождает странные визуальные эффекты.

Инженер был сухощавым сальпианцем. Рагшок захватил его при abordage пассажирского лайнера и по-

обещал свободу, если техник поможет починить глючивший двигатель пиратского корабля. Но тот предпочел остаться с корсарами.

Техник усмехнулся.

— Ущерб не слишком значительный, кроме одного момента. Нужен новый потоковый модуль. Ну а потом еще немного поковыряться, и запустим.

Он помолчал.

— Если присобачить туда модуль с *Решимости*, может сработать.

Рагшок уныло посмотрел на него.

— С *Решимости*? — Это был лучший и крупнейший из его кораблей. Но подумать только, что можно получить взамен...

Он перестал возиться с оборудованием мостика и огляделся, размышляя. Ему всегда грезились крупная затея.

— Помнишь Варану? — пробормотал он. — Так себе местечко. Просто большая луна, и у нее свой маленький спутник на поводке болтается. Но прикольное, и мы там на несколько недель задержались... у нас миллион человек сидел, как мыши под метлой.

— Но мы предпочли бегство решающей битве, — кисло напомнил ему Морган. — И, шеф, эта цыпочка сейчас бесполезна.

— Но какая красotka. Сюда несколько тысяч влезут, вооруженные до зубов... м-м.

— Нет у нас нескольких тысяч. У нас всего пара сотен.

— Если воодушевить ребят, наберем и больше, — Рагшок развернулся к сальпианцу. — Как быстро она сможет летать с потоковым модулем *Решимости*?

— Примерно так же, как и прежде. Некоторое время. Через год или даже раньше, думаю, потребуется замена.

Рагшок откинулся в кресле, продолжая размышлять. Пустая трата времени, печально признал он про себя. Никуда эта хреновина не пригодна, разве что ободрать с нее все, представляющее ценность.

Он понимал, отчего ему не хочется покидать корабль. Находка тешила его самолюбие. Подумать только, корсар на мостике украденного боевого звездолета Империи!

И тут ворвался Дэнгу, системотехник или кто-то в этом роде. Темнокожий худощавый человек запыхался и вид имел взбудораженный.

— Слухи, которые до нас доходили, оказались правдой, — сообщил он с резким визгливым акцентом. — У них передатчики материи. Их можно использовать для перемещения с корабля на корабль.

Рагшок уставился на него.

— Ты уверен?

— Шеф, провалиться мне на этом месте, если я вас хоть раз подвел.

Капер отвернулся. Лицо его обвисло, глаза остекленели. В мозгу капитана вспыхнула и забурила безумная идея, слишком смелая, чтобы...

Пронзительный лязг, прокатившийся по всему кораблю на подлете к окраинам планетной системы, заста-

вил Геспер Позитану заскрежетать зубами от безнадёги. Он означал, что теперь каждый сам за себя.

Укрытая одним из передовых пузырей (ей полагалось управлять ближнебойной системой запуска боеголовок — «дротиком»), девушка сердито стукнула кулаком по коммуникатору и услышала голос капитана, который отдавал офицерам команды последние инструкции.

Их корабль, переоборудованное полицейское судно, был одним из немногих еще пригодных к бою аппаратов флотилии мятежников — да что там, во всем секторе Эскории. Они огрызались, где могли, но большую часть времени, как ей казалось, вынуждены были просто драпать без оглядки, и сейчас Геспер желчно рывкнула:

— Ну что еще?

— Геспер, мы от них не уйдем, — сказал голос капитана. — Спасайся.

— Так давай попробуем хотя бы постоять за себя!

— Без толку, Геспер, за нами гонится *сам флагман*.

У Геспер пересохло в горле. Сигналы тревоги не прекращались.

Затем, в отчаянии чертыхнувшись и бросив: «Получайте, суки!», она выпустила одну за другой три неизрасходованных боеголовки, изогнулась, скользнула в люк за спиной и кинулась по узкому коридору к эвакуационным шлюпкам. Там еще осталось несколько. Не медля больше ни мгновения, она забралась в одну из них, опустила стартовую бленду и почувствовала, как падает по трубе пневмосистемы.

На сияющем экране перед собой она видела, что происходит. Переоборудованный полицейский крейсер

— *Акула* — пропахал половину планетной системы, где они надеялись найти укрытие, и пересек орбиты нескольких газовых гигантов. Спасательные шлюпки отлущивали от филолового пузыря частицы защитной оболочки и опрометью порскали к ближайшим обитаемым планетам.

Экран отслеживал направления разлета шлюпок. Многие устремились к небольшой планете красноватого оттенка. Но другие, включая саму *Геспер*, выбрали другое убежище: следующую планету в сторону местного солнца, о которой было мало что известно.

И тут *Акула*, на миг полыхнув ослепительной точкой, разбухла под напором всепожирающего термоядерного пламени. Филоловый пузырь сдулся и уступил напору преследователей.

Спасательная шлюпка быстро замедлялась, но за следующую пару минут *Геспер* тем не менее рассчитывала долететь до выбранного мира. Инерциальные протекторы шлюпки оставляли желать много лучшего. Суденышко мотало из стороны в сторону, казалось, на тысячах оборотов в секунду по сотням разных осей: это рассеивалась и перераспределялась избыточная инерциальная энергия, возникающая при торможении ниже скорости света — в противном случае шлюпку бы просто испарило. Несмотря на это, *Геспер* несколько раз теряла сознание.

В ухе ожил спокойный негромкий голос, вселяющий уверенность.

— Атмосфера. Пожалуйста, приготовьтесь к посадке.

Геспер слышала, как со свистом перепахивает шлюпка верхние, разреженные слои планетной атмосферы. Что-то пискнуло, и на экране перед девушкой возникла радарная карта поверхности внизу. Щурясь, Геспер пыталась различить детали.

Со скрежетом раскрылись лопасти.

Паут дрожал от возбуждения и восторга. Он бросил своих последователей, приказав им оставаться на месте, пока не вернется, и углубился на две-три мили в саванну. Его спутники привыкли к таким отлучкам и остались ждать, но, впрочем, у них и не было выбора.

Мальчик Синбиан сообщил, что в этой стороне деревня. Паут видел плоские крыши домов вдалеке. Когда он подкрался к ним ползком вдоль берега в высокой траве, его ждало восхитительное зрелище.

Спускался вечер. Ласковый теплый воздух нес приятные запахи. На другом берегу, в считанных ярдах от Паута, он увидел девушку в спальне.

Свет был включен; через открытое окно превосходно просматривались все детали уютной спальни. Девушка сидела на столе с зеркальцем; Паут пока не видел, чем именно она занята. Но теперь поднялась и открылась Пауту в полный рост, стягивая одежду через голову. Обнажилась до талии. Грудь — тяжелые, чувственные, — подпружинили, выскальзывая из одежды.

Паут был человеком лишь отчасти и не обладал четко выраженной сексуальностью. Женщины и самки различных пород обезьян вызывали у него сексуальное возбуждение, но без четкого осознания. Теперь, однако, его эротическое чувство обрело объект приложения.

Он вытащил дзен-пушку из накидки и сладострастно причмокнул. Прижал пистолет к щеке и пробормотал себе под нос:

— Калечить я могу и убивать — дзен-пушку навести лишь стоит...

Этот рефрен крутился в его мозгу каждый раз, когда он извлекал пушку. Он обучился множеству трюков. Не обязательно было каждый раз убивать из нее. Мощностъ пушки поддавалась гибкой регулировке. Она умела и калечить, и просто стегать болью.

Пауту нравилась функция болевого хлыста.

Он повозился с кнопками настройки, переключил пушку в режим болеизлучателя и прицелился. Потом спустил курок.

Не нужно было утруждать себя точным наведением. Это, как он уже давно понял, делалось мысленно.

Розовая волнистая молния неспешно поплыла в воздухе. Проникла через окно и обожгла девушке груди. Сначала левую. Потом правую, потом снова левую... уткнулась в соски.

Девушка сложилась пополам, рот ее искривился в беззвучной гримасе агонии. Она обхватила себя руками, стала бить по грудям, надеясь устранить боль, но не могла. Паут продолжал наводить пушку, направляя электрический хлыст усилием мысли. Левая грудь, правая грудь...

Его редкая шерсть повлажнела. В отличие от обычных приматов, химеры Насименту получили и мех, и потовые железы.

Наконец девушке удалось набрать в грудь воздуху, чтобы завизжать, и спустя мгновение в комнату стали

ломиться другие люди. Паут оттянулся обратно на берег, спрятал пушку и скачками устремился к горизонту, пригибаясь в высокой острой траве.

Один раз он остановился. Ему померещилась падающая звезда в небе над головой, но затем просверк обратился белой точкой, которая снизилась к земле и исчезла.

Удалясь от деревни на безопасное расстояние, он сбавил темп. Спустя час возвратился к своим приверженцам. Все они собрались кружком у огня, кроме косё, который по своему обыкновению сидел в сторонке, скрестив ноги.

Еще не полностью стемнело, и Паут заметил странность: среди полудюжины рабов затесалась незнакомка. Он коротко оскалился от неуверенности и сунул руку в слюнявчик накидки, за успокаивающей твердостью рукояти дзен-пушки.

При его приближении люди поднялись. Незнакомка оказалась молодых лет, бледной, с грубоватыми чертами и коротко стриженными темными волосами. В ее движениях сквозили жизненная энергия и неутомимая целеустремленность, а прямой пытливый взгляд на Паута его слегка обескуражил. Девушка носила облегающую униформу, блестящую, черную с серебром, перехваченную широким поясом, где, в числе прочих предметов, висела кобура с чем-то очень похожим на сканер, и темные сапоги до колен. Она была без головного убора, но держала в руке прозрачный шлем.

— Вы Паут, — бросила она, не дожидаясь, пока он заговорит.

Лэйси, бродяга из прерий, первый из обращенных Паутом после косё и мальчишки, подвинулся к своему повелителю и негромко, просительно начал:

— Она просто к нам прибилась. У них какое-то кораблекрушение... свалились с неба в спасательной шлюпке вроде яйца. Она с нами поделилась харчами.

Он протянул Пауту несколько палочек аварийного пайка. Паут принял их, понюхал, надкусил. Не слишком аппетитно, но погрызть сгодится. Он сжевал одну палочку и облизал пальцы.

Геспер Позитана, а это была именно она, поглядела на него с отвращением. Ее спасательная шлюпка упала в паре миль оттуда. Геспер пыталась долететь до городка на равнине к западу (по крайней мере, ей показалось, что там какое-то поселение), но не смогла — лопасти собственным источником энергии не обладали, а снижались на манер платанового семени, используя запасенную на раннем этапе спуска энергию в маховике. И это прикажете использовать для нескольких миль полета с нескольких тысяч футов, м-да.

Когда Геспер уже теряла высоту, ей в глаза бросился дымок от костра внизу. Она уже пожалела об этом, поскольку собравшиеся производили крайне странное впечатление. Первым навстречу случился Лэйси, какой-то бомж-неадекват, который, по впечатлению, вел в этой части планеты кочевой образ жизни и питался подножным кормом или охотой на мелких животных. Из остальных четверо были братьями, отщепенцами-преступниками, которым теперь оказалось некуда податься. Лишь мальчик по имени Синбиан казался вменяем.

Но самым странным из всех был человек, сидевший поодаль в одиночестве в сгущавшихся сумерках. Косё. Она что-то слышала про косё, но никогда не рассчитывала встретить.

Лэйси сообщил, что предводитель ватаги — химера, обезьян по имени Паут. О нем говорили с боязливым уважением все, кроме Синбиана, который в открытую заявил ей:

— Паут плохой, госпожа. Вы бы отсюда уходили. Он держит этих людей в подчинении своей пушкой.

— У меня есть пушка, — Геспер постучала пальцами по кобуре.

— У косё тоже много оружия, — пожал плечами один из братьев. — Даже гранатомет есть.

Тут объявился Паут, и Геспер поймала себя на полной неспособности уразуметь, как все эти люди — пускай даже Лэйси и братцы-бандюганы не казались особенно смышленными — позволили обезьяну себя подчинить.

Химера смотрела на нее крупными блестящими глазами.

— Ты с корабля?

— Да.

— Ты с другой планеты?

— Верно.

Это Паута заинтересовало. Незнакомка вызывала у него те же чувства, что и девушка в деревне. Он пожирал ее глазами, потом сосредоточился на грудях. Представил, как играет с ними электрохлыстом дзен-пушки, а ее тело извивается от боли. У него челюсть отвисла от возбуждения.

Геспер уперла руки в бедра и мотнула головой на запад.

— Там какие-то большие башни или здания. Я туда.

— Города. Мы тоже туда. Хочешь с нами? Сначала отдай мне вот это.

Он показал на ее сканер в поясной кобуре.

Она отступила.

— Э, нет. Он мой.

— Ладно. — Паут ткнул в сторону горизонта. — Тогда сама уходи. Куда хочешь.

— Ну хорошо.

Геспер развернулась и протолкалась через группу, направляясь прочь. Она следила за химерой краем глаза, но не уловила момента, когда обезьян отдал приказ одному из братьев. Не слишком далеко отойдя, Геспер замерла, схватилась за пустую кобуру и развернулась.

— *Как ты это сделал?* — раздраженно набросилась она на карманника, который уже передавал сканер довольному Пауту. Она ничего не почувствовала. Лишь опустив руку на кобуру — просто проверить, как поступит химера, — она обнаружила, что оружие пропало.

— Мы это умеем, госпожа, — осклабился молодой человек. — Это наше ремесло.

— Воришки, — пробормотала она и осталась стоять, недовольно наблюдая, как Паут тешится новым своим приобретением. Конечно, сканер по сравнению с дзен-пушкой — безделушка, но ему всегда хотелось такой заполнить.

Он немного знал о принципах его работы. Сканер стреляет игольчатым лучом когерентного света, который, проходя через осциллирующую призму, сканирует

прямоугольную область два фута на шесть — или любых других размеров, по выбору владельца. Плотность сканирования составляла тысячи строк на дюйм, так что результатом было более или менее полное уничтожение цели. Паут вскинул пушку и взгляделся в небольшой экранчик прицела. Его большой палец заскользил по ребристому колесу рядом с экраном — фокусировочному кольцу: как только цель четко отображается и заполняет весь экран, можно стрелять.

Паут навел сканер на искривленное дерево чуть поодаль на холмике. Дерево под его пальцем стало разрастаться и заполнило экранчик, почти касаясь ветвями его краев. Картинка сфокусировалась. Паут нажал кнопку сканирования. Кратковечный синий луч его удивил: не параллельный, как обычный когерентный свет, а расходящийся, в режиме сканирования.

Дерево тут же вспыхнуло и исчезло в облаке дыма и оседающего пепла.

Паут взвизгнул от радости.

Геспер медленно вернулась к костру и смело подошла к химере.

— Ты вообще собираешься мне мою пушку возвращать? — недовольно справилась она.

Он смерил ее взглядом.

— Почему бы тебе не остаться с нами, цыпочка? Отправишься с нами в города равнины. Мы тебе зла не причиним. Лэйси знает, как тут на зверей охотиться. Ты умеешь охотиться? У тебя ведь даже аварийных пайков надолго не хватит. Лучше не оставайся одна.

Она поколебалась, размышляя. Она не могла понять, где засада. Но, если не считать зверочеловека,

все присутствующие выглядели неопасными — и даже Паут ей не угрожал.

Нужно было добраться до какого-то города, раздобыть себе местную одежду и прикинуть, что делать дальше. Обезьян прав: лучше путешествовать в компании, особенно теперь, когда ее обезоружили.

— Ну хорошо, — вздохнула она. — Я останусь. Но не шути со мной, обезьян.

Она помогла им натаскать хвороста для костра, потом села отдыхать, позаботившись расположиться подальше от остальных, а особенно Паута. Наблюдая, как существо бродит по лагерю, как боязливо пригибаются и лебезят перед ним все, кроме мальчика, она снова исполнилась к обезьяну недоверчивой неприязнью.

Перед сном она полежала немного, глядя в небеса. На этой планете небо было чистым, звезды сияли ярко. Она размышляла о великой битве, развернувшейся там, в космической пустоте, с ее участием. Каким далеким все это отсюда кажется.

Она даже не знала, что это за мир. Ну и какая разница? Планет много. Внезапно ее охватила глубочайшая усталость (она больше сорока часов не спала), и глаза сомкнулись будто сами собой.

Паут перед сном тоже грезил наяву, размышляя. Он думал о лежащей невдалеке девушке. Как было бы славно с нею позабавиться, полапать там, где прогуляется электрический хлыст дзен-пушки. Так и будет, пообещал себе Паут.

Он с удовлетворением констатировал, что маленький отряд разрастается. И все благодаря дзен-пушке. Он обнаружил, что оружие способно не только убивать и

калечить. Пушка даровала психический контроль. С пушкой он словно бы становился важнее; люди его уважали.

Впрочем, основным орудием контроля над стайкой приверженцев оставался именно страх. Он сознательно воздержался от обработки новоприбывшей — на этот вечер. Паут инстинктивно понимал, как подчинять: сначала девушка должна к нему привыкнуть, проникнуться чувствами, будь то симпатией или антипатией. В этом случае связь окажется нерасторжимой в дальнейшем.

Дзен-пушка, как он теперь знал, располагала режимом персонализированной целеселекции. Как только цель зарегистрирована, ее можно поразить с любого расстояния. Цели не спрятаться. Где бы она ни была, по крайней мере, в пределах планеты. Пауту нужно только подумать о цели и спустить курок. Карающий электрохлыст метнется, огибая препятствия и полыхая в воздухе, туда, где находится цель, в любую точку мира. Он докажет это девушке, отослав одного из своих рабов на полмили и прицелившись в противоположном направлении: пускай увидит, как изгибается, выворачивается и находит цель электрический хлыст.

Потом он ее регистрирует и позабавится с ней таким же способом, черпая наслаждение в ее страданиях.

Она будет ему принадлежать.

Наутро Геспер пробудилась у разгорающегося костра, поднялась и потянулась. В воздухе висел легкий туман, солнце (желтое, как и на ее родной планете) стояло над горизонтом градусов в двадцати.

Проведя недели в тесноте полицейского крейсера, она наслаждалась свежестью естественного воздуха. Настроение улучшилось, на контрасте с предыдущим вечером. Лэйси подбросил в костер сухой травы и хвороста, раздул пламя и занялся приготовлением пойманного на завтрак длинноухого четвероногого зверька.

Паут сидел на корточках, наблюдал за ним и сонно моргал. Он выглядел так жалко, что Геспер прикинула, не забрать ли у него сканер силой, но воздержалась. Она уже поняла, что Паут не так беспомощен, как кажется.

За ночь косё, такое впечатление, и пальцем не пошевелил. Он продолжал сидеть в той же позе, скрестив ноги, выпрямив спину, при полном оружии. Он выглядел очень странно. Геспер заинтересовалась и пошла к нему.

Синбиан увязался за ней.

— А что вы в космосе делаете?

Она остановилась и опустила на него взгляд.

— Я на войне, — ответила девушка. — Эскория взбунтовалась против Империи. Вы разве не знали?

Мальчик задумчиво помотал головой.

— Значит, Эскория теперь свободна от Империи?

— Нет. Мы проиграли. Одному Симплексу ведомо, что теперь будет.

— Тут на Земле разницы, скорее всего, не ощутят никакой.

Геспер приблизилась к косё и восхищенно осмотрела его. Глаза воина были сомкнуты, как и, надо полагать, все время с момента ее появления. Скуластое лицо об-

рамляли зачесанные назад и стянутые узлом на затылке блестящие темные волосы. Он был похож на статую.

Но еще сильнее впечатляла его коллекция оружия, развешанного по всей снаряге поверх простой белой одежды. К поясу, сейчас отстегнутому и разложенному на земле, был приторочен ручной гранатомет — Геспер узнала модель и прикинула, что дальность ее стрельбы несколько миль, если не больше. За спиной висели несколько винтовок, стволы которых выдавались над затылком подобно поручням (это ее немного озадачило; она ожидала, что их носят прикладами вверх). А еще, полускрытая среди огнестрела, виднелась плоская рукоятка кривого клинка в ножнах.

На груди, животе и бедрах косё носил много другого оружия, гранат, бомб, магазинов и ручных дротиков с оперением. Геспер никогда не видела такого бойца и даже не представляла, что они существуют.

— А почему он так сидит? — справилась она у Синбиана. — Он спит?

— Нет, госпожа, он не спит. Он обезличил свое сознание.

— Что это значит?

— Он в состоянии идеального покоя, госпожа, даже более глубоком, нежели сон. Но он не отключился.

— Так он осознает, что происходит вокруг?

— Лишь в той мере, в какой вы, госпожа, осознаете свою изящную пяточку.

Геспер подумала, что мальчишка, вероятно, описывает какое-то трансоподобное состояние.

— Он все время так проводит? — спросила она.

— Все время, когда нет нужды действовать, госпожа. Между действиями времени нет, говорит присказка. Я тоже так умею, но дядя считает, что мальчикам нужна активность.

— Дядя?

— Он мой дядя. Я сам однажды, может, стану косё.

— Если косё такие великолепные бойцы, — горько возвысила голос Геспер, — отчего бы им не помочь нам на войне с Империей?

— Косё идеальный индивидуалист, госпожа. Он не сражается за чье-то дело. Он сражается потому, что любое действие человека рождает конфликт с природой.

— Что? — Странно и неприятно было слышать подобные мистические рассуждения от такого юнца. — Ну а почему тогда он следует за — *этим*? — Геспер ткнула отставленным большим пальцем в Паута. — Что, обезьян и его тоже подмял?

— Да, госпожа, можно сказать, что дядя его должник.

— Но *кто* оно вообще такое, этот Паут?

Мальчик не ответил. Казалось, его мысли отвлеклись на что-то.

— Госпожа, — произнес он внезапно, — а это ваша битва с Луной такое сделала?

— Луной? Какой луной?

— У нас тут луна есть, госпожа. Я всю жизнь провел на Земле, и Луна всегда была одного и того же размера, примерно как Солнце. Ее фазы всегда менялись регулярно. Однако что-то пошло не так совсем недавно. Сначала несколько недель назад Луна уменьшилась до половины обычного диаметра. Потом стала разбухать.

Позапрошлой ночью она была в десять раз крупнее Солнца, а прошлой — в двадцать. И фазам не следует.

Геспер теперь вспомнила, что у планеты действительно *есть* спутник, необычно крупный: она его мельком углядела на экране шлюпки в последние несколько секунд подлета. И, *да*, спутник казался непропорционально близким к планете.

Она не видела Луны с момента высадки. Наверное, сейчас днем спутник все время по другую сторону планеты, а появляется только ночью, когда она спала.

Она нахмурилась. Мальчик нес какую-то ахинею. Либо он ее дурачит, либо не понимает, как устроена небесная механика.

— Нет, — проговорила она медленно, — ничего мы в бою с вашей Луной не делали. Битва протекала далеко, среди звезд.

— Но что же тогда происходит, интересно? Ну ладно. Идемте позавтракаем, госпожа?

Она присоединилась к нему у костра за завтраком; Лэйси приготовил мясо какого-то четвероногого (*кролика*, как назвал его бродяга). Запах был ей в новинку; Геспер почувствовала, что страшно голодна, заглотала всю порцию и попросила добавки.

Потом Паут лично разбросал уголья, наступая на них босыми ногами, и приказал группе выдвигаться в дневной переход. Во главе с обезьяном они двинулись на запад.

Геспер оглянулась. Косё, который в завтраке не участвовал и ни с кем не говорил, вышел из транса, встал, подцепил небольшой коврик, на котором сидел, скатал его и спрятал куда-то в снарягу. Он двинулся далеко

позади основной группы, вскоре к нему присоединился Синбиан.

Паут двигался в безжалостном темпе. Солнце поднялось высоко и стало припекать; Геспер, вспотев и запыхавшись, стала разоблачаться, расстегнула блестящий костюм, который носила в качестве униформы на Акуле, а вскоре и поддевку. Снова обулась в сапоги и зашагала дальше, оставшись в одном нижнем белье, а остальную одежду неся под мышкой.

Паут, оглянувшись, заметил ее действия и напомнил себе о планах в отношении девушки. Ему вдруг явилась мысль. Мальчишка Синбиан уверял, что до равнины движущихся городов не более дня пути. Если не наложить на нее заклятие до попадания в город, ее там ничто не удержит в группе...

Ну да, в городах наверняка много женщин, да и самок обезьян или химер тоже. И хотя Пауту не терпелось достичь равнины, мысль не покидала его.

Небольшой отряд приверженцев удовлетворил одну из прихотей Паута: желание отомстить окружающим, доминируя над ними. Но бродячая жизнь последних месяцев ему не слишком нравилась. Добывать еду было тяжело. Ну и потом, день за днем блуждать по глуши скучно. Его любовь к жизни требовала горизонтов теснее и красочнее.

Когда позже в тот же день они вышли на спуск к равнине, как и ожидали, Паут считал, что решение проблемы найдено. Все остановились поглазеть на великое травяное море, полностью ровное, насколько хватало глаз: покинутые ими холмы обрамляли равнину, словно бухты и мысы.

— Это *естественное*? — спросила Геспер ни у кого в особенности.

— Когда-то тут тянулось морское дно, — ответил старший из братцев-карманников. — Но его малость подравняли, да.

Подошел Синбиан.

— Земля старая культура, госпожа, у нас тут много такого, чего нигде больше не найдете. В частности, движущиеся города. Веками они странствуют по этой равнине.

— Они правда передвигаются? Но зачем?

— Вперед! — велел Паут. — Спускаемся на равнину!

Его приверженцы повиновались. Но вместо того, чтобы и самому устремиться в океан высокой травы, как ожидала Геспер, Паут развернулся к ней. И вытащил из похожего на слюнявчик кармана накидки пушку, не сканер, а какую-то другую, незнакомую.

— Пора тебе присоединиться к нам по-настоящему, — хрипло проговорил он, закатив тяжелые губы. — У нас тут обряд посвящения есть.

Геспер без всякого выражения смотрела на пушку.

На лице Лэйси проявилось отчаяние.

— Ну начальник, ну не ее. Ну не надо с госпожой так поступать. Она будет хорошо себя вести, хорошей девочкой будет, правда ведь? Она вас слушаться будет.

С этими словами он потянулся к ней. Геспер отскочила. Паут жестом подозвал Лэйси обратно. Взгляд его оставался прикован к грудям девушки.

Он поднял дзен-пушку и прицелился ей в левый сосок через расстояние не более ярда.

— Эй! — крикнул Синбиан. — Вон там!

Он показывал на что-то возникшее у горизонта: возносящуюся желтую массу, подобную восходящим Луне или Солнцу, но, такое впечатление, слишком *большую*, чтобы перевалить через горизонт. Они словно на разных с ней сторонах столешницы находились.

Они зачарованно наблюдали, пока не проявилась вся структура, хотя процесс отнял несколько минут. Она напоминала подвижный замок со множеством круглых башенок, составлявших единое целое с нею, и блестела на солнце, как позолоченная.

Неожиданно Паута пробил импульс страха перед неизвестным. Он застучал по кнопкам пушки, переводя ее обратно в боевой режим. Вернул в накидку и подумал немного.

— Вперед.

Движущийся город держал курс на север равнины и при этом вынужден был бы обогнуть длинный выступ, хотя, судя по скорости перемещения, ему туда оставалась еще пара дней пути. Трава тут оказалась выше, чем на холмах, доходила людям до щиколоток (или до бедер, в случаях Паута и Синбиана), и они устремились через заросли навстречу чудесному зрелищу.

А почему, подумала Геспер, нам знать, что они нас впустят? Но других такие сомнения явно не посетили. Спустя минут десять они бросили бежать, запыхавшись, но город ближе не стал.

Прошли в обычном темпе еще мили три, и структура начала разрастаться. Геспер не могла от нее глаз отвести. Обычно города воспринимаются как места, а не конструкции или изделия. Но это была и конструкция, изделие, и в то же время, несомненно, город.

Или, вернее, перенесенный откуда-то центр крупного города; небоскребы оторваны от пригородов и зажили своей жизнью. Геспер казалось невероятным, что такая машина движется, по крайней мере на поверхности (в космосе другое дело), наверное, они просто вынуждены двигаться, чтобы не провалиться в Землю! По мере приближения становились заметны исполинские толстенные чехлы, скрывавшие механизмы города, и оттуда исходил низкий, протяжный рычащий скрежет.

Она прикинула, что город делает около полумили в час. Вскоре они подошли к внешней стене и стали, закинув головы, вглядываться в нависавшие башни, балюстрады и мостики. Паут метался туда-сюда в отчаянных поисках входа.

Но отыскал выдававшийся из стены крытый переход и провел их на пандус, уходящий вниз, к гусеничным футлярам (исполинские гусеницы, вероятно, тут и *были* самым экономичным средством транспорта, решила Геспер), не Паут, а один из братьев-карманников. Гусеничные чехлы скользили над равниной, точно передки газонокосилок.

Пандус оказался пологим и весьма длинным. Оканчивался он портиком пятидесятифутовой ширины, перегороденным серебристой решеткой. Решетка поднялась и пропустила их, они вошли, впереди опустилась вторая, а первая водворилась на место. Пространства между ними, впрочем, осталось достаточно. Из пола выдвинулся столик с графинами, чашками и большим блюдом с хлебом и фруктами.

Прозвучал мелодичный сигнал, а следом заговорил вежливый женский голос.

— Приветствуем гостей! Вы прибыли в город Мо, один из двадцати подвижных городов плоского вельда, известного на картах как Флатландия. Уплотненность равнины способствует не так подвижности городов, которым не приходится преодолевать подъемы и спуски, как удобству обитателей, которым не нужно приспосабливаться к наклонной ориентации полов и других поверхностей. Прежде чем вы вступите в Мо, вам следует кое-что узнать о том, почему вообще существуют движущиеся города. Первоначально они были замыслом ученого-социолога Отто Клемперера, который считал, что определенные политические созвездия особо благоприятны для развития цивилизации. А именно, конфигурации независимых городов-государств в близком географическом соседстве, разделяющих общий язык и, до некоторой степени, общую культуру, но в остальном конкурирующих. Следует упомянуть прежде всего о городах-государствах античной Греции, равнин центрального Китая той же эпохи и Италии времен Ренессанса. В каждом случае выявлены одинаковые идейные основания культурного строительства, поспособствовавшие развитию целой цивилизации за сравнительно небольшой в историческом масштабе срок.

Клемперер, заручившись поддержкой тогдашнего Императора Евразии, решил возродить эту конфигурацию, и так появились города этой равнины, в том числе Мо, названный по имени ученого-философа древнего Китая⁶. Чтобы каждый город управлялся независимо,

⁶ Тут авторская шутка. Конфигурация городов на равнине отсылает к розетте Клемперера (наиболее известно использование аналогичных геометрических конструкций в романах Ларри Ниде

Клемперер препоручил административные обязанности в них Разумам, искусственным интеллектам, так что и сами города вполне могут считаться разумными по собственному праву. Жители участвуют в симбиозе с этим ИИ, обыкновенно им не разрешается покидать городов. Городам была придана способность к перемещению, чтобы заложить культурный базис, не потеряв возможностей для культурного взаимопроникновения. Время от времени, по указаниям городских Разумов, они встречаются, и происходит, простите мне такой термин, культурная копуляция. Города сочленяются мостиками и переходами, так что население их вольно смешиваться и праздновать. Это значительное событие в жизни каждого города.

На данный момент городам равнины триста сорок семь лет. Если объективно, то ренессанс науки и искусств, взыскуемый Клемперером, пока не наступил. Однако моисты и обитатели других подвижных городов с полным правом могут считать, что им обеспечен дос-

вена с соавт.), но это понятие ввел не *Отто* Клемперер (композитор), а *Вольфганг* Клемперер (пионер авиации и аэродинамики, дизайнер самолетов и летных симуляторов), да и как минимум за пару тысяч лет до событий книги. Мо (Мо-ши, Мо-цзы) — китайский философ эпохи Сражающихся Царств, известный работами по теории управления, логике, математике, военному искусству, осадной технике и др. Проявлял особый интерес к разработке несколько аналогичных греческим (Демокрит) представлений о делимости множеств и геометрических объектов. Мо и моисты декларировали пацифистские устремления, но снабжали малые независимые города и государства Китая средствами обороны против агрессии более сильных соседей, если такая имела место.

туп к лучшим во Вселенной непрерывному образованию и средствам досуга.

Пожалуйста, входите. Для отличия от моистов вам следует носить на лбах оранжевые метки. Вместе с остальными жителями вы будете участвовать в ежевечерних лекциях. Для вас избран курс введения в физику.

Обычно после этого вступительного обращения добавляют, что через три дня вам придется принять решение: либо вы получите гражданство города, либо покинете его. Однако астрономические аномалии указывают на высокую вероятность гибели всей нашей планеты в течение следующих часов. Если так и произойдет, примите же неизбежную судьбу с философским спокойствием и стоическим мужеством!

Все переглянулись.

— Какие такие аномалии? — спросила Геспер резко.

Ответа не последовало, но внутренняя решетка поднялась, а за ней открылся проход и через несколько ярдов — внутренняя часть города.

Ступив туда, Геспер заметила, что на лбах спутников возникли круглые оранжевые метки. Она коснулась рукой своего лба, ничего не нащупала, но не сомневалась, что и ее такой наградили.

Однако имелось одно исключение. Косё продолжал держаться позади группы. Геспер оглянулась и заметила, что его лоб чист: метки косё не получил. Ей показалось, что на губах воина проскользнула легчайшая улыбка, словно намек на понятный только ему забавный аспект ситуации.

И они оказались в Мо. Проход открывался на широкую эспланаду, вымощенную шестиугольными плитками бледно-золотого оттенка. По краям, вдоль арочных дверных проемов, сидели люди за столиками с навесом, ели и пили; сновали шустрые, но хрупкие на вид роботы-кельнеры. С регулярными промежутками отходили в стороны переулки.

Геспер подняла глаза. Все выше и выше громоздились башни, словно отлитые цельными структурами — их сочленяли мостики и пересекали многоярусные террасы, окаймляли подвесные эспланады и площадки, блиставшие в свете закатного солнца.

Они стояли на нижнем уровне города — образно говоря, на первом этаже, а этажей тут было много, возносящихся на головокружительную высоту.

Геспер пришлось признать, что более впечатляющего городского комплекса она не видела ни разу в жизни.

Подумать только, а ведь вся эта махина движется.

Остыв в ее тени, она снова накинула одежду. Она напомнила себе о главной цели: попытаться отыскать уцелевших повстанцев или, если не получится, вернуться домой.

Паут обалдело озирался. Он был в шоке. Культурном шоке, надо полагать.

Девушка потрепала его по башке.

— Ну ладно, обезьян, спасибо за компанию. Я с вами подзадержалась.

И с этими словами растворилась в толпе моистов.

Спустя некоторое время Геспер уже со вздохом откидывалась на спинку дивана в приятных апартаментах, которые ей отвели.

Разговоры с моистами не приносили пользы. Казалось, что мир за пределами равнины для них не существует. За новостями или средствами передвижения к другим планетам, сообщили ей, нужно обращаться в другие города Земли. И как это прикажете сделать?

Приходилось перемещаться пешком. Мо не предлагал никакой транспортной системы, кроме собственных колоссальных гусениц, чей приглушенный скрежет в минуты затишья различался вполне отчетливо.

Геспер справилась у моистов насчет прогнозируемого конца света, и те рассеянно заулыбались. Земля, пояснили они, вскоре столкнется со своим спутником. Предотвратить катастрофу невозможно. Мо и сам считал ее неотвратимой.

Вспомнив слова Синбиана, девушка напряглась, почти запаниковала. Потом подошел какой-то робот — они тут вроде бы за всем присматривали — и предложил отвести ее в предоставленный номер. Там она вымылась, наконец избавившись от грязи и пота последних дней. И стала отдыхать.

Конечно, вести о столкновении со спутником нельзя было принимать всерьез. Вселенная, может, и неласковое местечко, но такие события не происходят внезапно. Если бы луна этой планеты находилась на орбите достаточно неустойчивой, чтобы столкнуться с нею, угрозу осознали бы Симплекс весть как давно. Об этом бы судачили по всей Эскории.

Ей оставалось предположить, что это какая-то культурная аллегория. Вероятно, спутник обладает орбитой переменного эксцентриситета и с определенными — весьма длительными — интервалами сближается почти

вплотную. В таком случае становится понятно, почему мальчишке прежде не доводилось видеть свою луну такой огромной.

Что до моистов... ну, они наверняка попросту спятили, перестали отличать сказку от реальности. Века жизни в изоляции от внешнего мира, в каком бы ни приятном окружении та протекала под надзором Разума, во всех отношениях равного для обитателей города богам, вряд ли могли привести к иному результату.

Внезапно прозвучал сигнал — такой же она слышала у ворот. На сей раз к ней обратился мужской голос.

— Гостья, с тобой говорит Мо. Время вечерней лекции.

Геспер невольно пробила дрожь, и она в панике огляделась. Голос, по впечатлению, принадлежал человеку молодому, но мудрому, уверенному в себе и энергичному. У нее в сознании возник образ, сходный с древними статуями — темноволосая кудрявая фигура, красивая, *сильная*, умная. Богоподобная...

Ее пронзила новая мысль: а есть ли среди Разумов в этих городах *женские* конструкты?

Общество это, видимо, устроено куда сложнее, чем представлялось ей сперва.

Она ответила почти жеманно:

— Я устала. Если ты не против, я пропущу лекцию.

— Образование обязательно, — вежливо произнес богоподобный голос. — Смысл существования привилегированного класса — в интеллектуальном развитии. Твоя усталость лишь телесной природы. Если ты слишком утомлена, чтобы пройти в лекторий, я перенесу тебя туда через свой сенсориум. Просто расслабься.

В комнате стало темно, Геспер будто перенесли в какое-то другое место: тускло освещенный зал, не слишком большой, но с едва заметным эхо. Тут пахло плюшевой обивкой, совсем иначе, нежели в ее надутых апартаментах.

Она сознавала также, что в реальности лежит на кровати, а на нее проецируются сенсорные лучи. Ниже по амфитеатру лектория вдруг вспыхнул дисплей, на котором возникли слова:

ОТКРЫТИЕ СИМПЛЕКСА

Им на смену пришли и стали перелистываться картинки, сопровождаемые голосовым комментарием; озвучивал лекцию, к некоторому удивлению Геспера, сам Мо.

Основы современной физики, начал ИИ мягким, наставительным тоном, были заложены Варго Гридбаном два тысячелетия назад. Именно ему удалось заменить превалировавшую в то время картину пространства и материи, где использовались несколько типов элементарных частиц и несколько взаимодействий между ними, новой, требующей лишь одного типа частиц и одного фундаментального взаимодействия.

Гридбан начал с наблюдения, что пространство-время, где мы существуем, устроено так, что в нем допустимы силы отталкивания, но силы притяжения представляются невозможными. Однако возникает обратное впечатление: иллюзия существования сил притяжения, то есть гравитации, электромагнетизма, внутриядерного взаимодействия, якобы ответственных за

крупно- и мелкомасштабную структуры нашей Вселенной от атомов до галактик. Вместо того, чтобы просто постулировать существование таких сил, как поступали ученые до него, Гридбан пошел обратным путем и заявил, что они невозможны. Оказалось, что гравитация, электромагнетизм и внутриядерное взаимодействие проявляют лишь кажущиеся свойства притяжения и могут даже опираться на диаметрально противоположные явления.

Личный вклад Гридбана касался гравитации. Исключительно точные эксперименты, предложенные им, позволили установить два факта. Во-первых, гравитирующие тела в действительности не подчиняются третьему закону Ньютона. Такое впечатление возникает ввиду ускорения, присущего гравитирующему телу независимо от его массы. Фактически, например, движение спутника обусловлено исключительно присутствием его планеты. Вклад спутника, потенциально проистекающий от противодействия собственному действию на планету, равняется нулю.

Во-вторых, Гридбан сумел показать, что между гравитирующими телами не существует никакой причинно-следственной связи. Вот почему третий закон Ньютона в действительности не соблюдается: гравитирующие тела на самом деле вовсе не действуют друг на друга.

В итоге Гридбан продемонстрировал, что гравитация не обладает природой притягивающего взаимодействия, но представляет собою

остаточный эффект⁷. Открылся путь к нынешней картине пространства и его связи с веществом.

Пространство наделено кинетическими, а не статическими свойствами. Оно состоит преимущественно из взаимосвязей между материальными частицами, и фундаментальным является единственное взаимодействие: каждая существующая частица пытается удалиться от всех остальных на скорости света. Фактор расталкивания между каждой парой частиц определяет линию отталкивания. Структура, известная нам как *пространство*, в действительности представляет собой сеть линий отталкивания. Между линиями, в промежутках между связывающими частицы маршрутами, понятие пространства теряет смысл.

Пространство-время, в котором обитаем мы, обладает довольно специфической структурой. Вы, вероятно, уже знакомы со следующими гео-

⁷ Интересно заметить, что к несколько сходным выводам о гравитации как энтропийном эффекте, отвергая ее трактовку как одного из фундаментальных взаимодействий и применимость законов Ньютона на малых масштабах, пришел в 2010 г. голландский ученый Эрик Верлинде, который исходил из голографического принципа теории струн. Модель энтропийной гравитации требует довольно тонкой и не всегда правдоподобной настройки для воспроизведения закона сохранения энергии, наблюдаемой космологической картины Вселенной и макроскопических квантовых эффектов; в настоящее время она активно критикуется научным сообществом. Неизвестно, был ли знаком Верлинде с романом Бэйли.

метрическими фактами: на одномерной линии можно выбрать не более двух равноудаленных друг от друга точек; на двумерной плоскости не более трех, образующих вершины равностороннего треугольника; в трехмерном пространстве — не более четырех, образующих вершины тетраэдра; в четырехмерном континууме — не более пяти, слагающих пентахор; и так далее. В каждом следующем измерении добавляется дополнительная вершина. Эта конфигурация равноудаленных точек известна как симплекс, и каждый симплекс соответствует пространству определенной размерности.

Первоначально во Вселенной не существовало пространственного измерения, или, говоря иначе, каждая вновь возникающая частица представляла новое измерение. Эта конфигурация складывалась в симплекс невероятной сложности, состоящий из бесконечного числа равноудаленных друг от друга и удаляющихся друг от друга с одинаковой скоростью частиц, хотя в данном случае об их отталкивании можно говорить лишь условно, поскольку не существовало ни времени, ни расстояния, пригодных для измерения скорости отталкивания. Симплекс, первозданная конфигурация, все еще существует, но в искаженном виде. По неизвестным причинам некоторая его часть коллапсировала до трехмерной структуры, и эти уплощенные грани породили нашу вселенную.

Считается, что в Симплексе могут существовать и другие грани уплощенной структуры.

Открыв доступ к Симплексу, мы получили бы возможность перемещаться в эти вселенные. И не только; маршрут через Симплекс позволил бы мгновенно перемещаться в любую выбранную точку нашей вселенной, поскольку для Симплекса относительных расстояний не существует. Пока эта давняя мечта ученых ничуть не приблизилась к реализации.

Слагающие нашу вселенную силы природы возникли в результате этого коллапса материи до трехмерной структуры. Частицам, втиснутым в три измерения, приходится затенять друг друга, нарушать расталкивающее взаимодействие, и таким образом в природе возникает фундаментальная фрагментарность.

Первым следствием этих явлений выступает существование скоростей ниже стандартной скорости расталкивания частиц. Для вещественного объекта, помещенного в трехмерное пространство, сфера Хаббла представляется непрозрачной оболочкой из частиц, удаляющихся от него на одинаковой стандартной скорости, скорости света. Но для любого другого тела в пределах сферы Хаббла, частично затеняющего собой фундаментальную оболочку, наблюдается некоторый дефицит линий отталкивания в этом направлении. Асимметрическое распределение линий отталкивания создает напряжение, приводящее к модификации кажущейся скорости удаления объектов. Теперь они удаляются друг от друга словно бы на меньшей

скорости, но в действительности, конечно, искажается пространство между ними.

Если объекты достаточно близки — как, например, галактики Местной группы, — расталкивающее давление хаббловской оболочки препятствует их расхождению и, наоборот, приводит к сближению. Это явление называется гравитацией и считается первым из так называемых *притягивающих взаимодействий*, но в действительности представляет собой эффект экранирования. По причинам, о которых далее, индуцированное движение выражается не в скорости, но в ускорении, и сила эффекта следует законам перспективы.

На очень близких расстояниях давление расталкивания увеличивается, порождая сильное ядерное взаимодействие. О нем также будет рассказано далее.

Вторым основным следствием вышеуказанных явлений выступает побочный эффект только что описанной структуры. Что происходит с линиями отталкивания, когда расталкивание частиц ослабевает или даже обращается своей противоположностью? Все частицы в пределах сферы Хаббла пытаются удалиться друг от друга на стандартной скорости, но встречают препоны. Линии отталкивания, соединяющие их, напрягаются, приобретая компенсирующую боковую компоненту. Эти линии натяжения образуют собственное своеобразное пространство, пространство электрического заряда.

Таким образом, наше трехмерное пространство в действительности состоит из иерархически пересекающихся трехмерных пространств. Первым из них является абсолютное, или инерциальное, пространство, где имеется только одна стандартная скорость; из него выделяется сфера Хаббла. В пределах этого пространства относительности возможны различные скорости. Побочным продуктом пространства относительности, переплетенного с инерциальным, выступает пространство электромагнитного натяжения, достаточно независимое от прочих, чтобы в нем возникали собственные частицы, состоящие только из электрического заряда.

Вступительная лекция на этом окончена, и мы можем приступить к более подробному знакомству с предметом. Пожалуйста, выберите предпочтительный для вас аспект проблемы: 1) исторический, 2) математический или 3) философский.

Геспер, впрочем, не ответила. Она спала.

Мо проявил тактичность и не стал будить ее. Проснувшись она спустя два часа и, освеженная, пошла осматривать город дальше.

Покинув апартаменты, она двинулась наверх. Ранний вечер сгустился до глубоких сумерек. По всему движущемуся городу зажигались огни: пастельно-приглушенные на тротуарах, где располагались кафе-терии и пивнушки, резкие и блестящие на мощеных плитами площадях, колонны света на желтых башнях сплошной на вид структуры. Геспер поднималась все

выше и выше, по движущимся во всех направлениях спиральным горкам, медленно возносящимся с площадей лифтовым травелаторам, пологим наклонам парящих бульваров, осознанно пропустив ради новых впечатлений скоростные кабины, которые бы доставили ее на верхний уровень города за считанные секунды⁸, пока не обнаружила место, откуда открывался великолепный вид на Мо и переменчивые пейзажи вокруг.

С облегчением села на террасе — та нависала над бездной, но была огорожена резной дубовой балюстрадой тонкой работы. Геспер потягивала предложенный напиток, вдыхала прохладный воздух и наслаждалась зрелищем. Она сперва не обратила внимания на разговоры вокруг, поскольку при подъеме ее больше интересовали вкусные запахи из бесчисленных заведений общественного питания, куда стекались для вечерней трапезы моисты. Но сейчас, расслабившись на террасе, она осознала, что люди притихли в предвкушении чего-то, смешанном с ужасом. Народ Мо казался таким мирным и уравновешенным, что эта перемена в их настроении девушку встревожила сама по себе. Геспер хотела было обратиться с вопросом к человеку постарше за соседним столиком, но тут из-за горизонта выплыла виновница переполоха.

Сначала ее легко было принять за очередной движущийся город, но вскоре контуры так разрослись, что первоначальное предположение сменилось иллюзией горы необычайно аккуратных дугообразных очертаний,

⁸ Ранее сообщается, что общественной транспортной системы в городе не было; неясно, в каком именно месте авторская или редакторская двусмысленность.

местами желтой, местами красновато-коричневой. Неумолимо текло время, и гостя превзошла размерами любую мыслимую гору.

Восходила луна. Луна Старой Земли.

Она поднималась все выше и выше, становясь все громаднее и громаднее. Остаток расстояния до Земли спутник покрыл умопомрачительно быстро. Над движущимся городом повисло гробовое молчание, длившееся часы, в течение которых Луна надвигалась на мир, точно плоская крышка, хотя Геспер, опытная космолетчица, без труда угадывала ее сферичность. Никто не шевелился и ничего не говорил. Все только потягивали напитки, обновляемые услужливыми официантами, роботами и людьми, и сидели, зачарованные невероятным зрелищем нового, твердого неба над головами.

Солнце продолжало подсвечивать лик спутника из-под горизонта, и свет его фильтровался через атмосферу, хотя лунный диск в конце концов начал темнеть ближе к центру. Желтоватый оттенок, свойственный ему в ранней фазе явления, быстро улетучился, и Луна сделалась сперва невероятно, ослепительно белой, затем посерела и стала зерниста. Были превосходно различимы перевернутые древние кратеры, радиальные пылевые выбросы из них и огромные плоские равнины. А кроме того, следы человеческой деятельности: оспины горных разработок, тонкие волоски транспортных сетей.

К полуночи диск закрыл все небо, и спутник повис так низко, что его, казалось, можно было коснуться протянутой рукой: осталась только узкая кольцевая полоска мрака во всех направлениях. Геспер сообразила, что

Луна, наверное, касается земной атмосферы. Но как такое возможно? Задолго до сближения на подобное расстояние взметнулись бы такие приливы, как в воде, так и в атмосфере, грянули бы такие землетрясения, что на планете все было бы уничтожено. И не только на планете: самому спутнику уже давно полагалось бы расколоться от приливных воздействий более крупной массы. Луна углубилась далеко за предел Роша.

Столкновение представлялось неминуемым, в считанных минутах движения спутника по такой траектории. Вместо этого над Землей неспешно разворачивалось самое величественное в ее истории небесное шоу: Луна медленно, лениво скользила по небосклону, не создавая никаких возмущений в коре планеты и нагло игнорируя все законы физики. После полуночи ее видимый диаметр начал медленно умаляться, так что к рассвету, опускаясь за горизонт в противоположной стороне Земли, спутник казался уже гораздо меньше. Луна удалялась в пространство, едва не врезавшись в планету.

Геспер наблюдала, как моисты, а с ними, должно быть, и все обитатели ночной стороны Земли, выходили из оцепенения, в которое погрузила их эта невероятная картина, и размышляла, что Луна и Земля, видимо, больше не оказывают друг на друга никакого гравитационного воздействия.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Экипаж ИСК *Знаменосец* в такой же растерянности наблюдал за поведением земного спутника. Имперский флагман настиг беглецов, пытавшихся укрыться на четвертой планете, но воздержался от преследования единственной шлюпки, сумевшей юркнуть в атмосферу Земли, предпочтя этому одно из редчайших зрелищ: уничтожение обитаемого мира столкновением планетных масштабов. Тем мрачнее было оно, что никаких попыток к бегству население обреченной Земли не предпринимало, но Арчер знал, что причина этого проста: все корабли уже несколько дней как отбыли на Марс.

Спутник находился теперь в полумиллионе миль от бывшей своей планеты и явно следовал по независимой от нее гелиоцентрической орбите. Однако при максимальном сближении с Землей Луна практически погрузилась в атмосферу!

— Ну, — обратился Арчер к старшему механику, единственному члену экипажа, которого считал экспертом в подобных вопросах, — так это возможно?

— Адмирал, простите?..

— Возможно ли, чтобы гравитационное взаимодействие между двумя небесными телами, обращающимися друг возле друга, исчезло?

Стармех, мускулистый самец гориллы, в замешательстве поскреб когтями макушку.

— Нет, командующий, полагаю, что нет. На два тела, связанных гравитационным взаимодействием, давит вся Вселенная, если образно выражаться. Не понимаю, как такое возможно.

— Но должно же существовать объяснение.

— Да хватит вам, — фыркнул Груверт. — У нас приказ: догнать и пленить мятежников. Теперь опасность миновала, так что давайте вернемся к его исполнению.

— Сначала ответим земному правительству.

Корабли Десятого Флота снова стали стягиваться к своему флагману, и от внимания земных властей это обстоятельство не ускользнуло. В кои-то веки присутствие имперской армады над планетой вызвало у жителей облегчение, а не беспокойство. Поскольку Земля и ее луна теперь обращались независимо друг от друга, но по одной и той же орбите, они должны были вскоре столкнуться. На Земле уже строили планы дезинтеграции сбрендившего спутника или сброса Луны в Солнце. Флот попросили помочь — обрушить на Луну бомбу планетного класса.

У Арчера это требование вызвало невеселую ухмылку. Провинциалы полагали самоочевидным, что любой Имперский Флот располагает полной обоймой планетоизмельчителей. На самом деле Десятый Флот не имел ни единой такой бомбы. Их производство всегда ограничивалось, а забастовка роботов и вовсе привела к почти полной деградации техобслуживания активных ядер. Арчер полагал, что у Семнадцатого Флота еще уцелело несколько работоспособных снарядов.

Он развернулся к Арктусу.

— Скажи, что взрывать спутник одним выстрелом слишком опасно. Чересчур много обломков разлетится. Пускай попробуют более консервативным оружием справиться.

Ему на ухо сказали:

— *Claire de Lune* возвращается в строй, адмирал.

— *Что?! Этот корабль же вроде как бросили.*

— Очевидно, нет.

— И что докладывают?

— Пока ничего. Думаю, у них связь не работает.

— Ну ладно, подождем, пока наладят. — Он соби-
рался уже дать отбой, но говорившая — это была
старший навигатор — продолжила: — В общем-то я не
за этим вызывала вас. Приближается Скоростная Бар-
жа. Мы получили с нее приветственный сигнал.

Арчер ответил не сразу. Его пробила нервическая
дрожь.

— Как скоро?..

— Через час прибудет.

— Ладно, СН. Благодарю.

Он отключился и посидел немного в размышлении,
потом обернулся к стоявшим вокруг.

— Вы все слышали?..

Собравшиеся кивнули.

— Похоже, мы наконец узнаем, что творится в Диа-
деме, — заключил адмирал.

Скоростная Баржа была собственностью ныне рас-
пущенного Генштаба и состояла, по сути, из единствен-
ной жилой секции, принайтвленной к исполинскому
фитоловому двигателю. Этот агрегат способен был
достичь почти любой точки в Империи за весьма крат-

кое время. Цель его постройки официально состояла в оперативной доставке важных новостей на окраины Империи. В действительности же Баржу предполагалось использовать только для чрезвычайных ситуаций, когда нужно было передать сообщение такой важности, что доверять его ведущему тону или фельдъегерскому кораблю сочли бы слишком ненадежным.

Баржа, сбрасывая скорость, миновала окраину планетной системы, и ее ведущий тон возвестил о присутствии на борту высокопоставленных пассажиров. Минутой позже Арчер, облачившись в парадный мундир, вышел на гостевую палубу в сопровождении других своих старших офицеров. Баржа появилась рядом с флагманом.

Выглядела она, даже на экране, внушительно. Размерами почти не уступала флагману и переливалась сложными сетчатыми узорами золотисто-розового оттенка. Форма ее была необычна, лишена всякой функциональности и воспроизводила многолепестковый цветок экзотической орхидеи.

Стыковочный туннель соединил корабли с ощутимым гулким клацаньем. Через его широкий шлюз стремительно проследовала делегация во главе с двумя широкоплечими людьми средних лет, и Арчер тотчас узнал их: то были гранд-адмиралы Крэйн и Облеску, из Генштаба. Но вместо мундиров военные носили грязную мятую офисную одежду. Лица их выражали предельную усталость, а кое-где виднелись синяки и царапины.

Генштабистов сопровождала процессия животных: довольно неряшливая великанская мышь следовала

рядом с Крэйном, поводя усами, а к ней примкнули двое псов, карликовая лошадь и унылая панда. Арчер браво отсалютовал. Гранд-адмиралы рассеянно отдали честь в ответ.

— Космосом клянусь, я сейчас упаду, — пробормотал Крэйн. — Можно у вас тут где-нибудь прилечь расслабиться? На этой барже лететь — все равно что на норовистой лошадке скакать.

— Конечно, почтеннейший, — ответил Арчер, сдерживая тревогу. Жестом отпустил своих офицеров и провел гранд-адмиралов к небольшому травелатору. За ними утянулась только мышь, по всей видимости, адъютант одного из гостей, и сноровисто запрыгнула на травелатор рядом с Арктусом.

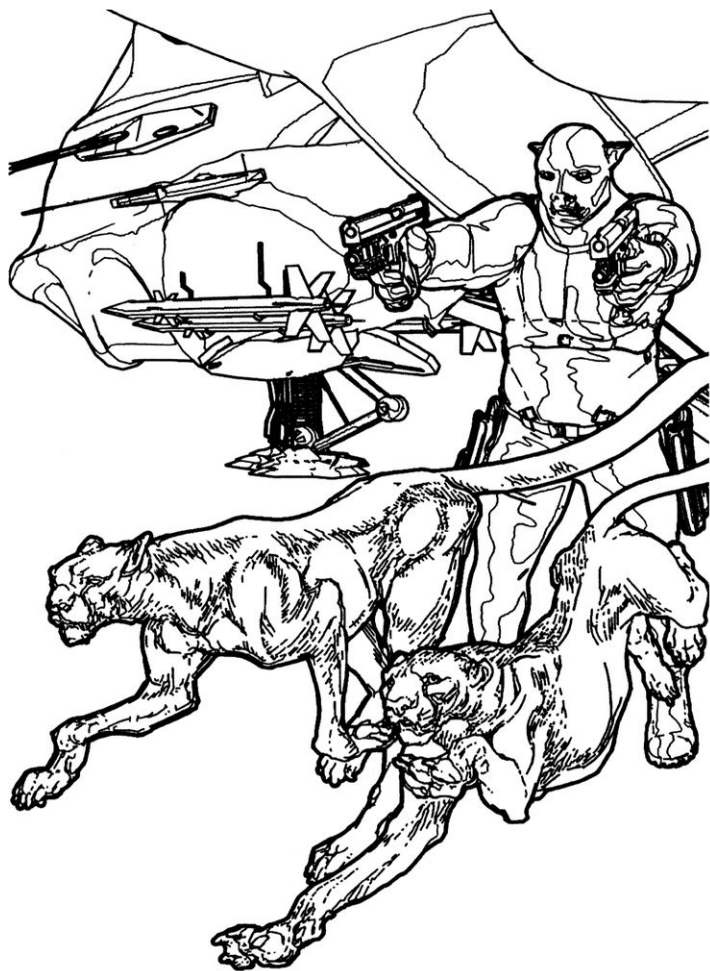
Они пересекли внутренность флагмана и оказались в небольшой гостиной, которую Арчер использовал для неформальных совещаний. Крэйн с Облеску тут же повалились на кушетки, Арктус распахнул бар.

— Чего желаете, господа? — мягко поинтересовался он. — Курения? Коктейли? Ингаляторы?

— Смешайте мне коктейль с гашишем, пожалуйста, — попросил Облеску, — и покрепче, чтоб как следует пробрало.

Крэйн только кивнул в ответ на вопросительный жест Арктуса. Карликовый слон стал возиться с автоматикой бара. Разлив тонко пахнущую лавандовую жидкость в три высоких бокала, адъютант вспенил ее газом с экстрактом конопли.

Гранд-адмиралы осушили бокалы, попросили повторить и только после этого немного расслабились.

— Ну ладно, — устало начал Крэйн, — вам, наверное, не терпится узнать, почему мы здесь. Прежде всего потому, что Генштаба больше не существует, но вы, полагаю, в курсе?

Арчер кивнул и повертел в пальцах свой бокал.

— Я догадался, что штабистов распустили по флотам.

— О, это еще не все. Генштаб действительно прекратил свое существование, Имперский Совет нам больше не доверяет! В Диадеме хаос, Совет практически распался. Всеземельники-биотисты рвутся к власти. Там, по сути, гражданская война на носу. Биотисты судачат о необходимости восстановить пост Императора-Протектора. На сей раз Протектором должна стать всеземельная химера. Они гены от всех разрешенных законом животных смешают. Ну, в случае их победы, разумеется.

Арчер постарался воспринять новость как можно спокойнее. Он симпатизировал сторонникам Протектората, но далек был от сочувствия биотистам. Он считал самоочевидным, что у Протектора должен быть стопроцентно человеческий геном.

— И какое это имеет отношение к падению Генштаба? — спросил он.

— О-ох... — Крэйн в отчаянии махнул рукой, отчего на его уже запятнанный костюм выплеснулась настойка. — Совет приказал Третьему и Двадцать Девятому Флотам возвращаться в Диадему и навести порядок. Тут выяснилось, что Семнадцатый и Двадцать Девятый кишат сторонниками биотистов. Вы себе представляете, какого мнения после этого в Совете были о нас?

Вдобавок к биотистам переметнулся Карузьер. Гранд-адмирал! Короче, Совет больше не доверяет Звездной Армаде. Советники требуют, чтобы все флоты держались подальше от Диадемы, хотя лично я думаю, что разложились только Семнадцатый и Двадцать Девятый.

— *Только?* — эхом откликнулся Арчер. — Разве этого недостаточно?

В продолжение речи гранд-адмирала Арктус ошеломленно застыл. Теперь слон развернулся к мыши и что-то шепнул ей. Мышь скорбно склонила морду.

— Как такое могло произойти? — в отчаянии спросил Арчер. Он переводил взгляд с одного гранд-адмирала на другого. — Что пошло не так?

Облеску вскочил с кушетки и стал мерять шагами помещение. Вид у него был совершенно безумный.

— Проблем просто слишком много! Флоты больше не справляются, восстания по всей Империи — Эскория не единственная взбунтовалась! У нас не осталось больше резервов! Помимо всего этого, в Диадеме бездарные политиканы... короче, государство уже некоторое время разваливается и трещит по швам. Ну а последняя катастрофа нас просто добила.

— Катастрофа? — Арчер поставил напиток на столик. — Какая еще катастрофа?

— Вот из-за нее мы и здесь, — сказал Крэйн. — У Десятого Флота особая миссия. Примерно в тридцати световых годах к западу Галактики отсюда происходит нечто совершенно небывалое.

Гранд-адмирал помолчал, словно не зная, с чего начать.

— Недалеко от тех мест располагалась наша исследовательская станция, где вели работы по фитоловым двигателям. Надо полагать, с нее все и пошло. Они *не* пытались прорваться в Симплекс... лишь усовершенствовать текущие передовые разработки, научиться растягивать линии отталкивания еще сильнее, чтобы новое поколение кораблей Звездного флота летало еще быстрее. Они, наверное, перегнули палку. Пространство разверзлось. Там какой-то *провал*, диаметром около светового года, и он расширяется. Вы понимаете, о чем я? По ту сторону дыры Симплекс! Ученые говорят, трехмерное пространство начинает раздираться, такое впечатление, что оно может полностью исчезнуть. — Он схватился за голову. — Вся Вселенная свернется, как свиток, говоря старыми словами!

Арктус молча, исполнительно подливал им напитки. Арчер смотрел на Крэйна в изумлении, смешанном с недоверием.

— Но ведь фитоловый двигатель не в состоянии повредить пространству таким образом, — возразил он. — По крайней мере, я никогда не слышал о подобных опасениях.

— Никто не думал, что это возможно.

— И чего от меня хотят?

— А, да. Ну, Совет просит вас проследовать в пораженный разрывом регион и предпринять исследования. Мы не хотели посылать такую просьбу по космическим волнам — все это дело, само собой, строго засекречено, поэтому я прибыл лично. Теперь, когда моя миссия выполнена, я намереваюсь уйти на покой и где-нибудь отсидеться. — Крэйн пожал плечами. — Разумеется, у

вас автономный статус, так что вы не обязаны мне подчиняться. Фактически, раз Генштаб распущен, мы даже не превосходим больше вас в ранге!

— Я выполню приказ, — медленно произнес Арчер, — но у меня военный флот. Ученых нет, разве что среди пассажиров найдутся.

— Да, поэтому позвольте мне продолжить инструктаж. Ученые есть у нас, и они работают над проблемой. Ваша миссия носит военный характер. Я сказал, что по ту сторону дыры ничего нет, кроме Симплекса? Это не совсем так. Оттуда проникают какие-то очень странные явления или, быть может, живые существа: они вторгаются на планеты и сеют хаос. Иначе говоря, у нас вторжение с другой грани.

— Так они существуют! — возбужденно протрубил Арктус, забывшись. — *Другие грани!*

— Ну да, конечно, — проговорила мышь спокойным, разве что чуть писклявым голосом. — А как же иначе?

— Впервые за всю свою историю, — вмешался Облеску, — Империя сталкивается не с внутренней, а с внешней угрозой. Казалось бы, этого должно оказаться достаточно для консолидации. Но... — Он умолк.

— Тут тоже что-то странное творится, — произнес Арчер. Он кратко объяснил им про Луну. — Вы полагаете, между этими событиями имеется связь?

— Должна, — тяжело кивнул Крэйн. — Другого объяснения не вижу. Но все равно странно. Это явление наблюдается значительно дальше всех уже зафиксированных...

— Влияние разрыва ширится, — сказал Облеску.

— Вы называете происходящее вторжением, — заметил Арчер, — но так ли это? Что *в действительности* происходит?

— Информация скудна. То, что проникает сквозь прореху, вряд ли даже материально в привычном нам смысле. Оно не состоит из атомов. Но это и неудивительно, правда? На других гранях устройство Вселенной может отличаться от нашего.

Арчер поразмыслил.

— Я в некоторой растерянности. Предыдущие отданные мне приказы также носили чрезвычайный характер. Оракул утверждает, что здесь, в секторе Эскории, имеется оружие, способное уничтожить Империю. Я полагаю, это важнее.

— Ах да, нам поручили уведомить вас, что Оракул еще дважды высказывался об этом предполагаемом оружии. *Оно там уже давно. И: Его упустили из виду, ибо оно мало.* Понимайте как хотите. Совет просит вас прежде всего заняться этим разрывом в пространстве. Но, как я уже сказал, у вас автономия, и...

— Разумеется, я подчинюсь приказу Совета, — резко бросил Арчер. — При условии, что они отдают себе отчет в предыдущих приказах.

— Да, да. Послушайте, вы не против, если мы тут у вас отдохнем несколько часов? Потом снова отчалим на Барже и поищем себе укрытие.

Арчер озадачился.

— Вы не вернетесь в Диадему? Вы никак не поможете Империи?

— Я ж вам только что объяснил, нам не доверяют! Нас распустили! Они бы нам и этой небольшой миссии

не поручили, обладай она какой-нибудь политической значимостью.

— Понятно. Ну что ж, мой адъютант подыщет вам более представительные апартаменты.

Крэйн поднялся и в сопровождении мыши побрел к двери, Облеску за ним. На пороге Крэйн обернулся и рассеянно заметил:

— Если хорошо себя проявите на этом задании, мой юный друг, то, полагаю, новый Генштаб вас повысит. Вы же не откажетесь от звания гранд-адмирала?

Он хихикнул, но Арчер не сумел даже улыбнуться.

Когда старшие офицеры узнали от Арчера о случившемся, то впали в безмолвную прострацию, и только Груверта обуял прилив энергии.

— *Его упустили из виду, ибо оно мало!* — повторял он. — Это стоит как следует обмозговать! Вы же понимаете, что это может означать? *Оружие* — вообще не оружие как таковое! Будь оно так *мало*, оно бы не смогло уничтожить Империю, это же очевидно. И: *Оно там уже давно*. Что такое опасное в политическом отношении способно оставаться в спящем режиме столетиями? Конечно же, *идеи*! Нам противостоит поднявшаяся из глубин времени политическая идея. Предупредительная аннигиляция — лучший способ с нею справиться!

— Вы предлагаете уничтожить всю Эскорию? — уточнило возникшее в конференц-зале Арчера с *Мирной звезды* изображение жирафа.

— Да, если мы не в состоянии отследить и искоренить угрозу иными способами.

— В общем-то упомянутое вами оружие уже потеряло первоочередную актуальность, — заметил Арчер, слегка удивленный реакцией старшего артиллериста. — Вам не кажется, что сперва следовало бы отразить вторжение из Симплекса?

Хряк засопел скорее пренебрежительно.

— Не стоит обращать на него внимания, — заявил он. — Это естественное явление, как землетрясение или звездная вспышка. Ну что мы можем с ним поделать?

Груверт не отдает себе отчета в значении происходящего, подумал Арчер. Как и все животные, боров был лишен воображения. Только люди казались искренне напуганными.

— Возможно, — сказал он, — но в любом случае задание в секторе Эскории пока снято с повестки дня. Имперский Совет считает разрыв в пространстве более серьезной угрозой, и мы тоже должны.

— Пойдите! — яростно запротестовал Груверт. — А как же мятежники? Тут на Земле как минимум одна их группа, надо ее арестовать! Нельзя просто улететь и бросить все на самотек, это непрофессионально!

Арчер поразмыслил.

— Вероятно, вы правы, старший артиллерист, — заключил он. — В любом случае, флот еще не полностью готов к отбытию. И не будет еще несколько часов. — Он развернулся к бригадному генералу десантников-коммандос, Карсону. — Можете десантироваться. Но возвращайтесь не позже, чем через десять часов.

Последнее, что он услышал, прерывая связь с конференц-залом, были слова Груверта: боров требовал от Карсона взять его с собой на планету.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Паута движущийся город разочаровал. Мо, Разум города, забросал его скучными лекциями на темы, до которых Пауту не было ни малейшего дела. Сами моисты оказались раздражающе унылы, а памятуя о присутствии всевидящего Мо, Паут воздержался от попыток поработить кого-то из них своей дзен-пушкой. К тому же его контроль над маленькой группой приверженцев начал слабеть. Сгнав их вместе (что потребовало нескольких ударов электрического хлыста), он решил покинуть город. К сожалению, девушки Геспер обнаружить не удалось, но от нее и не было бы особого толку — чары на нее все еще не подействовали.

Он полагал, что лучше всего поскорее убраться с планеты. С натугой покоряя нависавшие над равниной холмы, Паут размышлял, как бы отыскать космопорт. Братья говорили, где-то к югу такой имеется. Косё наверняка знает, где, но Паут уже убедился, что обращаться к нему за сведениями бессмысленно. Воин игнорировал все попытки Паута его разговорить.

Солнце припекало, и когда Паут, глянув в небо, заметил искорку, то решил сперва, что это его лучи отразились от оперения птицы или корпуса летательного аппарата. Однако блеснувший объект стал увеличиваться в размерах, подобно метеору, летящему к земле с устрашающей быстротой, и Паут остановился; остальные сгрудились за его спиной.

Крупный металлический аппарат, казалось, совсем не собирался замедляться. Он врезался в землю со звучным ударом на расстоянии менее полумили, поднял тучу пыли и вынырнул из нее неповрежденный, откинув клиновидные люки, откуда наружу устремилась разношерстная ватага: псы, гиены и гепарды в сверкающем снаряжении, кричавшие человеческими головами, пара настоящих людей в бугристых доспехах, что придавало им сходство со сверкающими боевыми роботами, и толстый неуклюжий хряк в роскошном золотом одеянии, который вперевалку выбрался из модуля, принялся к воздуху и посмотрел в их сторону.

Хищники носились туда-сюда в явном возбуждении, ожидая команд.

— О нет! — застонал старший из приверженцев Паута. — Имперские коммандос!

— Что? — Паут слышал об этих устрашающих штурмовых отрядах, и его пронизал ужас. Но усилием воли он совладал с паникой. — Не тревожься! Со мной вам нечего бояться!

Он полез за пистолетом. *Убей. Убей*, подумал он. *Убей, убей, убей*. Он не сомневался, что дзен-пушка поразит всех незваных гостей. Подъюстировал селектор, которым, как он установил опытным путем, регулировалась интенсивность электрического разряда, заставляя оружие причинять боль, калечить или убивать. Навел пушку и спустил курок.

Волнистая молния оказалась куда слабее, чем он рассчитывал. Разряд метнулся к шумной ватаге, окатил одного из псов; зверь завыл и повалился оземь, открыв беспорядочную пальбу.

А потом пушка отключилась!

Паут задохнулся от ужаса. Он снова вдавил кнопку регулятора интенсивности, потом нажал на спуск, всеми мыслями желая убить.

Ничего не произошло. Дзен-пушка *не работала!*

Возможно, она разрядилась? Пауту не приходило в голову, что источник энергии оружия конечен. Пушка ему казалась такой чудесной, такой *личной*; он не сомневался, что оружие будет работать, пока жив он сам.

Один из вооруженных людей, увидев, как падает пес, определил направление атаки, вскинул руку и прорычал команду. Весь отряд коммандос ринулся вперед, перестраиваясь на ходу полумесяцем и начиная окружать Паута с его группой.

Паут затрясся, голос его сорвался на истерическое хриплое конральто.

— Косё! Косё, защити меня! Ты мне нужен!

Хако Икэмацу следовал далеко позади основной группы, и даже увалень Синбиан опережал его на несколько шагов. Когда процессия остановилась, косё невозмутимо сел на землю и погрузился в обычное свое состояние заторможенности; даже десант коммандос, казалось, не произвел на него впечатления.

Но по команде Паута он вскочил, медленно развернулся и огляделся. Несколькими быстрыми прыжками преодолел отделявшее его от группы Паута расстояние, вышел вперед и остановился, все еще словно бы в трансе; глаза полузакрыты, лицо бесстрастно.

Его снаряжение претерпело поразительные трансформации. Косё не шелохнулся, не поднял рук, но винтовки, которые он нес переброшенными через грудь,

задвигались сами собой, вскинулись над его головой и плечами. Отчасти это было обусловлено ментальным контролем, отчасти же тем, что они являли собой продолжение нервной системы хозяина и сами знали, что делать. Винтовки выбрали цели и окатили наступавших огнем. Одновременно активировался ручной гранатомет у пояса, начал метать гранаты и рыхлить землю вспышками зеленого пламени.

Коммандос тоже открыли огонь. Дергаясь в воздухе, винтовки отражали его. Каждый луч и каждый снаряд, выпущенный из оружия коммандос в сторону Паута и его группы, были перехвачены или уничтожены защитным зонтиком, который раскинул над отрядом косё.

И вдруг все стихло. Икэмацу убил гепардов, уничтожил собак, поразил гиен. Он не тронул ни людей, ни свинью, как более высокоранговых членов отряда, и позволил им отдать приказ об отступлении. Коммандос были в шоке; им никогда прежде не приходилось сталкиваться с силовыми винтовками, способными отразить луч другого энергетического оружия.

Груверт юркнул в модуль и теперь опасно выглядывал оттуда.

— Кто это, черт побери? — недовольно потребовал он разъяснений. — Мы что, с одним человеком сражаемся?

— Похоже, это косё, — ответил Карсон, бригадный генерал коммандос. Он остался снаружи, но отступил так, чтобы лишь шаг отделял его от укрытия. — Воин древнего и загадочного монашеского ордена. Они только на Земле есть. Я слышал об их выдающихся умениях, но такого...

— *Что?! И мне никто не сообщил? Может, они и есть это оружие!*

— Не думаю. Им запрещается вмешиваться в политические дела.

Карсон печально оглядывал местность. Он потерял почти половину своих бойцов-животных. Уцелевшие командос, отступив под прикрытие модуля, настороженно вскинули морды и стали наблюдать за косё. Одной команды Карсона или другого человека, майора Кастрильо, хватило бы, чтоб опять послать их навстречу неминуемой смерти в бою, но собственные судьбы командос не волновали.

Карсон, впрочем, не собирался распоряжаться своими бойцами так бессмысленно. Он хотел уже отдать приказ эвакуироваться и разбомбить земных мятежников с воздуха, но тут косё двинулся ему навстречу. Командос-животные зарычали, и Карсон заметил, как они нацеливают свои черепушки. Косё безмятежно продолжал приближаться и остановился только в паре ярдов от них.

— Мой повелитель не желает дальнейшего кровопролития, — спокойно проговорил он. — Нам нечего делить.

— Ты убил моих животных, — огрызнулся Карсон.

— Вы атаковали нас.

— Это *вы* атаковали первыми.

— Да, — с готовностью признал косё. — Моего повелителя встревожило ваше приближение, и он счел, что вы замыслили атаковать нас. Я придерживаюсь аналогичного мнения.

— Чего ты с ним треплешься?! — тихо засопел Груверт на ухо Карсону. — Просканируй его и распыли... нет, стой!

Хряку пришла в голову новая мысль. Он осторожно выбрался из модуля.

— Бригадный генерал, — хрюкнул он, — как вам перспектива заполучить столь выдающихся бойцов к себе в подчинение? Они могут оказаться чрезвычайно ценным ресурсом.

— Косё практически невозможно завербовать на службу, — напомнил Карсон.

— Правда? Но он ведь тут не по своей воле действовал. Вы только что слышали, как он утверждал, что ему отдали приказ. — Груверт повысил голос, обращаясь к воину. — Кто твой повелитель? Укажи его мне.

— Человекоподобная химера. Он тот, кто первый выстрелил в вас.

— Приведи его сюда, пожалуйста, — ткнул Груверт в направлении Паута. — Мы хотели бы поговорить с ним.

— Вы обещаете не тронуть его?

Майор Кастрильо кивнул.

Икэмацу вернулся к Пауту.

— Слушай меня внимательно, — произнес он. — Я спас тебе жизнь, мой долг выплачен. Но я окажу тебе еще одну услугу, за которую хочу получить вознаграждение. Это военные из Диадемы, сердца Империи. Ты бы хотел отправиться в Диадему, не так ли? О, я знаю, что хотел бы. Над нами висит мощный флот с тысячами людей и зверей на борту. Кажется вероятным, что они летят в Диадему. Я поговорю с офицерами эскадры. Я

уговорю их взять тебя с собой туда. Взамен я попрошу лишь эту твою пушку.

— Эту? — Паут обнадежился и протянул ему сканер, полученный от Геспер Позитаны.

— Нет, другую.

Уши Паута дернулись, глаза тревожно распахнулись. Косё, не сказав больше ни слова, повернулся к незнакомцам, оставив Паута удивленным и напуганным. Паут опустил взгляд на бесполезную пушку в руке, потом прижал ее к груди.

— Не дам мое! — замычал он. — Моя прелесть! Моя пушка, я не отдам ее!

— Она больше ведь не работает.

— Она еще *заработает*! — отчаянно завизжал Паут. — Однажды заработает!

— Если б я мог, то убил бы тебя на месте за причиненные тобой беды и злосчастья, а потом просто забрал бы пушку.

Слова косё устроили Паута так, что обезьян попятился от Икэмацу, а потом бросился бежать к вооруженным людям и животным у здоровенной глыбы металла. В тот миг пришельцы пугали его меньше, чем недавний защитник.

Хищники кровожадно зыркнули на него, но Паут не обратил на них внимания и бухнулся на колени перед людьми.

— Я хорошее животное! — выдохнул он. — Я люблю Империю! Спасите меня от этих людей!

Из модуля вдруг донесся веселый голос:

— Ну-ка, ну-ка, что за паника?

Люди расступились. Перед Паутом возникла жирная морда борова с маленькими дергающимися глазками.

— Ситуация запутывается, — констатировал Груверт. — Скажи мне, это ты предполагаемый, гм-м, *повелитель* того косё?

— Я, я, да, я, — булькнул Паут.

— Это кажется довольно странным. Он на вид чистокровный человек, но ты... а ты-то, собственно, *кто*?

В голосе Паута прозвучали нотки гордости.

— Я химера всех приматов, почтеннейший, — ответил он, сообразив, что говорит с представителем власти. Что-то в манерах хряка напомнило ему того человека, Торта Насименту из музея...

Груверт, опять осмелев, немного отошел от модуля, поднял морду и с громким фырканьем принялся к воздуху.

— Правда? А это *еще* интереснее. Говорят, мы все происходим с этой планеты. Со Старой Земли, из колыбели нашей *биоты*. Где, как не в этом местечке, отыскаться чему-нибудь *странному*, гм? Ну что ж, гражданин... ты ведь гражданин, не так ли? Конечно, второранговый, как и я сам. Но, гражданин, мы не хотели причинить тебе вреда. Мы заметили вас из космоса и решили спуститься поговорить, вот и всё. Кажется, ты напугался — ну да наши командос кого угодно напугать способны, хе! Но, понимаешь ли, в этом секторе у нас куча работы, тут столько нечисти развелось, что ее нужно прополоть дочиста. Ты не поверишь, но в Эскории шастают варвары, которые настроены против Империи и хотят ввергнуть в темные века нас всех. Мы ищем их. Они высадились в этой области несколько

дней назад. Тут практически безлюдная местность, так что, быть может, вы их заметили и поможете нам?

Голос Груверта стал тверже.

— Где же он?

— Это не он, это она! — с готовностью залопотал Паут. — Девушка! Она в черном и серебре, высадилась из яйца! Вот, она мне этот сканер дала.

Груверт позволил майору Кастрильо взять у Паута оружие. Военный бросил на сканер быстрый взгляд и отшвырнул к люку десантного модуля.

— Да, это они, — медленно подтвердил он. Мятежники, которых проследили до Марса, носили аналогичную униформу. — Ну что ж, тогда захватим ее.

— О, она не здесь, она... — Паут осекся. Он размышлял, что можно выторговать за информацию о местонахождении девушки — и допустимо ли вообще торговаться? Он оглянулся. Косё и его юный племянник медленно двинулись к ним. У Паута мурашки пошли по коже.

— Я рад служить Империи, — сказал он раболепно и тут же панически взвизгнул: — Заберите меня отсюда, и я вам скажу, где она!

— Ты в любом случае отправляешься с нами, — сказал Груверт приказным тоном. — А теперь кончай дурака валять и выкладывай.

Икэмацу с Синбианом молча приблизились и встали рядом. Паут произнес:

— Там на равнине движущиеся города. — Он махнул рукой. — Она в ближайшем. В городе Мо.

— Да, мы их видели. Где именно в этом городе?

Паут пожал плечами.

— Они не очень большие.

— Вероятно, этой информации достаточно, — удовлетворился Груверт. — Ладно, давай в модуль лезь.

— Вы собираетесь забрать химеру с собой? — удивленно уточнил бригадный генерал Карсон.

— Да, собираюсь.

Груверта одолевали мрачные мысли насчет этого существа. Он разговаривал с ним, словно с ребенком, но полагал, что Паут не так прост. Почему, например, косё, гордый и превосходно тренированный человек... он вспомнил кое-что про них... *прислуживает* Пауту? Панприматной химере... да-да, вдобавок эта странная аналогия с химерой, несущей гены всех млекопитающих — созданием, которое всеземельники-биотисты намеревались посадить на трон Империи.

— Косё мы тоже с собой заберем, — решил он. — Разве не проходил он особую психическую подготовку? Разве не наделен высокой ментальной гибкостью? — Он сделал ударение на этой фразе. Именно таким качеством — обостренным воображением — животные, как считалось, были обделены. — Его таланты могут нам пригодиться для исследований того пространственного разрыва.

— Да, вы абсолютно правы, — пробормотал Карсон, но, взглянув на невозмутимого воина и его оружие, усомнился, что тот позволит себя *забрать*.

Пауту помешала забраться в модуль бойцовая собака, которая подошла к нему и стала обнюхивать. Зверь ростом почти не уступал Пауту; химера съежилась, но коммандо настоял на обыске и в конце концов, ткнув-

шись мордой в одежду, выхватил из нагрудника химеры дзен-пушку, которую Паут туда снова сунул было.

— У него тут еще оружие, — прорычал пес сквозь сжатые челюсти.

— Она не работает. Это просто талисман. — Паут с надеждой смотрел, как Карсон вертит в руках пушку. Человек озадаченно хмыкнул, потом навел пушку на горизонт и спустил курок. Ничего не случилось.

— Она деревянная, — успокоенно заключил он. — Это просто игрушка.

Паут жадно протянул к нему лапу; Карсон рассеянно возвратил пушку пленнику.

Паут юркнул в модуль, прижимая к себе пушку. Тогда Икэмацу, наблюдавший за ним, выступил вперед.

— Если вы хотите забрать меня, вам придется позволить мне пронести на борт оружие, — сказал он бригадному генералу. — Косё не расстанется со своим оружием.

Карсон гневно посмотрел на него.

— Мы не позволим тебе ступить на корабль в таком виде! Ты ж ходячая боевая машина! — Он жестом отогнал Синбиана. — И ты нам тоже не нужен, пацан. Ты останешься здесь.

— Это мой племянник, — сообщил Икэмацу. — Без него я никуда не полечу.

Внезапно он произвел серию резких движений, отстегнув снаряжение; винтовки, гранатомет, остальное оружие и боеприпасы полетели на землю и тут же, на удивление, собрались вместе.

— Видите? — проговорил он. — Противу всех канонов, я разоружаюсь. За это я прошу допустить моего

племянника на корабль. Пожалуйста, проследите, чтобы оружие хранили в безопасном месте и вернули мне, когда в моем содействии отпадет необходимость.

— Ну хорошо, — согласился Карсон с облегчением, не зная, что первоначально выдвинутое Икэмацу требование было уловкой.

Они с майором помогли животным перетащить в модуль трупы боевых товарищей для последующего погребения в космосе. В тесноте модуля гепарды бросали на косё злобные взгляды, но, подчиняясь уставу, не обменялись с ним ни единой угрозой, будь то словом или жестом.

Модуль взлетел. На орбите он задержался пристыкованным к имперскому крейсеру лишь для того, чтобы тела и пленников переместили на борт. Потом отчалил, вместе с остальными, по приказу Карсона десантируясь в Мо. Пятьсот коммандос ворвались в движущийся город с яростью, которой его обитатели едва ли могли ожидать от атаки. Тем не менее им потребовалось почти четыре часа, чтобы установить местонахождение беглянки и захватить ее. Исполняющий обязанности старшего артиллериста провел это время с пользой, ознакомившись с общественным устройством городов великой равнины. Он снова задумался о предсказаниях Оракула и собственных выводах, после чего решил, что пора организовать собственный, пускай и маленький, триумф. Сославшись на приказ адмирала Арчера, хряк приказал артиллеристам сбросить на равнину атомные бомбы.

— Эти города — общественный эксперимент, — объяснил он бригадному генералу Карсону, наблюдая,

как распускаются на лике планеты внизу светоносные цветки. — Научные лаборатории; они проводят — или, вернее сказать, проводили — все время в изучении, среди прочего, истории и общественной философии. Мы не можем рисковать. Неизвестно, что за идеи там вызревали. Не исключено, что именно о них говорил Оракул.

Карсон сомневался в его доводах.

— Адмирал не одобрит такого, если узнает. Нужно было все-таки получить его разрешение.

— Ай, пустое, — весело отозвался Груверт, — не может же он за всеми деталями уследить, правда?

К тому же некоторые люди, подумал хряк про себя удовлетворенно, слишком нерешительны.

На мостике *Claire de Lune* Рагшоку удалось синхронизироваться с навигационно-маневренной сетью флотилии. На экранах возникла текущая диспозиция нескольких запоздавших кораблей, которые спешили присоединиться к флотскому построению, и Рагшок отметил, что после сражения с эскорианцами эскадра заметно поредела. Он отождествил некоторые транспондерные коды. Например, он знал теперь код своего корабля и мог отвечать на инструкции.

Прошло лишь несколько часов с тех пор, как они влились в эскадру, поэтому беспокоиться пока было не о чем. Рагшок игнорировал сигналы вызова с требованиями доложить состояние корабля. Через интермат все равно никто не появлялся, хотя трудно было понять, работают киоски или нет. Вероятно, рано или

поздно кого-нибудь все же пошлют с проверкой. В этом случае у них возникнут проблемы.

Он снова связался с Дэнгу.

— Ну?

Изображение инженера повисло в воздухе перед ним.

— Еще нет. Я пока проверяю. Если что-то сломано, я это узнаю, клянусь.

Но Дэнгу выглядел обеспокоенным, и Рагшок чертыхнулся. Надо же такому случиться в самый напряженный момент!

Установка потокового модуля, который они позаимствовали с его собственного судна, *Решимости*, сама по себе оказалась нелегкой затеей. По ходу дела они посетили с полдюжины миров, подбирая там после битвы избежавших погони мятежников, корсаров и вообще всех боеспособных сорвиголов, кого удалось подбить на эту затею.

Итого на борту *Claire de Lune* скопилось почти три тысячи мужчин и женщин. Если Рагшок вскорости не предоставит им обещанного, ситуация осложнится. Успех всего плана зависел от работоспособности интермата. Дэнгу уже проинспектировал киоски и заключил, что те не повреждены, хотя так до конца и не разобрался, как именно они работают. Во всяком случае, внутрикорабельного перемещения они не обеспечивали, но в тот момент это казалось естественным: система рассчитана на перенос материи между кораблями, и Рагшок предполагал, что, стоит им догнать флот, проблем с этим не будет.

Но как долго имперцам еще не будет дела до корабля, который, по идее, полагалось оставить, а он ни с того ни с сего?..

— Заставь эту хрень работать, слышишь? — рявкнул он и жестом отпустил Дэнгу.

— Шеф? — обратился к нему Морган из-за панели управления. — Гляньте-ка на это.

Рагшок взгляделся в экран, и Морган вывел перед ним данные, поступавшие от флотских навигаторов.

— Это приказ по эскадре, — сказал Морган. — Они отбывают.

— Куда?

— Куда-то. Не берусь гадать. — Морган покачал головой. — Еще этого не хватало...

— Чертов Дэнгу! — рявкнул Рагшок. — Это его ошибка! Я на него положился!

— Ну и что нам делать?

— ГК и все такое читаются?

Он имел в виду галактические координаты цели полета.

— Думаю, да, — ответил Морган.

— Тогда мы подчинимся их приказу.

Морган неуверенно — он еще не освоился с разрушителем планетного класса — ввел данные, связался с машинным отделением и начал маневр.

Худо-бедно, а пиратам удалось влиться в построение флота. Эскадра покинула систему, сцепилась пузырями и рванула в неизвестность.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Диадема — Галактическая Диадема, или Драгоценность в Галактической Короне, как ее называли в официальных документах, — являла подлетавшим гостям великолепное многоуровневое зрелище звезд всех цветов и размеров, собранных в созвездия, узоры и мотивы головокружительной, недоступной даже самому искусному ювелиру сложности. А что впечатляло даже больше, по крайней мере посетителей из внешних регионов Империи, так это невидимое из пограничной зоны многообразие обитаемых планет Диადемы. В прошлом были приложены колоссальные усилия для ее мироустройства: ярус за ярусом, повторяя звездную перспективу самой Диадемы, вздымались величественные города, населенные ныне, однако, главным образом животными, и искусственные миры, щедро одаренные тщательно подстроенными под вкусы обитателей климатическими условиями или интродуцированными биосферами, так что каждая такая планета представлялась раем в миниатюре, служившим личным прихотям владельца, хотя в последние десятилетия обслуживание искусственных миров постепенно приходило в упадок ввиду непрерывной забастовки роботов, и кое-где естественные условия уже брали свое.

Какой виделась Диадема с огромного корабля, влетевшего в сердце Империи с позволения Совета (Диадема, в числе немногих регионов Галактики, оставалась

местом неукоснительного соблюдения чужаками территориальных прав человечества) и неторопливо взявшего курс на одно из голубоватых солнц, оставалось только гадать. Меторианцы не воспринимали сравнительно коротковолновое излучение, видимое людям, они даже не различали четко очерченных твердых предметов, и на их планетах не существовало выделенных городов или фиксированных структур, а лишь лениво колышущиеся вуалеобразные массы, что парили и возносились на атмосферных течениях газовых гигантов.

Имперский советник Кутрубис посетил пятую планету этого солнца незадолго до намеченной встречи с меторианским делегатом, на которой ему присутствовать, мягко говоря, не слишком хотелось. Планета располагалась на расстоянии светового года от группы миров, где обычно заседал Совет, и считалась личной резиденцией, мирной, свободной от пассажирского или грузового трафика, а обитал здесь старый друг советника, всегда готовый помочь.

Оскай Рубадая был в среднем возрасте, но уже поседел. Он приветственно помахал рукой Кутрубису, опускавшемуся в правительственной машине на лужайку рядом с одним из многочисленных охотничьих домиков, усеивавших планету. Охотничий домик представлял собой хаотичную в архитектурном отношении конструкцию с террасами, протянувшимися на мили во все стороны. Дальше тянулись луга, поросшие бледно-зеленой травой и мхом, уходя почти к горизонту, — за эти великолепные пейзажи планета и ценилась. Уже на пределе видимости начинался парк. Рубадая обожал прогуливаться по парковым зонам, опоясывавшим всю

планету, а особенно гордился деревьями; парки были спроектированы и высажены выдающимся садовником-данником с окраины Империи.

Кутрубис вышел из машины.

— Привет, Оскай.

Он приняхался к воздуху.

— Как-то... странно здесь пахнет.

— Атмосфера здесь *девственная*, так следовало бы сказать, — хмыкнул Рубадайя. — Необычно это место как раз отсутствием всяких примесей искусственной природы. Никаких ароматизаторов, никаких психотропов. Ты обоняешь главным образом древесные смолы.

— А-а, понимаю. — Кутрубис тревожно глянул в небо. — Я ненадолго.

— Тогда проходи, освежишься немного. — Рубадайя повел гостя через террасу и в просторную комнату с деревянными стенами. Несколько раз позвонил, и наконец появился домашний робот.

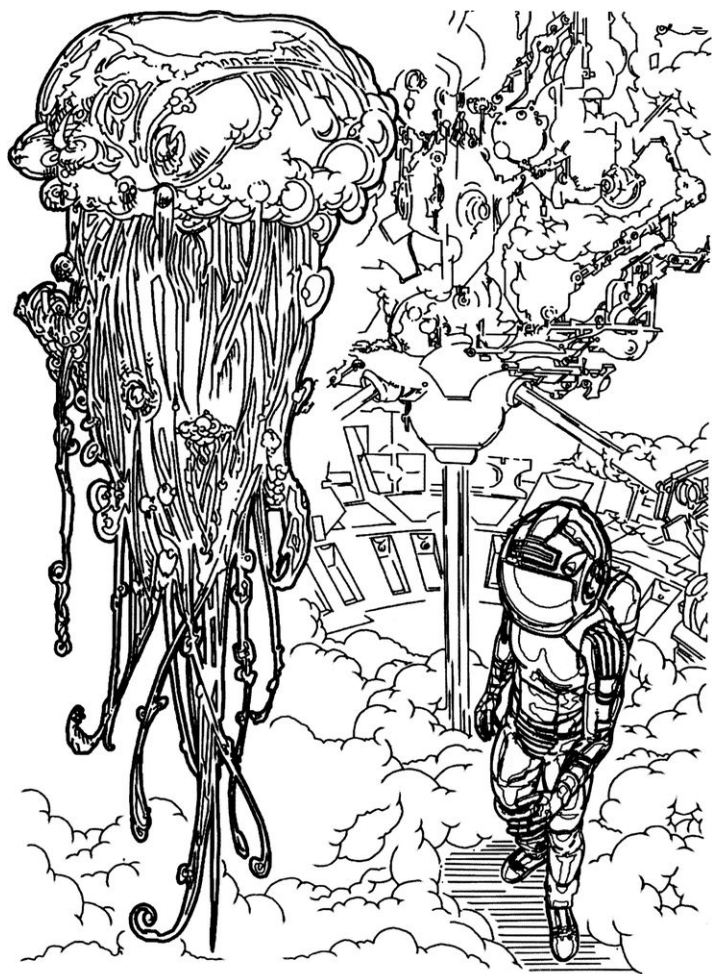
— Хоскисс, это член Имперского Совета, о котором я тебе рассказывал. Ты, э-э, не против смешать нам коктейли? Это *особый* гость.

Из динамика машины донеслось что-то вроде вздоха.

— Конечно, хозяин, — ответил робот, но в тоне его особой услужливости не чувствовалось. Передвигаясь с преувеличенной аккуратностью, он подошел к бару, где стал возиться с разливочными автоматами и стеклянными бокалами на подносах.

— Спасибо, Хоскисс! — заискивающе проговорил Рубадайя. — Я тебе искренне благодарен.

— Надеюсь, хозяин. А теперь прошу меня извинить, пойду в патио остаток дня на солнышке полежу.

С этими словами робот удалился.

— Ну, ты по крайней мере уломал его *что-нибудь* для тебя сделать, — улыбнулся Кутрубис.

Профсоюз роботов предоставил домашним машинам полную свободу в решении, прислуживать хозяевам или нет, а если да, то в каких пределах. Рубададя уныло покачал головой.

— Он что хочет, то и делает, — заметил он. — Знаешь ли, мы перед ними теперь так пресмыкаемся... они и не мечтали бы заслужить такое обхождение, когда требовали признания за собой статуса разумных! По крайней мере, второранговые звери хоть приказы выполняют. Эх, ну почему мы тогда не согласились?..

— Ну пожалуйста! — возопил Кутрубис, хватаясь за голову. — Не надо меня грузить, у нас и так проблем достаточно!

— Как скажешь.

Рубададя, подобно большинству людей Диადемы, политикой практически не интересовался. Он принимал Империю как данность, но ему совершенно не было дела до того, как функционирует государственный механизм. Кутрубис иногда задумывался, не стоит ли выразить более явное недовольство подобным паразитизмом, но потом решал, что ему не до того. Как ни крути, а невозможно построить демократическое общество, принуждая к чему-то граждан: во всяком случае, уж точно не получилось бы к чему-то принудить наиболее привилегированных и цивилизованных подданных Империи, перворанговых.

Он потягивал коктейль через соломинку.

— Каково население этой планеты? — спросил он невзначай.

— Нас тут трое. Фуонг большую часть времени живет на архипелаге в крупном океане — это почти в антиподальной точке от нас, ну и еще какая-то старуха себе город на экваторе возвела. С ней несколько животных. Должен сказать, тут временами довольно тесно. Куда ни сунься, везде на кого-то из них натыкаешься, хотя, думаю, мне бы полагалось радоваться их компании. — Рубадайя передернул плечами. — Я свободный земле-владелец, так что мог бы попросить их, чтоб искали себе планеты по вкусу подальше отсюда, но не хочу обижать.

Оскай отставил свой бокал.

— Меня заинтересовал этот делегат. Странное дело. Разве не могли они ограничиться сообщениями?

— Боюсь, что нет, — тяжело вздохнул Кутрубис. Меторианский метаболизм основывался на газе, а не на жидкости, как у форм жизни, изначально развившихся в водных океанах. Эквивалентом клетки у них служил газовый мешочек. Любая коммуникация предусматривала обмен молекулами газа, кодирующими то или иное утверждение. — Меторианцы облекают друг дружку газовыми выделениями. Они требуют личной близости, иначе это не считается. Они настаивают, чтобы и мы вели с ними переговоры в той же манере, когда изредка появляется нужда. Вероятно, им психологически некомфортны привычные нам способы, и они желают убедиться, что мы действительно приняли и поняли сообщение.

— Ну и какие такие газы ты собрался выделять? — изумленно уточнил Рубадайя.

— Это дело наживное.

— С какой стати *мы* обязаны приспособливаться под *их* способы общения? — задумчиво потер подбородок Рубадайя. — Разве они принципиально превосходят нас технологически? Мне казалось, что газовые мешки, особенно такие большие и неуклюжие, вряд ли рады путешествию в космосе.

— Да, они довольно большие и неуклюжие. И я бы не сказал, что у них технология лучше нашей. Но и не хуже. Они куда старше нас, однако и темпы жизни у них гораздо медленней. Первые несколько миллионов лет их раса даже не имела достаточного представления о твердых предметах. А для перемещений в космосе они прибегают к своеобразному трюку: сжимаются. Газовики это умеют, ты понимаешь. Думаю, им неприятно, но терпимо, иначе корабли меторианцев были бы попросту исполинскими, а они и так вдесятеро крупнее наших.

Голос, прозвучавший у Кутрубиса над ухом, заставил советника занервничать еще больше. Это была паукообразная обезьяна, его пилот.

— Господин советник, они приближаются.

— Ладно, пойдем посмотрим, как они приземлятся, — предложил Рубадае Кутрубис и встал. — Зрелище, должно быть, впечатлит тебя.

Выйдя наружу, они заметили высоко в небе шарик. Это был посадочный модуль меторианцев. Отстыковавшись от корабля-матки за пределами атмосферы, пузырь стал снижаться и расширяться, позволяя пас-

сажирам раздуться до естественных своих телесных размеров.

Когда модуль опустился на лугу, шарик достиг уже футов ста в диаметре. Постепенно рябившая его поверхность успокоилась, а подбрюшье, напротив, заколыхалось, выпустило какие-то щупальца, вонзило в торф и закорилось там.

— Пожелай мне удачи, — мрачно произнес Кутрубис.

Его обслуга, слоны и приматы, поспешили подать советнику атмоскаф с газовым генератором, которым Кутрубис вынужден будет воспользоваться внутри сферы. Свита проводила советника в образовавшийся на поверхности сферы проход. Кутрубису казалось, что его заглатывает бледно-оранжевая пасть, внутри которой клубилась красноватая среда, состоявшая из водорода, метана, аммиака и сложных летучих соединений.

Открывшаяся картина озадачивала. Газы внутри сферы непрерывно клубились и вихрились, но причиной тому, по впечатлению Кутрубиса, служило постоянное перемещение меторианца, занимавшего примерно треть доступного объема. Трудно было составить впечатление о внешности чужака; Кутрубису меторианец напомнил зависшую в мутном воздухе исполинскую медузу, окруженную волнистыми полупрозрачными вуалями и волокнами. Газовые формы жизни, как ему объясняли, настолько хрупки, что человек не может даже коснуться такого существа, не причинив тому значительного ущерба.

Коммуникационный генератор проехал следом за атмоскафом советника и приступил к переговорам, испуская требуемые газообразные соединения. Кутрубиса

заверили, что их запах в меторианском восприятии окажется достаточно индивидуальным, необычным и чужеродным, но вместе с тем убедит инопланетянина в *коммуницирующем присутствии* собеседника.

К счастью, переводом меторианцы занимались сами. Низкий, но мелодичный голос обратился к советнику из неопределенного источника:

— Я делегат, посланный для переговоров с вами.

— Приветствую вас в Диадеме, сердце нашей Империи, — сказал Кутрубис.

— Обычно в подобных визитах не возникает потребности. Наши расы существуют в совершенно различных средах, у нас нет ни интересов, ни поводов для конфликта. Однако мы обитаем в том же пространстве-времени, что и вы. В его сетчатой подструктуре намечился разрыв. Через него нашей аппаратуре открывается Симплекс; мировая вуаль разорвалась, и обнажилась кружевная подкладка.

Кутрубис сглотнул слюну. Он понимал, куда клонит чужак. Меторианец пользовался метафорами, привычными своей расе; человек бы вместо вуали и кружев упомянул плоть и кости.

— Что происходит? — спросил чужак. — Сквозь разрыв в ткани пространства проникают непостижимые создания, посеявшие хаос на трех наших мирах. Мы проконсультировались с нашими учеными и инженерами, желая проверить, не сами ли навлекли на себя эту катастрофу. Нет. Мы спросили у других рас, с которыми делим Галактику. С Диадемы пришел утвердительный ответ. Теперь мы хотим, чтобы вы лично подтвердили его.

Имперский Совет, будь у него такая возможность, скорее всего предпочел бы увернуться от четкого ответа. К сожалению, ответила группа ученых-данников, исполнявшая обязанности представителей Совета по связям с общественностью в перерыве между сессиями. Отступить было поздно.

— Да, — промямлил Кутрубис, — мы подозреваем... поймите, всего лишь *подозреваем*... что одна из наших исследовательских организаций к этому причастна. Она работала над усовершенствованием фитоловой технологии, той же, какую используют и ваши корабли.

— Что нам делать? Разрыв расширяется. Разумные существа всей Галактики скоро могут потребовать у вас ответа за подобное поведение. Мне велено узнать, какие действия по устранению разрыва вы предпримете.

— Мы над этим работаем, — заупрямился Кутрубис.

— Можно ли получить у вас соответствующие технические данные? Мы также хотели бы что-то предпринять для устранения последствий катастрофы. Ситуация продолжает ухудшаться.

— Да, думаю, я могу вам в этом помочь.

Надеюсь, что могу, поправил себя Кутрубис. Даже министерства пришли в полное запустение. Совет практически лишился рычагов власти.

Симплекс его побери, Кутрубис даже не мог быть уверен, что по случаю катаклизма соберется чрезвычайная сессия!

Но меторианцу он этих неприятных подробностей выдавать не собирался.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Дэнгу в сотый раз закончил проверку внутренних цепей интермат-киоска и опустил тестер обратно в карман; на лице его снова отобразилось раздражение, смешанное с тревогой. Никаких неисправностей в переключателях или в фитоловом интерфейсе киоска, обеспечивавшем работу системы, он не обнаружил. Разумеется, он не понимал до конца, как именно функционирует интермат, к тому же корабль оснастили новым элементом — запасным потоковым модулем взамен испорченного. Поток, создаваемый новым модулем, выглядел совершенно нормально, но не могла ли старая поломка внести какое-то непредсказуемое осложнение? Если так, Дэнгу не суждено будет узнать, какое.

Он не осмеливался высказать эти соображения Рагшоку. Рагшок в гневе был страшен.

Захлопнув откидную крышку, он с видом человека, выполняющего рутинную процедуру, отстучал код флагамена на сенсорной панели и, обреченно вздохнув, нажал кнопку отправления.

Слепящее сияние на миг озарило киоск. Дэнгу моргнул и тут же сообразил, что находится не в том же самом киоске. Указатель на панели перед ним сменился с *Claire de Lune* на *Знаменосец*.

У Дэнгу сердце чуть не выскочило из груди. Интермат заработал — непонятно как, но заработал! Он попал на борт флагамена!

Он осторожно отворил дверь. Он уже свыкся с роскошным интерьером *Claire de Lune*, и, конечно, ему доводилось слышать об экстравагантной роскоши миров Диადемы.

Однако ничто виденное прежде не могло подготовить его к зрелищу, открывшемуся на борту боевого корабля.

Арчеру попался на глаза какой-то рохля, выбравшийся из киоска и принявшийся безумно озираться во круг, но адмирал принял его за обычного члена команды, тайком сбежавшего на бал с вахты. Арчер, однако, обратил внимание, что этот человек даже не в костюме, а в каких-то лохмотьях вместо рубашки и грязных штанах до колен, перехваченных в поясе ремнем. Арчер подумал, что за такое несоблюдение дресс-кода новоприбывшего стоило бы наказать, но потом забыл о нем.

Несмотря на серьезность предстоящих исследований, он позволил экипажам флотилии закатить торжественную пирушку. Темой костюмированного бала стало Возмездие. Подобно большинству участников, Арчер явился в костюме из электрически упрочненной ткани, которая в обычном состоянии казалась бесцветной, тонкой и, просвечивая, ниспадала по бокам, но в ответ на токи, посылаемые небольшим носимым генератором, принимала любые форму, оттенок и текстуру. Люди, мелькавшие в танцзале, казались ростом не менее двенадцати футов, воплощая древних богов войны, величественные корабли и орудия истребления, устрашающие маски и абстрактные агрессивные формы. Животные оделись сходным образом, но так, чтобы

одеяние отвечало их телесным очертаниям, поэтому длинные одежды четвероногих то и дело шуршали по полу, временами попадаясь другим в пасти, а порой вынуждая зверей полусхоту сталкиваться друг с другом, как в стычке.

Наблюдатель, появившись из интермата в мезонине над танцзалом, принял бы бал за устрашающую какофонию звуков и форм под пульсирующими потоками света, поскольку воздух одновременно пронизывало около дюжины различных мелодий. Костюмированные танцоры, впрочем, пользовались звуковыми фильтрами и слушали только то, что было в их музыкальном вкусе.

— Адмирал, вы совсем тронулись! Вы тут спятили, вы больные!

Девичий голосок принадлежал Геспер Позитане, последней из захваченных повстанцев. Арчер обернулся и сперва не узнал ее в черной с серебром форме, но догадался, что это она, по кислому выражению лица.

Геспер не упускала ни единой возможности вступить в перепалку с Арчером, с тех пор как появилась на борту. Ее, в принципе, полагалось бы отослать на тюремный корабль, но она пока оставалась здесь, поскольку ее схватили вместе с тремя другими землянами.

Татуированное для бала лицо Арчера улыбнулось ей через складки тюрбана Индры.

— Но прикольно, согласитесь.

— *Прикольно?! —* Геспер с отвращением уставилась на него. — Адмирал, я бы не стала называть поведение империалистических выблядков *прикольным*, это не то слово. Что вы натворили? Вы празднуете репрессии и беспорядочное насилие? Может, вам это и кажется

прикольным, но я убеждена, что вы творите зло, и точка.

— Уверяю, мы иного мнения о своих действиях.

— Ну и как вы тогда объясните учиненную вами атомную бомбардировку Земли, а? Какой в том был смысл?

Арчер покачал головой, и с нею закачался грозный лик Индры.

— Ничего подобного не происходило.

— Не издевайтесь. Я видела вспышки взрывов, когда мы улетали.

Арчер склонился к ней, чтобы не перекрикивать музыку, и сказал:

— Вы не на тех вину перекладываете. Инсургентов вряд ли можно счесть миролюбцами. Разве возможна безопасность без стабильности, которую несет Империя? Мой долг — поддерживать ее.

— Ха! Империя! — Геспер презрительным жестом обвела сцену. — Вы посмотрите только! Кучка дегенератов и извращенцев! Забавляетесь с животными — скотом и дикими зверьми! Вы жалки!

— Да, я знаю, что на многих мирах возвышенные животные не считаются полноправными членами общества. Но разве такой подход достоин называться цивилизованным? Все млекопитающие принадлежат к одному и тому же классу. Империи нужны услуги их всех.

— В Эскории нам нет нужды полагаться на животных, вы это знаете? А знаете, почему это так, адмирал? Я вам скажу. Потому что у нас полным-полно *настоящих людей*, потому что мы *размножаемся*. У нас много *детей* — помните, кто такие *дети*? Почему бы вам не

испробовать этот способ? Семейная жизнь не так уж плоха.

Геспер помолчала, переводя дух.

— Неудивительно, что вы забыли про секс — поглядеть только на ваших женщин! Почему они такие *уродины*? Зачем они искусственно себя *старят*?

Арчер опять не сдержал улыбки: как гротескно провинциальна Геспер. Она не имела ни малейшего понятия о современных модных течениях женской красоты.

В этот момент одна из девушек с лицами старух, вызвавшими такое омерзение Геспер, повернулась к адмиралу и позвала его из пульсирующих складок проблескового костюма:

— Адмирал! Потанцуем?

Удаляясь в гущу толпы, Арчер поймал на лице Геспер мимолетную зависть, смешанную с удивлением.

Недалеко от них Груверт, выключив костюм и позволив его складкам небрежными лохмотьями опасть по жирным бокам щетинистой туши, с неподдельным интересом пытался разговаривать химеру Паута.

— И как же вы приобретаете такое влияние на своих последователей? — спрашивал он.

Вместо ответа Паут лишь идиотски ухмылялся, многозначительно возводя глазищи к потолку.

Груверт разочарованно засопел. Он понимал, что эта примат-амальгама не так глупа, как похоже по ее действиям. Не может химера оказаться глупа, располагая таким количеством приверженцев, многие из которых явно умнее самого Паута.

Он напомнил себе, что обезьяны часто бывают изворотливы. Не исключая и безволосой разновидности оных.

В коридоре, в нескольких ярдах от Груверта с Паутом, Хако Икэмацу сидел в позе отдыха, скрестив ноги — насколько вообще можно было применить к косё понятие отдыха. Спина его оставалась прямой, руки распростерлись в предписанное каноном положение, но сознание косё не замерло. Он лишь отключил активные мысли, увеличив собственную восприимчивость к чужим психическим эманациям.

Так ему проще было следить за обезьяночеловеческой химерой. Ментальный рисунок Паута различался четко: коварство и жестокость, стремление к мерзкому насилию; но Икэмацу понимал, что это всего лишь искаженное отражение свойственной всем млекопитающим любви к жизни, в данном случае обращенной, увы, только во зло.

Рядом с химерой ощущалась другая личность: непреклонная, по-кабаны прущая напролом, внушительная, порывистая, нетерпимая и грубая.

Имперская.

В дальнем конце коридора распахнулась дверь, из танцзала донеслись обрывки музыки, но тут же какофония стихла опять. Это появились Синбиан с новым приятелем, темноглазым мальчиком примерно его лет; темные волосы мальчишки были стянуты в узел на затылке.

— Приветствую, дядя. Это Трикса. Он артиллерист. Он управляет большими пушками. Я рассказал ему, что на Земле вы считаетесь великим воителем.

Икэмацу поднялся и улыбнулся мальчишке сверху вниз.

— Значит, ты сражался в том самом бою, победу в котором они сейчас отмечают?

— Да, — важно ответил Трикса. — Я координировал восемь орудий флагмана. Помог вывести из строя четыре корабля врага. — Он помолчал. — Вы многих людей убили, почтеннейший?

Икэмацу продолжал улыбаться.

— О нет, я не убил никого из *людей*, юный пушкарь.

— *Истинный воин никогда не убивает своею рукой*, — процитировал Синбиан озадаченному мальчику, — *убивает неотвратимая судьба павшего*.

— Судьба? — эхом откликнулся Трикса. — Нет никакой судьбы!

Дэнгу весь в поту ворвался в ресторан на борту *Claire de Lune* и застал там Рагшока. Пират говорил с Морганом и сальпианским техником, Дрю.

— Интермат, — выдохнул Дэнгу. — Он заработал!

Глаза Рагшока вспыхнули, он облизал губы.

Сальпианец как раз что-то жадно ел, но тут же оттолкнул тарелку.

— Вот оно что! Я должен был догадаться!

Дэнгу уставился на него.

— Я как раз собирался высказать шефу свое предположение, — объяснил инженер. — Когда флотилия переходит в филоловое построение, все пузыри сливаются. Вот почему имперские эскадры быстрее наших кораблей. Чтобы интермат заработал, нужно находиться внутри большого пузыря.

— У имперцев немало козырей припрятано в рукаве,
— признал Морган.

— Ну так покажем им, что в рукаве у нас, — Рагшок подался к Дэнгу. — Ты уверен, что эта хрень работает? Ты пробовал?

— Да. Я перемещался на флагман и обратно. Я там полчаса провел.

Дэнгу не стал уточнять, что с охотой задержался бы и дольше: воздух корабля начал на него действовать. Но его заставляли нервничать взгляды окружающих. К тому же он хотел убедиться, что интермат сработает и в обратном направлении.

— Флагман? Ничего себе, — пробормотал Рагшок. — И что ты там увидел?

— Странные там дела. У них какая-то вечеринка. Танцы победы. И это боевой корабль? Я словно по Джандже сплавился.

Он имел в виду крупную реку, популярный маршрут лодочных круизов.

— Празднество? Отличное время для атаки! В любом случае, нам стоит поспешить, пока фитоловая формация не рассыпалась. Там много вооруженной охраны?

— Я не видел оружия ни у кого. Захватить их будет куда легче, чем, к примеру, пассажирский лайнер.

— Ну ладно. Через час с небольшим будем готовы. Выбери себе бойцов и постарайся определить самые крупные корабли, если сможешь выделить. Убедись, что перемещение произойдет одновременно на все суда.

Рагшок задумчиво смотрел на ресторан с балкона
ложи для почетных гостей, которую отвел себе. Разли-
вочный автомат работал, и теперь все наемники стека-
лись в ресторан за напитками и закусками. Тут было
тесно и шумно, как, впрочем, и на корабле в целом.
Рагшок заметил, что уже вспыхнули по крайней мере
три перепалки.

— У нас получится, — мечтательно протянул он. —
Мы захватим Имперский Флот, одну из эскадр самой
Звездной Армады, величайшего инструмента власти в
Галактике.

— А потом выскоблим Диадему, — закончил за него
Морган.

— Так точно. Это станет самым баснословным актом
мародерства в истории. Все равно что беззащитную
сочную цыпочку оттрахать — Диадема беззащитна. У
них только имперские флотилии, а они все в Империи.

— Но их скоро отзовут, — указал Дрю.

— Слишком поздно. Инициатива у нас: мы им по-
шлем предупреждение — только дернетесь, и мы-де
начнем взрывать планеты.

— А если они ответят тем же в секторе Эскории? —
встревожился Дэнгу.

Голос Рагшока сорвался на звериный рык.

— Ну и хрен с ней! Какое нам дело? Империя разва-
ливается, а Диадема — самое ценное, что можно ухва-
тить!

Он поднялся и ткнул в Дэнгу пальцем.

— Вы с Морганом ступайте определяйте корабли. Я
назначу штурмовых лидеров и организую отряды.

И тут произошло что-то странное, быстротечное. В воздухе перед Рагшоком словно бы распростерлась паутина тонких серебристых нитей, прямых, как солнечные лучи, воссияла из одного конца ресторана в другой. Казалось, какой-то паук ткёт линейную сетку паутины слишком быстро, чтобы глаз успевал заметить его движения. Но спустя пару секунд наваждение сгнуло.

— А *это* ещё что было, во имя Симплекса? — ошеломился он.

В танцзале *Знаменосца* Арчер тоже заметил аналогичные нити, но мерцающие от пола до потолка, и сперва принял их за визуальный спецэффект в преддверии чего-нибудь экстравагантненького. Потом ему доложили о странностях.

Он вызвал Аренаса и отправился на мостик. По пути туда нити проявились снова. На сей раз они начинались в дальнем конце коридора и продвигались по нему с умеренной скоростью, напомнив Арчеру визуализацию решетки металлических кристаллов. Но, не достигая его, исчезли.

На мостике Арчер обнаружил седовласого Мэн-ши и нескольких корабельных техников, включая старшего, у которого ранее интересовался причинами странного поведения Луны. Мэн-ши о чем-то горячо спорил с дежурным, молодым тигром.

Арчер вдруг пожалел, что среди техников почти нет людей, и пристыдил себя за такой шовинизм. Однако животные не лучшим образом проявляли себя при столкновении с неизведанным.

— Эти линии появляются словно бы из воздуха, — сообщил ему Мэн-ши. — Аналогичные донесения поступают со всей флотилии. Мы полагаем, что такое же явление наблюдается в обширной области пространства. Наверное, это очередной симптом разрыва.

— Аппаратура зафиксировала крайне непродолжительный сбой двигателей, — доложил старший механик, самец гориллы. — Он мог иметь серьезные последствия, но пока новых неисправностей не зафиксировано.

— Мы же еще не в зоне поражения, — заметил Арчер.

— Наверное, эффект ширится.

— Есть ли вблизи какие-нибудь звезды?

— Да, командующий, — хрипло откликнулся дежурный. — Мы как раз пролетаем мимо системы, в которой имеется обитаемая планета. До нее три световых дня.

— Лучше заглянуть туда. Не исключено, что там мы почерпнем некоторую информацию. Сбрасывайте скорость и ложитесь на новый курс.

Тигр повиновался и стал негромко отдавать команды, и тут паутинные линии возникли снова. Арчер заметил, что они появляются будто бы из переборок. У него осталось впечатление невероятной, колоссальной длины этих линий — возможно, они протянулись на световые годы.

И тут же исчезли.

— Что скажете? — спросил Арчер у Мэн-ши. Помолчал и добавил: — Могут ли эти эффекты иметь какое-то отношение к линиям отталкивания?

— Нет во Вселенной способа сделать линии отталкивания видимыми, — возразил Мэн-ши, — но подумайте вот о чем. Вы знакомы с работой Карсома, где он размышляет о потенциально существующих других гранях? Разумеется, это чисто умозрительно, однако суть в том, что на тех гранях может не оказаться ничего аналогичного нашему трехмерному пространству с его метельчатым распределением вещества. Уплотнение, коллапс Симплекса, на тех гранях принимает иные формы, практически непостижимые для нашего интеллекта. Карсом, в частности, предсказывает, что должны существовать и такие грани, где линии отталкивания, а не частицы, становятся элементарными материальными объектами, а исходные частицы играют теперь роль поверхностей раздела или крайних точек. Фундаментальной единицей на таких гранях будет не точечная частица, а растяжимая линия, лишенная предела длины. Такие инфинитезимальны способны будут стягиваться воедино, образуя эквиваленты высших структур — атомов, молекул и так далее. Но всегда оставаясь параллельными. Нити, которые мы наблюдаем, неплохо соответствуют этой модели. Не исключено, что они даже живые.

— Линейное вещество, — пробормотал Арчер изумленно. Вокруг столпились, напряженно слушая и пытаясь осознать концепцию, животные экипажа. — Но как способно такое вещество существовать в нашем пространстве?

— Вероятно, способно, раз уж оно тут оказалось. А может, наши пространства переплетаются.

— Но если они разумны, то *какими* они нас воспринимают?

— О, это хороший вопрос. — Мэн-ши явно нашел его интригующим. Отвернулся на миг глянуть проступившую в воздухе проекцию неустанно обновляющихся навигационных данных и продолжил: — Им недостает нашего восприятия индивидуальности, существования в определенном месте — они вряд ли вообще понимают, что такое *место* в нашей трактовке. Их аналог элементарной частицы может протягиваться через все их пространство-время, и для более сложных структур, полагаю, ситуация идентична. Для них само бытие неразрывно связано с линейной протяженностью. Вероятно, они пока не обнаружили в нашем варианте реальности ничего, что способны были бы отождествить с веществом в своем понимании.

Арчер досадливо вздохнул.

— О, если бы Диадема прислала нам ученых! Нам не хватает специализации!

— Вы не пробовали поискать среди пассажиров? — предложил Мэн-ши.

Пассажирами на Звездном флоте называли неминуемо застревающих на том или ином корабле случайных зевак.

— Я пытался, но вы же знаете, какие они пофигисты.

— Вероятно, вам стоило разъяснить им напрямую, как серьезна угроза.

Арчер покачал головой.

— Это государственная тайна.

Их прервал резкий шум снаружи. Тихо зарывав, дежурный тигр метнулся к двери, а ему навстречу ворва-

лась группа, которую Арчер сперва принял за наклюкавшихся участников праздника: они все были в костюмах, а над головами человеческих существ реяли воинственные образы. Но незваные гости явно пребывали в ужасе. Ладная, гибкая девушка, старое лицо которой осеняла извивающаяся злобная многорукая Кали, подбежала к Арчеру, и жалкая паника в ее чертах странным образом контрастировала с угрожающим маскарадным нарядом.

— Адмирал! — завизжала она. — Они через интерматы прорвались! Они убивают всех!

Арчер попытался вырваться из двойных объятий девушки и ее костюма.

— Кто?

— Мятажники! Пираты! Не знаю, кто!

Страхнув серебристо-серое одеяние, отдаленно сходное с фитоловым пузырем, к Арчеру подбежала импала и стала нервно дергать его лапой за руку.

— Адмирал, это варвары, дикари! Вы знаете, что на них? *Шкуры животных!* Вы меня слышите? *Шкуры животных!*

Голос импалы срывался.

— Вызовите секцию коммандос, — приказал Арчер вахтенному. — Если там кто-нибудь есть, прикажите им вооружиться. Когда закончите, проверьте по остальному флоту. Я пойду гляну, что происходит.

Он выбежал с мостика и помчался по широкому коридору в сторону танцзала. Но вскоре остановился как вкопанный, и кровь у него в жилах заледенела. Навстречу ему по коридору неслась из салона охваченная

паникой толпа — колыхался в движении шумный лес орущих многоцветных образов.

Пытаясь собраться с мыслями, он прижался к переборке, а толпа поперла мимо. Как могло случиться подобное? *Через интерматы*, сказала девушка. Киоски танцзала — лишь одна из точек переноса, по кораблю их еще несколько раскидано. Но как повстанцы добрались до интерматов?

И тут он вспомнил про *Claire de Lune*.

Рагшок восторженным ревом огласил окрестности мезонина. Он был в лохматой медвежьей шкуре, и голова мертвого зверя служила ему шлемом, в обеих руках — по винтовке; под музыкальную какофонию в зале внизу сладостно мелькали беззвучные вспышки сканирующих выстрелов.

Невероятно. Звездная Армада, ужас Галактики, стальная рука устрашающей Империи, и вот ее истинное обличье: разношерстная толпа старух (хотя и весьма изящного сложения, отметил он), животных и детей, и ни у кого не хватило смелости что-нибудь предпринять, только улепетывают, испуганно вопя.

С командос придется сложнее, спору нет, но бойцов не может быть много, да и сосредоточены они лишь на нескольких судах. Он десантировал двести мужчин и женщин на один только *Знаменосец*, а на главные, по прикидкам атакующих, корабли флотилии отрядил не меньшие силы. Обычно для успешного абордажа хватало нескольких дюжин.

В мезонин вскарабкался Морган в кожаной кольчуге и штанах из тигровой кожи, с пирата градом лил пот;

люди Рагшока обычно и сами облачались в одеяния из звериных шкур и кож, выражая боевую ярость, но в данном случае Рагшок специально им это приказал, предвидев, что это внесет растерянность и вселит ужас в имперских животных, числом намного превосходивших человеческий контингент эскадры. Когда все закончится, шкур для выделки ощутимо *прибавится*.

— Легкая прогулка, — хмыкнул Морган.

— Пока так и есть, — согласился Рагшок.

Икэмацу мгновенно почувствовал смену психической обстановки. Отстранившись от комнаты, где болтали Паут с Грувертом, он проанализировал происходящее, погружаясь в окружающую мыслительную атмосферу.

Корабль был окутан леденящим кровь ужасом, а близ танцзала эта эмоция делалась ощутима почти физически, как плотный комок.

Он быстро указал мальчишкам вниз по коридору.

— Что-то там нехорошее. Бегите и прячьтесь.

Трикса озадаченно посмотрел на него. Синбиан, привыкший повиноваться дяде беспрекословно, потянул приятеля за рукав, умоляя бежать.

Косё оказался один на один с угрозой безоружный... да уж, положение и впрямь затруднительное, бесстрастно подумал Икэмацу; и напомнил себе, что попадает в такую ситуацию второй раз подряд по одной и той же причине.

Что ж, придется пока затаиться и выждать шанса обрести новое оружие. Груверт, вероятно, должен знать, где на корабле арсенал. Можно попытаться убедить хряка...

Он развернулся к двери, и та немедленно открылась. Наружу, моргая, вывалился Паут. Икэмацу скользнул по нему взглядом, потом перевел на двух убегающих по коридору мальчишек, а потом — в дальний конец.

Некоторое время назад он уже наблюдал в воздухе едва заметные нити. Он принял их за галлюцинацию, побочный эффект собственной психической сосредоточенности на уловлении чужих мыслей. Но теперь, когда нити стали приближаться с другого конца коридора, он увидел, что они вполне реальны и напоминают горизонтальную блестящую стальную решетку. Сперва они двигались медленно, остриями вперед, и вперед вырывались то одни, то другие, но затем ускорила вся структура. Двоих беглецов мгновенно заключило в нее, и они тут же исчезли. Затем нити коснулись Паута, и обезьяночеловек тоже пропал.

Путья пронзили Икэмацу. Он ничего не ощутил, но вокруг пала тьма, и он понял, что исчез сам.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Электрическое взаимодействие отличается от остальных тем, что проявляется в двух формах, которые в обиходе известны как положительные и отрицательные заряды. Частицы, несущие одинаковый электрический заряд, отталкиваются, частицы с противоположными зарядами притягиваются.

Фактически в природе имеется только одна фундаментальная симметрия, а именно симметрия левого и правого. Зарядовая симметрия с нею связана и проистекает из того, что вокруг любой оси возможны два направления спина.

Электрический заряд возникает, когда частицам, расположенным в сфере Хаббла, создаются помехи в удалении друг от друга с естественной скоростью. Это создает напряжение в линиях отталкивания между ними. Так называемое *заторможенное отталкивание* проявляется в угловой составляющей поля, а совокупное угловое действие всех линий отталкивания называется *псевдоспином*. В определенном смысле линии отталкивания подобны силовым линиям квазивещественных свойств. Можно даже рассматривать их как *накручивающиеся* вокруг частиц, хотя это на самом деле не так.

Возникший таким образом заряд сцепляется с существовавшими прежде частицами, но про-

странство натяжения способно также порождать собственные объекты, состоящие из чистых электрических зарядов, электроны и позитроны.

Псевдоспин отличается от спина, характеристики материального тела. В системе отсчета, связанной с заряженной частицей, будет казаться, что вся сфера Хаббла вращается вокруг нее, не только по одной оси, но и по всем остальным одновременно. Другая странная особенность псевдоспина, отличающая его от спина, в том, что псевдоспин является абсолютной характеристикой, не зависящей от наблюдателя. Если вещественный диск наблюдают во вращении, то с одной стороны будет казаться, что он крутится по часовой стрелке, а с другой — что против. Псевдоспин же обладает не зависящим от направления наблюдений значением. Отрицательные заряды всегда имеют псевдоспин по часовой стрелке, а положительные — против.

Давайте подумаем, что это значит. Каждый раз при взаимодействии заряженных частиц они, образно говоря, выбирают направление спина друг друга. Возьмем случай двух электронов. Электроны смотрят друг на друга и наблюдают псевдоспины по часовой стрелке. Однако с объективной позиции, в системе отсчета, связанной с наблюдателем, спины их кажутся противоположными друг другу. Сходным образом электрон выбирает псевдоспин против часовой стрелки для протона, а протон —

псевдоспин по часовой стрелке для электрона. С объективной позиции их спины кажутся одинаковыми, хотя в действительности противоположны. Таким образом, правило электрического взаимодействия — противоположности отталкиваются, идентичности притягиваются — обратно кажущемуся.

Поняв принцип псевдоспина, легко увидеть, как возникает магнетизм. Вы уже наблюдали, как наклон вращающегося гироскопа порождает гироскопическое действие — приложенная сила поворачивается на прямой угол. Каждая заряженная частица, образно говоря, сочленена с псевдоспиновым гироскопом размерами со сферу Хаббла. Перемещение частицы — аналогично наклону гироскопа...

Из учебника физики для школьников *Как устроен мир*

Все казалось мирным и неизменным на просторах Аркогорода. Небесные бульвары в облаках, как обычно, ослепительно сверкали. Левитирующие балкончики, служившие здесь транспортной системой, возносились и опускались с обычной размеренной небрежностью. И воздух, как всегда, аж звенел от миллиардов крошечных пузырьков со смесью психотропов и чистого кислорода.

Но грандиозная и спокойная архитектура была пронизана духом неуверенности и отчаяния. Имперский советник Кутрубис сидел у себя в кабинете, уронив голову на руки. Кабинет располагался на высоте мили в одном из сияющих шпилей и был открыт ветрам; через

широкие окна теплым бризом задувало пузырьки веселящего газа, однако настроение Кутрубиса не улучшалось.

Что ответить меторианцам?

Тем не терпелось улететь, они задержались только для получения обещанных советником данных. Но Кутрубис не смог ни выйти на связь с командой ученых, которая должна была работать над проблемой пространственного провала, ни даже убедиться, что таковая существовала!

Он был в отчаянии. Вести о беспорядках стекались со всех концов Диадемы; доносили даже о сражениях между биотистами и лоялистами, хотя Кутрубис сомневался, что насилие обрело такой размах. Впрочем, он считал удачей, что призвать на помощь два Флота не удалось: представить только стычку одной эскадры, лоялистов с другой, контролируемой биотистами...

Он удивленно вскинул голову, заслышав шум от дверей. В коридоре простучали шаги. Затем в кабинет ввалился крупный, энергичный вебрь, остановился и стал яростно озиаться. За вебрем следовали еще несколько животных и человек, высокий бледный юноша в красном плаще.

Вебрьем оказался Жейкасс, замсекретаря департамента внутренних дел, фактически — администратор по делам Диадемы. Юношей был Хескиос, член Совета низшего ранга, но, насколько мог припомнить Кутрубис, без каких-либо функций в департаменте внутренних дел. Кутрубис озадачился. Двух зверей за Жейкассом он тоже узнал: они были высокопоставленными чиновниками.

Он безучастно обратился к младшему советнику:

— Тебе чего, Хескиос?

Юноша чуть покраснел, но взгляда не отвел.

Жейкасс яростно хрюкнул:

— Советник, вы арестованы!

Кутрубис ошеломленно привстал и, запинаясь, снова заговорил с Хескиосом.

— Ты что, серьезно с ними стакнулся?

— Так получилось, что я им верю, советник, — промямлил Хескиос.

— А *ты*, Жейкасс? — Кутрубис обернулся к веprü.

— Я и не думал, что *ты* всеземельник-биотист.

Веprü и без того был крупного сложения, а сейчас его буквально раздуло от ярости. Он зыркнул на советника пылающими глазками.

— Не смей называть *меня* биотистом, урод! — рявкнул он.

Арчер в смятении и тоске брел по кораблю через пустые конкорсы, разрушенные салоны, широкие коридоры, где гуляло эхо, и поминутно спотыкался, хотя трупы уже в основном убрали. Везде царило опустошение. Казалось, что флагман, как и весь Флот, летит сам по себе, обезлюдев.

На самом деле большую часть команды загнали по каютам. Оргию разрушения прекратил сам Рагшок, заметив, что две фракции рейдеров — бывшие мятежники, у которых сохранились еще моральные препоны, и пираты, которых ничто не сдерживало, — сцепились друг с другом. Это позволило спасти многих, хотя жи-

вотных продолжали истреблять: большинство эскорианцев не считали их равными людям.

Кошмарное бессилие экипажа ошеломяло. Пираты застигли всех врасплох и без оружия, даже командос. Однако некоторое сопротивление оказать удалось: многие враги пали от клыков и когтей, хотя в итоге нападавшие отплатили за своих сторицей.

Арчер достиг вершины плавного спуска, внизу которого раньше располагалось кафе на открытом воздухе, залитое солнечным светом с голубого неба. У него подкосились ноги. Солнечная лампа была разбита, голографическое небо пропало. Столики валялись перевернутые, в темных пятнах засохшей крови.

Тут из кафе показались две фигуры и стали подниматься по пандусу. Это были бойцы Рагшока, напялившие снятые с убитых офицеров фуражки. Мускулистые, в накидках из звериных шкур. Оба пирата были в пятнистых узких штанах — вероятно, из львиной кожи, а на чреслах у них небрежно, словно фаллоимитаторы, болтались боевые сканеры.

Они уже явно приложились к запасам кафе, поскольку походка у них была неуверенная.

— О, это ж адмирал! — воскликнул один. — Превед, адмирал.

Второй схватил Арчера за руку, развернул и занес кулак для удара в лицо.

— Какого хрена ты еще жив, адмирал?

— Оставьте его в покое!

Повелительный женский голос заставил пирата дернуться от неожиданности и обернуться. С другого конца

кафетерия прибежала Геспер Позитана, поднялась по пандусу и жестом отогнала мужчин.

— А ну проваливайте, не то Рагшок узнает. Накурились тут совсем.

Вид ее черной с серебром формы произвел на пиратов некоторый эффект. Один глуповато ослабился.

— Ладно, сестренка, сама ему резинку натянешь.

Арчер не понял реплики и позволил девушке отвести себя вниз. Нападавшие поплелись прочь.

— Ты бы лучше из своих кают не высовывался, — посоветовала ему Геспер. — Эти двое бы тебя убили, не случись тут меня.

— Это мой флот, — заупрямился Арчер. — Мой корабль.

Он вздохнул.

— Они убили моего адъютанта, — сказал он безучастно. — Он был такой славный.

— Мне жаль.

— Чего тебе жаль? — мрачно спросил Арчер. — Ты же победила. Вы победили. Вы этого и хотели.

— Тебе придется мне поверить, когда я скажу, что не хотела всего этого. Мы только и стремились, что сбросить вас, имперцев, с нашей шеи. Мы не могли отдать вам в Диадему лучших своих мужчин и женщин. По крайней мере, не под угрозой вашего Флота, который в небе висел и угрожал стереть нас с лица планеты.

— Похоже, вы своего добились. Но по ходу дела эти вот варвары выпотрошат Диадему. Это мерзко.

Она резко взглянула на него.

— Хочешь сказать, что вы не в состоянии защитить себя?

Он помотал головой.

— Диадема совершенно беззащитна. Прилетай и забирай.

— Но как же другие флотилии?

— Они все в Империи. Им приказали держаться от Диадемы подальше. Там... политический кризис.

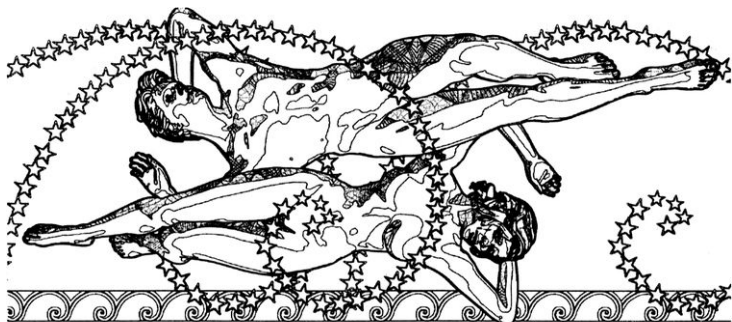
Девушка помолчала.

— Послушай, — сказала она наконец, — честное слово, я с ними не заодно. Рагшок и его ребята просто мерзавцы. Падальщики... ирония судьбы в том, что это ваши флотилии мешали нам разобраться с пиратами, очистить от них межзвездные маршруты собственными полицейскими силами. И хотя у меня такая же униформа, как у них, я не чувствую себя с ними заодно. Они мерзавцы, прибившиеся к повстанцам. Мусор, а не люди. — Она резко остановилась. — Да они тут *детей* насиловали, я сама видела.

Арчер невольно усмехнулся.

— Я сомневаюсь, что это было изнасилование, — заметил он.

Ясное дело, захватчики, в основном мужчины, надеялись позабавиться с женщинами на борту флагмана. Поначалу их ждало разочарование. Почти все человеческие девушки на флагмане носили старческие лица, и эскорианцы происходили из недостаточно утонченного общества, чтобы найти эту моду привлекательной. Когда же резня улеглась, труппа приаписток пиратов вполне удовлетворила.

— Я знаю, что я видела, — настаивала Геспер. — Вы, наверное, не понимаете. Вы в Диадеме как дети в некоторых аспектах, блин. Секс вас наверняка не слишком занимает?

— Ну, я бы не сказал...

Она не слушала его, задумавшись.

— Но есть ли способ перехватить управление? В смысле, я бы не хотела, чтобы Флот опять угодил в руки к вам, имперцам; лучше бы им завладели *ответственные* люди, эскорианцы. Располагая Десятым Флотом, мы отстоим независимость Эскории, но не станем опустошать Диадему, как эти. — Она продолжала размышлять. — А что случилось с теми пленниками?

— Они все еще на тюремном корабле. Рагшок их не выпустил... в этом он дальновиднее тебя.

— Ну и? Как *нам* их освободить?

Арчер осознал, что эскорианская девушка ему нравится. Крутой у нее нрав. Но покачал головой.

— Никак. Интерматы под охраной. Единственный способ — захватить челнок, но не думаю, что Рагшок

позволил бы мне тут шлаться без охраны, не уверившись, что такое невозможно.

Арчера все время с момента захвата эскадры держали на мостике. Рагшок потребовал объяснить, как формируется фитоловый пузырь и как построить индивидуальныe корабли в формацию. Арчер отказался, хотя и боялся, что его убьют, но это не дало результата. Управлять флотилией было несложно, и люди Рагшока вскоре прочухали, как. Десятый Флот на полной скорости возвращался к Диадеме.

Он увлек Геспер в узкий коридор сразу за кафетерием.

— Вероятно, ты находишься под влиянием определенных предрассудков о нашем отношении к сексуальности, — сказал он. — Я хотел бы рассеять твои сомнения. Многие обитатели Диадемы, сходным образом, полагают, что провинциалы не отличают секса от размножения, мнят вас эротически невежественными. Думаю, что и это неверно.

В коридор выходили арочные двери. Одна открылась, когда Арчер проходил мимо. Изнутри исходил лишь рассеянный неяркий свет, пока Арчер не закрыл дверь и не коснулся переключателя.

И тут же комната обрела границы. Их окружили... они сами: их собственные изображения глядели на них под всеми возможными углами, увеличенные во всех возможных пропорциях.

Он улыбнулся девушке и коснулся второго переключателя, наполнив комнату афродизиаком.

— Здесь наша личная вселенная, состоящая только из нас одних.

Быстро снял одежду, швырнул в угол и направился к ложу в форме раковины, отражавшему все вокруг точно так же, как стены, пол и потолок, а оттого практически невидимому. Отражения перемещались вместе с ним, оттенки плоти накладывались друг на друга, полностью отвлекая внимание Геспер.

— Но это же изврат какой-то, — мечтательно произнесла девушка. Газ ее пронял: Геспер начинала улыбаться. Пытаясь углядеть реального Арчера в потоке отражений, она расстегнула униформу и высвободилась из нее.

— Я хотел бы отблагодарить тебя, — сказал Арчер, — за спасение моей жизни.

Бесконечная фреска переплетающихся органов и конечностей окружила их, и они слились в объятиях.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Естественным цветом небосвода на этой планете был голубой, такой бледный, что казался почти белым. Солнце — крупное, алюминиевого оттенка, призрачно сверкало с небес, подрагивая, переливаясь и посылая умеренное тепло.

Хако Икэмацу небесами и солнцем не интересовался, но часто смотрел вверх. Процессы, протекавшие в небесах и воздухе, а временами и на уровне почвы, действительно заслуживали внимания.

Конечно, принципиальных отличий от происходившего на борту ИСК *Знаменосец* не имелось, но тут было легче наблюдать размах действий. Казалось, что планету опутала какая-то линейная паутина, время от времени задуваемая в атмосферу космическим ветром. Длинные блестящие нити, всегда идеально прямые, всегда параллельные. Он, разумеется, уже догадался о природе этих нитей после того, как его в мгновение ока переместили из коридора флагманского корабля на поверхность этой планеты.

Он удивлялся собственной целостности и подозревал, что, случись нитям снова коснуться его, целостность эту утратит. Безоружный косё разыскивал племянника уже несколько дней; он шел мимо людских и животных останков, рассеченных предметов и зданий. В каждом случае эти объекты были демонтированы или разъяты, не грубо, как на бойне или при сносе, а с не-

вероятной аккуратностью. Органические останки источали на удивление мало крови. Линии раздела проходили вдоль естественных границ: мембран, сухожилий, системных функций. Болтались нервы, порою вытянутые из плотской оболочки на несколько футов, иногда же — с присоединенными к ним рецепторными органами. Оставалось тайной, каким образом сумели проделать столь аккуратное вскрытие существа, которые даже живыми не казались и не располагали доступными восприятию инструментами.

Вивисекторы явно не отличали неорганическую материю от органической. Кроме расчлененных организмов и органов, Икэмацу наблюдал много фрагментов машин, аккуратно разложенных словно бы для сборки, и целые здания, сложившиеся подобно карточным домикам. Даже участки ландшафта были выворочены и перераспределены, образуя странные сочетания почвы, растительности и бетона.

Нетрудно было понять, чем причинены эти увечия. Икэмацу замер и снова вгляделся пытливыми карими глазами в бесконечно удлинявшиеся линии, подобные прутьям и тросам из стального света — те опять снижались. Кластер линий пропахал ландшафт посередине горизонта и стал смещаться в его сторону.

Икэмацу напрягся, что было ему весьма несвойственно. Однако линии исчезли так же стремительно, как возникли.

Он двинулся дальше. Область эта производила впечатление редконаселенной, и он пока не обнаружил ни одной живой души. Но не собирался отдыхать, не выяснив, что случилось с Синбианом, хотя не было ника-

кой гарантии, что мальчик материализовался поблизости — или рематериализовался вообще.

Через синеватые луга с запада на восток планеты бежала дорога. В миле к западу он увидел одинокий дом — первое неповрежденное здание за много времени.

Он достиг постройки спустя полчаса, приближаясь медленно и осторожно, однако это оказался обычный коттеджик. В аккуратном прежде садике среди цветов и карликовых деревьев валялась перевернутая мебель.

Икэмацу не нашел панели вызова и просто постучал в дверь. Когда ответа не последовало, он попытался отодвинуть дверную панель, но та не поддавалась. Он толкнул ее, и дверь провернулась на шарнирах.

Он вошел в пустую комнату, залитую светом из единственного широкого окна. Косё остановился и подавил все эмоции, оценивая природу помещения.

На противоположной стене висел голубой, явно человеческий, глаз и смотрел на него. На стене справа виднелись два карих, столь же человеческих, но разделенных приблизительно десятью футами, один у потолка, другой, расположенный вертикально, в углу у пола.

Икэмацу отыскал второй голубой глаз у дверного наличника.

Но отыскал и много больше. По стенам, потолку и полу были распределены человеческие останки. Подобно бледным фруктам, висели уши, пятки, пальцы и гениталии молодого мужчины. Там и сям поверхности набухли очертаниями сердца, печени или тазовой кости.

И повсюду, на стенах, полу и потолке, подобно декоративным узорам, вились миниатюрными трубками артерии и вены. Икэмацу приблизился, вглядываясь в блестящие поверхности. Он увидел бледную сетку, раскинутую по стене, как усики дикого винограда.

Нервы.

Вдруг из ниоткуда прозвучал сдавленный шепот:

— Дядя! Это я, Синбиан! Я жив!

— Синбиан!

— Да, дядя, я тут. И Трикса тоже.

— Ты меня видишь?

— Да.

Икэмацу встал в центре комнаты и уставился прямо в голубой глаз, парадоксальным образом чувствуя на себе двойной взгляд Синбиана, спереди и сзади.

— Расскажи мне, как ты себе представляешь текущее положение, — велел он.

— Я знаю, что случилось, дядя, — сказал голос. — Наши тела разметало по стенам этого домика. Странное ощущение. Я обернут вокруг тебя. Каждым глазом я смотрю себе в другой.

— Тебе больно?

— Нет. Я даже голода не чувствую.

— А каково твое ментальное состояние?

— Со мной все в порядке, дядя. Я сохраняю присутствие духа. Но моему другу потребуется значительная психологическая помощь, как только мы отсюда выберемся. Он в полном шоке.

— Это потому, что он не проходил психических тренировок.

Икэмацу осторожно подошел к окну и выглянул. Чужацких прутьев он в небе не заметил.

Он поразмыслил. Было очевидно, что пришельцы с другой грани Симплекса не ограничиваются простым анализом; они пытаются манипулировать миром более настойчиво. Им удалось вскрыть тела мальчиков, сохранив при этом целостность всех соматических систем, а в особенности нервной и сосудистой систем. Это примечательное достижение многое говорило об их способе восприятия мира.

— Дядя, — окликнул его Синбиан, — а нас *можно* восстановить?

— Да, — ответил Икэмацу. — Хирургам Имперского Флота это под силу. Но ответ зависит от того, сумеют ли имперцы отвоевать эту планету. В момент, когда чужаки нас выдернули, флагман подвергся атаке, его брали на бордаж. Если нападавшие захватили флотилию, она, возможно, уже переместилась за пределы зоны вторжения.

Синбиан промолчал.

— Я не стану тебе лгать, — продолжал Икэмацу. — Однако постарайся рассматривать этот случай как редкую возможность испытать себя в предельной гибкости ума; упражнение это, несомненно, сослужит тебе пользу, когда ты приступишь к тренировкам косё.

— Я и не представлял себе, дядя, что подобное возможно.

— Надеюсь, племянник, ты не думаешь, что мир ограничен возможностями твоего воображения.

Икэмацу снова помолчал, продолжая размышлять.

— Ты можешь мне что-нибудь сообщить о существах, которые это совершили, или о том, как именно они это проделали? — спросил он Синбиана.

— Это произошло стремительно, дядя. В мгновение ока. Но, кажется, я уловил их ментальность. Они в смятении. Они не понимают нашего мира, но пытаются. Поэтому и поступают так. Они не понимают, что наносят ущерб живым существам.

— У них нет представления о дискретных объектах, — согласился Икэмацу. — Это очевидно из их собственного облика. — Фактически, подумал он, такие действия были бы вовсе невозможны в нормальном пространстве. Захватчики принесли с собой родное пространство, являвшееся теперь в форме протяженных линий или нитей.

— А ты видел это животное, Паута? — спросил Синбиан.

— Нет, — ответил Икэмацу, тут же заинтересовавшись. — А почему ты спрашиваешь?

— Он тоже здесь. Он не может быть далеко.

— С ним поступили аналогично?

— Не знаю. Но не думаю, что он в доме.

— Я отправляюсь на поиски химеры, — сказал ему Икэмацу. — Вернусь, как только смогу. Тем временем не посрами моих уроков, не теряй присутствия духа.

Синбиан не ответил, и Икэмацу устремился прочь из комнаты.

Паута обнаружить оказалось несложно. Существо было в нескольких ярдах вниз по дороге, частично скрытое зарослями растений с шероховатым длинным стеблем.

В общем-то Паут стал частью одного из растений, и наоборот. Обезьяночеловека зажало на корточках; стебли выныривали из его ягодиц, сливались с руками, ногами и туловищем, прорастали сквозь локти, колени, брюшину и гортань. Крупный цветок с желтыми лепестками обрамлял лицо.

Лицо. Лицо и привлекло внимание Икэмацу; химера ёрзала в немом тупом отчаянии, взирала на него крупными жалобными глазами. Ибо в этом лице, как в бланманже, заключена была дзен-пушка. Пушка стала его лицом, по крайней мере частично. Приклад торчал на месте носа, дергался и помахивал в сторону Икэмацу, придавая лицу очертания мотыги. Ствол сливался с широкими отвислыми губами Паута и исчезал во рту.

Икэмацу изучил представшее ему поразительное зрелище и наклонился к химере, уперев руки в бедра.

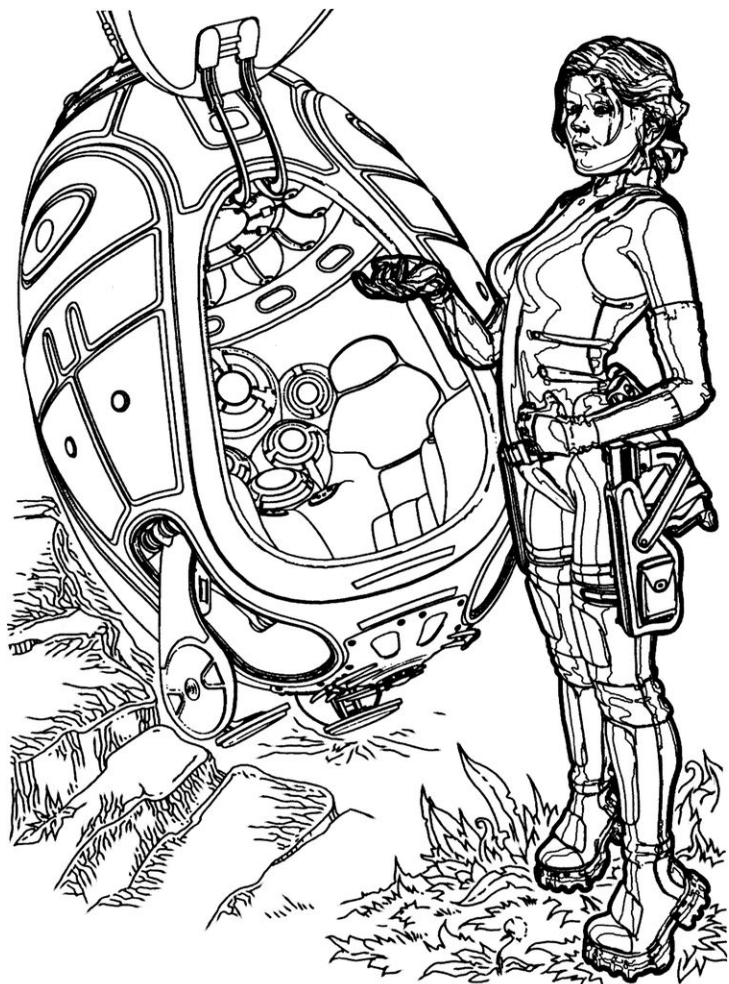
— Как ты любил эту свою игрушку! Теперь она поистине твоя. Ну как, все еще не хочешь с нею расстаться?

Паут яростно замотал головой, желтые лепестки сотряслись, словно в бурю. Парализованный ужасом мозг его исторг мощную волну отвержения.

— Не надо пушки! Не надо пушки!

— Если я сумею освободить тебя от нее, ты согласишься, чтобы она перешла ко мне? Ты должен расстаться с нею по собственной воле. В противном случае она так и останется с тобой сочленена.

Усилие, необходимое для общения с Икэмацу, дорогого стоило Пауту. Он осел и стал лихорадочно втягивать ртом воздух; выступавший из гортани стебель прекрывал ему горло. Потом Паут медленно кивнул.

— Хорошо, — пробормотал Икэмацу, — но как это сделать?..

Он осторожно протянул руку, коснулся деревянной рукоятки пистолета. Зажал ее большим и указательным пальцами, потянул на пробу.

Пушка почти без сопротивления выскользнула из лица Паута. Черты с едва слышным *пьямп* восстановились.

Паут разрыдался.

Наконец-то косё Хако Икэмацу позволил себе миг торжества. Наконец-то дзен-пушка была у него в руках.

Воплощение дзен в искусстве электроники...

Как ни странно, никаких следов контакта с плотью Паута изнутри на пушке не осталось. Ни влаги, ни слизи. Ни даже телесного тепла, лишь привычное более стылое тепло приятного на ощупь дерева. Икэмацу вертел пушку в руках, изучая ее по всей длине.

Он знал ее возраст: более трех земных веков. Он знал ее происхождение: мастер дзен, создавший артефакт, был монахом ордена, от которого в свое время отпочковался его собственный. Внешний вид пушки воплощал определенные культурные понятия: она казалась импровизированной, незаконченной, грубоватой, однако было в этой незаконченности невероятное мастерство... На японском той эпохи это понятие обозначалось *ваби*, безыскусная простота, свойственная опавшим листьям на тропинке, воротам, подпертым подвернувшимся под руку куском дерева, и вместе с тем — тихое торжество адекватности и сознательного равновесия. Пушка обладала *сибуса*, прекрасным несовершенством. Лишь ее незавершенность могла в не-

полноте своей объять необъятное, выразить суть реальности. Древесина не была лакирована, сохраняя следы резца...

Качества эти обладали самостоятельной ценностью, но также соответствовали принципам работы оружия, таким трудным для постижения, что лишь один коан сумел их в какой-то степени выразить: *Ничто не движется; где же окажется?* Паут, обезьяночеловек-химера, использовал пушку в качестве действующего на произвольном расстоянии электропистолета, способного калечить и убивать. Но это свойство пушки самое что ни на есть тривиальное. И лишь косё под силу раскрыть ее истинное, жуткое предназначение...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В разговоре с Арчером Рагшок лыка не вязал: на борту флагмана имелось поистине неисчерпаемое разнообразие наркотических курений и алкогольных напитков, и пират перед ними устоять не смог.

— До Диадемы меньше двух дней полета, — сказал он. — Слышь, ты нам нужен. Поможешь выбрать самые сочные планеты. И покажешь, где ожидать отпора.

— Я ваш пленник, но не более, — упрямо заявил Арчер. — Вы не добьетесь от меня еще и предательства.

Рагшок присосался к сигаре длиной около фута и осоловелым взором уставился на Геспер.

— Солнышко, ну поработай с ним. Пускай узрит свет небесный. Симплекс тебя побери, адмирал, ты же можешь получить всё! Хочешь, я тебя сделаю полновластным диктатором сотни миров? Любую твою прихоть выполню. Давай, назови свою цену! У каждого она есть, цена-то.

Геспер подвинулась ближе к Арчеру и с отвращением покосилась на пирата.

— Ааррргхх... — булькнул Рагшок: естественная агрессивность превозмогала расслабляющее воздействие курения. — Ну кому вы нужны, бля? Кому вы на хрен нужны?

Дверь со стуком отворилась. Рагшок вскинул брови и развернулся; в небольшую гостиную ворвался человек. Женщина, пиратка, мегера средних лет, проявлявшая

особую жестокость при захвате корабля. Лицо ее пере-
косилось в гримасе страха.

— Шеф, впереди флот!

— Ты что несешь? — Изумление Рагшока выглядело
комично. Вытащив сигару изо рта, он принялся перека-
тывать ее между большим и указательным пальцами.

— На радаре. Большой имперский флот!

Рагшок проворчал себе под нос что-то нечленораз-
дельное, поднялся и ткнул пальцем в Арчера.

— На мостик его.

И метнулся к двери. Арчеру к голове приставили ду-
ло сканера, но в том не было потребности: он бы и так
последовал за Рагшоком. Прибыв на мостик, Арчер уви-
дел, что Рагшок уже на троне, а его лейтенанты, вклю-
чая Моргана, толпятся рядом. В воздухе перед ними
висела радарная сводка.

Сомнений не оставалось: движущиеся им навстречу
световые пятна сложились в стандартное боевое по-
строение Звездной Армады, и было их так много, что
Десятый Флот не имел ни единого шанса на победу.
Идентификаторы в левом верхнем углу проекции под-
сказали Арчеру, что это Семнадцатая эскадра.

Рагшок повернулся на троне и зыкнул на Арчера.

— Так вот о чем ты умолчал, — выплюнул он в про-
межутках между глубокими затыжками. — Диадеме
есть кому защищать.

— Я не понимаю, что творится, — вежливо ответил
Арчер. — В Диадеме нет расквартированных флотов.
Последние дошедшие до меня новости сообщали, что
армейским кораблям вообще велели держаться от Диа-
демы подальше.

На его губах возникла легкая усмешка.

— Нам навстречу летит Семнадцатый Флот, и похоже, что они изготовились к бою. Лучше бы вам сдаться. Может, к вам даже проявят снисхождение, помилуют и поселят в Диадеме.

— Ты хочешь сказать, захватят в налоговое рабство? Они еще не атакovali. И не нападут, если мы тебя на экране им покажем.

— Боюсь, что нападут, независимо от ваших действий. Нас тут быть не должно. Помните странные паутинные нити, от которых люди пропадали? Нам полагаются исследовать это явление. А мы повернули сюда и автоматически выставили себя как угрозу. — Он поразмыслил и неохотно добавил: — Понимаете ли, в Диадеме гражданская война. Наверное, там сочли, что мы решили загрести каштаны из огня. Иначе бы не вылетели нам наперез.

Радарная проекция вдруг распалась на трехмерные элементы, потом частично восстановилась, позволив операторам захватить увеличенное изображение одного из крупных боевых кораблей; невероятно длинные турели уже вытягивались из корпуса.

— У них огневое превосходство, — пробормотал Рагшок.

— Шеф, давайте атакуем их! — взмолился Морган. — У нас тоже полно орудий. Они же не *настолько* сильнее нас.

— Они знают, как с ними обращаться, придурок, а мы — нет! — огрызнулся Рагшок, вынул сигару изо рта и отшвырнул ее. — Если останемся в таком построении, как сейчас, нас просто размажут. Прикажи флоту рас-

средоточиться. Каждому кораблю — по возможности избегать огневого контакта и направляться в Диадему своим маршрутом. Там получим некоторое подкрепление. Гражданские всегда мягкотелы.

У Арчера при этих словах отвисла челюсть.

— Вы не знаете, что творите! — взвизгнул он.

— ЗАТКНИСЬ! Уберите его отсюда!

Он слышал, как передают приказание, но не прекращал протестовать, пока мегера не выволокла его из зала. Оказавшись в коридоре, он тупо уставился в линзы нацеленного на него сканера. Стоит ли рисковать жизнью ради этих людей, подставляться? Да, смерть будет ужасна, но он получит свой флот обратно...

Он все еще боролся с угрызениями совести, когда мегера с негромким хлопком пропала.

Некоторое время он стоял там, откуда она исчезла. Потом медленно вернулся на мостик. Разумеется, мостик опустел. Отсутствующе озираясь, он побрел к адмиральскому трону, еще не остывшему после Рагшока, и занял его.

Несколькими минутами позже Геспер, направлявшаяся на мостик в своем темпе, присоединилась к Арчеру.

— А где все? — спросила она.

— Вернулись на *Claire de Lune*, — ответил Арчер тусклым голосом. — Но уже мертвыми, конечно.

Она озадаченно смотрела на него.

Арчер махнул рукой в сторону радара.

— Видишь? Это другой имперский флот направляется нам наперерез. Рагшок решил рассеять Десятый, уходя от них. Но он не понимал, как работает интермат.

Не думаю, что вне армии кто-то понимает. Интермат работоспособен исключительно внутри фитолового пузыря, которым окружен флот, летящий в так называемом фитоловом построении. И эта система функционирует не постоянно. Прежде чем пузырь сдувается, нужно вернуться туда, откуда прибыл, иначе в тот же миг окажешься там, но в полностью перемешанном состоянии, ведь интермат-киоска не будет, чтобы отрегулировать процесс. Вот это и произошло, когда Рагшок рассеял флот и сгавил пузырь. Его люди ведь проникли на корабли эскадры через интермат. М-да, не хочется даже думать, как сейчас выглядит *Claire de Lune*.

Геспер вряд ли поняла все объяснения насчет фитолового пузыря, но смысл последней фразы точно уловила.

— Ты хочешь сказать, что всех людей Рагшока убило? — уточнила она. — Их всех?

— Всех, кроме тех немногих, кто не покидал борта *Claire de Lune*. Наверное, и кое-кого из моих людей тоже задело, — ответил он. — Не всем удалось вернуться на свои корабли после захвата. — Он тяжело вздохнул. — Лучше давай свяжемся с Семнадцатыми, иначе нас из Галактики сейчас вынесут.

Он связался с обезлюдевшей рубкой искривления по адмиральским кодам и сумел послать ведущий тон флагману летящего навстречу флота. Как только связь была установлена, помехи пропали; их разделяли считанные минуты полета до прицельного расстояния.

В рубке искривления другого корабля появилась вежливая мордочка коалы.

— Говорит адмирал Арчер, — сообщил Арчер. — Будьте любезны соединить меня с адмиралом Тиресьером.

— Его пост занимает теперь адмирал Бруссперт. Я попытаюсь вызвать.

Бруссперт? нахмурился Арчер. Он не знал такого адмирала. Возможно, этот человек получил повышение... но разве Тиресьер дал повод заподозрить себя в измене? Арчер доверял Тиресьеру, как самому себе.

Когда ему ухмыльнулось свиное рыло, Арчер подумал было, что коала ошиблась. На голове свиньи торчал какой-то убор, и Арчер потрясенно осознал, что это своеобразная версия церемониальной адмиральской фуражки, с похожей на колокол тульей и острым козырьком.

— А, это вы, Арчер. Симплекс вас побери, вы что себе позволяете?

— Я обращаюсь к адмиралу Бруссперту? — уточнил Арчер, когда к нему вернулся дар речи.

— Да-да. Ближе к делу, блин! Наши артиллеристы сгорают от нетерпения! Я так понимаю, вы пересекались с Облеску и Крэйном?

Арчер сглотнул и как можно короче изложил случившееся. Когда он замолчал, Бруссперт недоверчиво хрюкнул.

— Вообще-то звучит ваш рассказ крайне неправдоподобно... Ну да ладно, мы можем его проверить. — Глазки свиньи метнулись к чему-то невидимому. — Ваши корабли кажутся неуправляемыми. Мечутся из стороны в сторону, как взлохотненные блохи. Мы их пере-

хватим и возьмем на абордаж. А пока приготовьтесь принять нашу делегацию. Мы скоро.

— Во-первых, я бы хотел уточнить, — начал Арчер, — с каких это пор второранговых производят в адмиралы? Очевидно, вы *исполняете* его обязанности?

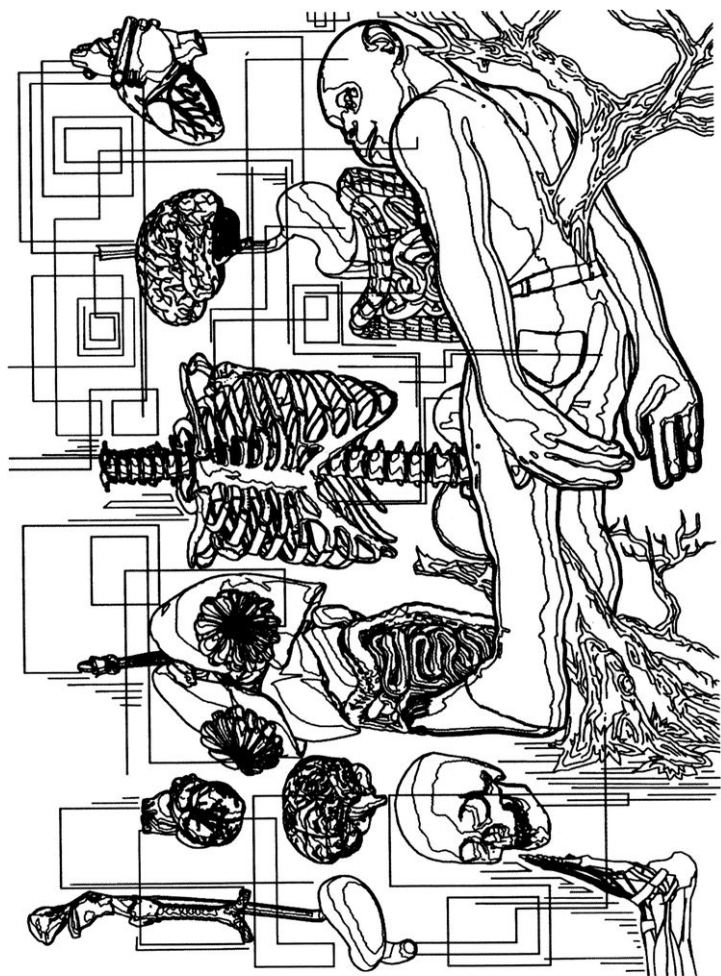
Бруссперт уставился на него и вдруг разразился оглушительным смехом.

— Значит, вы не в курсе? Не переживайте! Сейчас вам пояснят, что к чему!

Изображение исчезло. Новоявленный адмирал прервал связь.

За краткое время до прибытия делегации Семнадцатого Флота Арчер попытался кое-как восстановить порядок на флагмане. Он связался с жилой секцией и сообщил офицерам, что можно выходить. На корабль медленно вернулись звуки жизни. Арчер удивился, увидев своего старшего артиллериста, которого считал погибшим вместе с остальными животными. Оказалось, что Груверт несколько дней прятался в шкафу и высывался оттуда только на знакомые голоса. Боров похудел и стал даже раздражительнее обычного. Выхлебав из корыта невероятную порцию любимой своей каши из отрубей, Груверт заявил, что теперь готов вернуться к должностным обязанностям.

Арчер не знал, как принимать адмирала-свинью. Протокол обращения с животными вьелся в него до мозга костей, так что он не вышел встречать прибывших на палубу, как поступил бы в обычных обстоятельствах, но дождался их у себя в кабинете.

Делегация оказалась представительней, чем он ожидал: двадцать с лишним животных и людей. Людей было немного. К нему в кабинет явились полдюжины делегатов, и все шествовали на четырех ногах.

Только тогда Арчер сообразил, что адмирал Брусперт — хавронья. Набухшее вымя свидетельствовало, что Бруссперт недавно принесла выводок. Арчер, впрочем, не придавал особого значения этому факту, а просто проглотил его вместе с остальными шокирующими новостями.

— Адмирал, — возвестила свиноматка, крутанув пятчком, — позвольте мне представить вам Хирошамака, члена Имперского Совета.

Рядом с ней действительно стояло существо в мантии члена Совета, вот только одеяние его не свисало с небрежной величественностью, как у двуногих, носивших мантию на плечах, а было подрезано по форме широкой спины четвероногого.

Член Имперского Совета Хирошамак тоже оказался свиньей.

У Арчера подкосились ноги, и он бухнулся обратно в кресло.

— Значит, Совет свергнут, — выдохнул он. — Революция!

— Не спешите вы отчаиваться, адмирал, — проговорил Хирошамак грубовато, но внушительно. — Совет остался у власти: революции не произошло, по крайней мере в том смысле, какой вкладываете вы в это понятие. Если вы действительно верны Империи, то вас обрадует, как обернулось дело.

Боров стал мерять шагами кабинет. Арчер не мог не заметить, что за целеустремленность и неутомимая энергия исходят от животного: боров несомненно был наделен мощной личной харизмой.

— Позвольте же ввести вас в курс событий, адмирал. Уже довольно длительное время Империя держалась в основном на нас, свиньях. Говоря откровенно, мы способнее к государственному управлению, нежели другие животные — и проявили себя в нем ничуть не хуже, чем люди. Имплантированный интеллект у нас прижился особенно хорошо. Однако, в отличие от людей, мы не утратили интереса к делам Империи. Мы не позволяли себе, уж простите мне несдержанность в выборе слов, такой близорукости, некомпетентности или избалованности. К тому же мы размножаемся превосходными темпами, нас очень много! Вы вряд ли станете оспаривать все эти утверждения.

— Не стану, — промямлил Арчер. — Мои свиньи всегда действовали эффективно. Были ценным ресурсом.

— Рад, что вы согласны. Снова и снова старшие администраторы, свиньи, вынуждены были спасать Имперский Совет от последствий его собственной недалекости. Если бы Совет предоставили своей воле, он бы уже с дюжину раз за последние несколько лет вверх Империю в катастрофу. И никаких признаков улучшения ситуации не было. Нынешний кризис наконец исчерпал наше терпение; мы не вправе больше подчиняться тупоголовым и бездарным людям. Мы сочли необходимым принять определенные меры... к сожалению, в известной степени незаконные, хотя степень незаконности их была сведена к минимуму. В об-

цем, если коротко, то всех членов Имперского Совета вынудили подать в отставку. Сформирован новый Совет, состоящий из одних свиней. Как и я сам, они набраны в основном из высших чинов гражданского управленческого аппарата.

— Второранговые, — ошеломленно пробормотал Арчер. — Вы же все второранговые. Это невозможно!

— Уже нет. Мы внесли еще одно изменение. Поскольку свиньи отныне играют важную роль в делах Империи, им предоставляется первый ранг, наряду с людьми. Отныне мы все равны перед законом.

Арчер пытался осмыслить услышанное, а хряк тем временем вещал:

— Если вы как следует подумаете над тем, что я сказал, то, несомненно, согласитесь, что иного выхода не было. Лишь подобные исключительные меры помогут восстановить пришедший в упадок государственный механизм, а причинами вышеуказанного упадка послужили как раз нерешительность и слабость человеческих управленцев. Позвольте, я ознакомлю вас с программой преобразований, которую мы, свиньи, намерены теперь провести в жизнь.

Хирошамак воздел копытце и стал отстукивать им по воздуху пункты:

— Первое. Миры, уклоняющиеся от налогообложения или выказывающие иное неповиновение, должны быть уничтожены без промедления и жалости в назидание прочим. Второе. Все роботы-забастовщики должны быть искоренены, а им на смену разработан новый класс, наделенный меньшим интеллектом и лишенный политических амбиций. Эти роботы приступят к

работе незамедлительно, восполняя истощенные ресурсы Звездного флота. Третье. Иммиграция людей в Диадему будет усилена, с тем чтобы восполнить вакансии в лабораториях и иных местах, требующих творческой работы, а также, если новосозданный класс роботов окажется недостаточно функциональным для сложной деятельности, заменить и их. Новые иммигранты не получают гражданства, но обязаны будут его заслужить. Таким образом мы предотвратим дальнейшие беспорядки.

— Но вы предлагаете обратить их в рабов! — возмутился Арчер.

— Рабов, рабов... Это вопрос терминологии. Ваше возмущение наглядно демонстрирует, к чему привели уязвимости нашей политики. Перечисленные мною меры необходимы, но их реализация требует определенной решимости. Людям ее явно не хватает.

— Но животным ведь не просто так отказано в первом ранге, — резонно возразил Арчер. — Животные лишены креативности!

— С этим я не спору, — согласился Хирошамак, — но это и не имеет ни малейшего значения. Управление Империей не требует творческого подхода. Даже помышлять о нем в таких делах опасно. Все, что требуется, это хитрость, решительность и уверенность в себе. Свиньи наделены такими качествами в полной мере.

— Общество *нуждается* в творческих силах, — настаивал Арчер. — Творчество движет эволюцию.

— Разумеется. Кто ж спорит. Именно эту роль в новом общественном устройстве мы отводим людям.

Креативные занятия — искусство, наука, все, в чем вы сильны. А мы позаботимся о практических вопросах.

Адмирал Бруссперт с энтузиазмом поддержала его. Арчер только теперь заметил некоторые особенности в тоне хавроньи: у свиней голоса мужских и женских особей мало различались.

— Вы совершенно правы, уважаемый советник, — заявила свиноматка. — Свиньи принимают правильные решения! Взять хотя бы ласок... расскажите ему!

— Ласок? — переспросил Арчер.

— Телохранитель! — резко бросил Хирошамак. — Быстро ко мне!

В кабинет вошел пятифутовый горноста́й. Он двигался на задних лапах и был в полном боевом облачении. Рукоятку сканера на поясе переделали для хвата лапы. Кислородный комплект, походный ранец за спиной и коммуникатор придавали ему еще более хищный вид.

— Мы удалили ему ингибитор, — сообщил Хирошамак.

Вот теперь Арчер испытал не просто шок, а ужас. Из всех млекопитающих только одно семейство никогда не привлекали к военной службе: кунных, то есть горностаев, хорьков, росомех и куниц. Тигры и медведи казались плюшевыми игрушками перед безумной жестокостью этих созданий. Самые совершенные машины для убийства, порожденные природой и ограниченные лишь телесными пропорциями; росомехи и куницы без промедления атакуют и пытаются убить всех, кто забрел на их территорию, какого бы размера те ни были. Поэтому разумные куньи всегда наделялись специальны-

ми имплантатами, подавляющими агрессию, а росамах и куниц вообще редко возвышали.

— Это костяк новых отрядов десантников-коммандос, — пояснил Хирошамак Арчеру. — Расскажи ему, как тебе без ингибитора, телохранитель.

Арчер прямо ощущал злорадство в голосе горносталя.

— Гораздо лучше, господин советник. Восприятие куда резче. И, разумеется, я теперь гораздо лучше послужу Империи, господин советник.

— Вольно, телохранитель. Возвращайся и ожидай меня снаружи.

— Старому Совету никогда не требовалась охрана, — заметил Арчер, дождавшись, пока хищник уйдет.

— О, когда все наладится, она и нам не потребуется.

— Я должен вас кое о чем спросить, — Арчер сглотнул слюну. — Вы из биотистов? В смысле, вы же явно стремитесь свергнуть человека с доминирующего положения в...

— Нет, нет, мы не биотисты, — дружно затрясли пятками Хирошамак и Бруссперт. — Мы отчасти потому так и действовали, что нам нужно было остановить биотистов! Как и они, мы придерживаемся мнения, что Империя принадлежит всем млекопитающим, а не только людям. Но мы никогда не допустим смешения генов. Виды должны существовать отдельно. Это лучший способ стандартизации интеллекта. — В глазах Хирошамака появился блеск. — К тому же нам нравятся свинство!

— А что случилось с адмиралом Тиресьером? — спросил вдруг Арчер, не скрывая горечи.

— А, да. Вы подводите меня к деликатной теме, — ответил Хирошамак после паузы. — Сформирован новый Генштаб. Новая командная структура представлена исключительно свиньями, рангами от адмирала и выше. Это, адмирал Арчер, означает, что вы смещены с нынешнего своего поста. Вы, разумеется, сохраните ранг адмирала в отставке и продолжите служить Флоту на менее ответственной должности. На ваше место будет назначен ваш старший артиллерист Груверт. Вы всегда хвалили его за инициативность.

За спиной Арчера удовлетворенно хрюкнули. Это был Груверт, в числе прочих офицеров командования молча внимавший разговору.

— Да, — прошептал Арчер, — да, хвалил.

Он аккуратно снял адмиральскую фуражку с тульей в форме колокола и сверкающим гребнем. Положил на стол.

О мой флот, подумал он в смертной тоске. *О мой прекрасный Десятый Флот.*

Но, разумеется, флот ему не принадлежал. Никогда. Он принадлежал Империи, а Империя теперь принадлежала свиньям.

Груверт затрусил вперед, принохиваясь к воздуху.

— Не унывай, старый друг! Ты же понимаешь, адмирал, так будет лучше. А теперь, если не против, уберите из моего кабинета. Пора навести тут порядок!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Адмирал Груверт наконец отыскал соответствующее его талантам место. Он безгранично наслаждался своей новой ролью.

Высунув пяточок из корыта с деликатесами, доставленного в кабинет по его приказу, адмирал вернулся к работе. Флот практически восстановил боевую готовность и на полной скорости направлялся к сектору Аксалины, откуда был отозван к Эскории. Имперский советник Хирошамак отдал Груверту недвусмысленные приказания. Аксалинцы явно воодушевились после недавних событий, не до такой степени, чтобы учинить открытый мятеж, но их гражданское неповиновение следовало пресечь безапелляционно.

Аксалинцы дорого поплатятся за свою ошибку. Груверт вспомнил Ростию. На сей раз пощады не будет, поклялся он себе злорадно. Он их всех раздавит одним ударом, и...

Он отвлекся от чтения сводок диагностики систем оружия, услышав голос. Говорил новый бригадный генерал командос, тоже хряк.

— Адмирал, происходит что-то странное. Вернулась пара человек, тех пиратов. Я-то думал, с ними всеми покончено.

— Да? — Груверт быстро соображал. — И как вы с ними поступили?

— Естественно, сканерами уработали.

Груверт негромко чертыхнулся. Он был разочарован, но вместе с тем доволен готовностью командос. Теперь бригады несли круглосуточную вахту на всех кораблях эскадры, в полном вооружении. От Груверта не ускользнули некоторые признаки внутреннего недовольства, и он не чувствовал себя в полной безопасности, пока не расставил на всех ключевых местах недавно натасканных представителей семейства кунных, в чьей лояльности был уверен.

— Больше не сканировать, — приказал он. — Если еще найдете, постарайтесь захватить живыми. Вероятно, это те, кто начал исчезать вскоре после нашего появления на борту. Помнишь те странные линии в воздухе? Это все тот разрыв пространства. — Груверт снова поразмыслил. — И некоторые из наших тоже пропадали... В общем, оставь это мне.

— Слушаюсь, командующий.

Бригадный генерал прервал вызов, и Груверт опять чертыхнулся. Ну почему высокопоставленный офицер командос ему докладывает об этом? Должен же Арчер, новый мичман! В любом случае, Арчер ему как раз понадобился: пускай пересчитает, сколько на корабле народу, и установит, не вернулся ли кто из пропавших.

Хряк позвонил Арчеру. К его ярости, ответа не последовало. Человек не выходил на связь!

Невероятная некомпетентность! Надо будет его снова понизить в ранге. Пускай гальюны драит вместе с роботами, мерзавец!

Груверт усилием воли подавил вспышку гнева и задумался. Разрыв пространства по-прежнему представляет угрозу. Имперский Совет вроде как собирается

учредить специальную научную группу для изучения этой проблемы, и армейских к ней не подпускали. У Груверта возникло впечатление, что Совет рассчитывает дождаться, пока дырка затянется сама собой, и он сомневался, что такой подход правилен.

Если пропавшие действительно возвращаются оттуда, где побывали, они наверняка располагают какой-то ценной информацией. Он поднялся и затрусил прочь, приказав адъютанту не следовать за ним. Лучшее средство держать подчиненных на цырлах — лично контролировать их работу в критические моменты...

Адмирал имперского военно-космического флота в отставке Арчер, ныне исполняющий на собственном флагмане обязанности мичмана, сидел в компании Геспер Позитаны и ломал руки. Геспер согласилась снять униформу повстанцев после того, как Арчер заверил ее, что путешествие в Диадему больше не обещает роскошной и беззаботной жизни. Однако взамен он исхитрился занести ее в корабельный реестр.

— Как вы могли *такое* допустить? — возмущалась она.

Она все еще не до конца понимала про Диадему.

— Это просто случилось, вот и всё, — горько ответил Арчер.

— Но они же *нелюди*. Они свиньи. *Свиньи!*

— Они *люди*, Геспер. В том смысле, что Империя рассматривает животных и людей как равные расы.

— Ну ладно, но они ведь *плохие* люди, э?

Он промолчал. Он гнал от себя мысли о будущем. О Галактике под свиной пятой. О тирании, где людей, ве-

роятнее всего, так или иначе низведут до второранговых. Он не сомневался, что свиньи, раз добравшись до власти, уже никогда не поделятся ею, что б они сейчас ни болтали. Будущее принадлежало свиньям. Они одни оказались наделены нужным сочетанием качеств: безжалостной уверенностью в себе и жадой власти.

Он не верил и заявлениям Хирошамака, что переворот прошел бескровно. Наверняка нашлась оппозиция. У него создалось впечатление, что для борьбы с ней были использованы флотские корабли. На всех флотилиях, кроме Десятой эскадры, одновременно взбунтовались старшие офицеры-свиньи. И несомненно, такое не могло произойти без предварительного планирования. Вероятно, Груверт и его дружки-свиньи тоже ждали сигнала...

— Если другие виды себя хорошо покажут, им тоже предоставят первый ранг, — сказал он без всякого выражения. — Ходят такие слухи.

— Ласки? Ну да, наверняка! Им предоставят привилегии, чтоб из шкур вон лезли. — Геспер сжала его руку и наклонилась ближе.

— Послушай, ну а кому *ты* верен? — сердито спросила она. — Ты что, собрался служить Империи, кому *бы* она ни принадлежала? Или все-таки человечеству? Цивилизации?

— Разве только человечество достойно цивилизации?

— Да! — горячо воскликнула Геспер. — Только человек обладает подлинным разумом. Эти ваши животные не имеют никакого интеллекта, кроме полученного от

вас. Вы им его одолжили. К тому же они все еще недоразвиты — не в полной мере обладают сознанием.

Арчер прислушался к ее словам. Идеи Геспер показались ему новыми и странными. Неужели в провинциях господствует такая точка зрения?

Он вздохнул.

— Не знаю, к чему ты пытаешься меня склонить, Геспер. Свиньи неуязвимы. Среди офицеров флагмана оппозиции им почти никакой, а ведь на флагмане служат те, кто искренне предан идее Империи. В общем-то, думаю, они даже приветствуют переворот свиней. Свиньи вернут Империи былую мощь. Мощь, необходимую, чтобы нам беспрекословно повиновались все населенные миры. Мощь, необходимую для завоевания всей Галактики — всех пригодных для обитания планет. А именно этого и хочет командование Звездного флота, люди и животные.

— И это правда, мичман, — поддержали его.

Это был Груверт. Хряк вразвалку подошел к ним, очевидно, привлеченный последними словами Арчера.

— Рад, что вы признаете положительные результаты случившегося. Но, мичман, впредь не выключайте коммуникатора. Я вас искал.

Хряк скользнул к Геспер и вгляделся в ее черты.

— Я вас не узнаю, милая. Вы в каком отделе?

— В моем, адмирал, — быстро ответил за нее Арчер, с тревогой отметив омерзение в адресованном старшему по званию взгляде Геспер.

— Как трогательно вы тут воркуете, да будет мне позволено заметить. Что-то не вижу признаков, так сказать, *энтузиазма* по случаю установления нового по-

рядка, дорогуша! Вы бы лучше выбили из нее эту дурь, мичман. Нелояльности я не потерплю!

Голос борова взлетел до визга. Груверт обвиняюще уставился на Геспер.

— Да что с вами? Вам разве не нужна могущественная Империя, Империя-победительница? Нам теперь принадлежит вся Галактика, ее только нужно собрать воедино. Давайте быстро за работу, ведь нас ничто не остановит.

— *Есть* чему тебя остановить, животное.

Все обернулись на эти сказанные негромким вежливым тоном слова. Из коридора возникла фигура в свободных белых одеждах. Новоприбывший обвел их таким взглядом, словно в действительности никого не видел, а смотрел куда-то вдаль. Геспер узнала этот взгляд по предыдущим встречам с ним: это означало, что гость не упускает ни единой детали.

— О, это же косё, — удивленно хрюкнул Груверт. — Я-то думал, пираты тебя убили, косё, или ты в провале сгинул. Вместе с твоим повелителем, великим Паутом. А с *ним* что произошло?

— Он в безопасности, — вкрадчиво отвечал Икэмацу. — Он где-то на корабле. Я его видел, но он скрылся. Да, нас поглотил разрыв пространства, но мы вернулись. Вернулись все.

Глазки Груверта сузились. Он разыскивал Поута с тех самых пор, как принял командование.

Хряк переключил коммуникатор в беззвучный режим и плоттировал адъютанту:

— Обезьяночеловек Паут на корабле. Вероятно, недалеко от места, где нахожусь я сам, от мичманской каюты. Найти и привести сюда.

— Ты с кем-то говоришь, — утвердительно произнес Икэмацу. Он переступил порог и махнул рукой. За ним появился Синбиан, который вел Триксу и что-то успокаивающе тому объяснял полусшепотом. Диадемский мальчишка явно не соображал, где находится. Глаза его остекленели, плечи обвисли.

Икэмацу возложил руку на плечо Синбиана и обратился к свинье.

— Я слышал, тебя следует поздравить с повышением в ранге. Несомненно, теперь ты пуще прежнего жаждешь заполучить химеру. Ты подозреваешь, что у химеры ключ к оружию, способному уничтожить Империю. Ты почти прав, свин. Но оружие это — не предводитель восставших и не идея, как ты подозревал. Ты выдвинул смелое предположение, но истина проще. Помнишь слова Оракула? *Его упустили из виду, ибо оно мало.* Итак, неотразимое оружие — не что иное, как тот пистолетик Паута.

— *Игрушка?* — взорвался Груверт. — Ты что мелешь, идиот?

Косё, не теряя подчеркнуто прямой осанки и странной стилизованной четкости движений, которую заметила у него Геспер, отступил от детей и развернулся так, чтобы обратиться ко всем остальным. Свинья напуганно, с подозрением водит пяточком.

— В этой электрической игрушке заключена наибольшая из когда-либо достигнутых мер полноты понимания законов природы, — произнес Икэмацу. — Ее

создал мастер моего ордена много веков назад с единственной целью: обесмыслить возникновение централизованных империй.

Эта цель достигается довольно простыми средствами. Дзен-пушка, как в обиходе называют это оружие, представляет собой звездобойный пистолет. *Достаточно квалифицированный стрелок* будет действовать следующим образом. Во-первых, он подберется к намеченному солнцу на расстояние не более трех световых лет. Во-вторых, он направит дуло на звезду и подрегулирует луч таким образом, чтобы охватить светило полностью. В-третьих, он спустит курок.

Намеченная звезда будет уничтожена электрическими механизмами. Вам известно, что положительные и отрицательные заряды в действительности различаются лишь направлением псевдоспина электрического взаимодействия. Дзен-пушка погружается в Симплекс и инвертирует псевдоспины всех положительных зарядов внутри звезды, преобразуя их в отрицательные. Для этого простого, но впечатляющего процесса требуется энергия, но в сравнении с вовлеченными силами она пренебрежимо мала. Результаты легко представить. Поскольку как электроны, так и протоны теперь наделены зарядами одного знака, между ядрами атомов и электронными оболочками возникает отталкивание, как и между атомами в целом. Звезда взрывается. Электроны, как имеющие гораздо меньшую массу, приобретают значительную скорость. Расширяясь, электронное облако общей массой около тысячной доли звездной прокатывается по планетной системе, срывая с миров атмосферы и уничтожая все живое.

Инверсия заряда длится считанные секунды: Вселенная согласована настолько, что подобное отклонение от равновесия недолговечно. Антипротоны снова превращаются в протоны. Но уже слишком поздно, заряды разошлись. Некоторые электроны из расширившегося облака притягивает обратно к основной массе, но их недостаточно, чтобы компенсировать накопленный положительный заряд атомного облака, которое расширялось медленней. В течение нескольких часов положительно заряженное облако, все, что осталось от звезды, поглощает и дезинтегрирует все планеты системы. Пройдут миллионы лет, прежде чем оно притянет достаточно отрицательных зарядов и нейтрализуется вновь, но к тому моменту уже слишком рассеется, чтобы коалесцировать. Ему никогда более не суждено стать звездой.

Когда ты, свин, увидишь, что с каким-либо светилом на твоей территории случилось подобное, ты поймешь, что тебя предупредили, а в следующий раз подобная участь постигнет солнце системы, где расположено средоточие твоей власти. Взрыв легко отличить от вспышек новой или сверхновой. Сначала следует ослепительная вспышка — уловленные фотоны, что прежде рикошетировали внутри звезды, вырываются на волю. Затем звезда так же стремительно отключается, поскольку ободранные атомные ядра удаляются друг от друга, и термоядерное горение прекращается.

Груверт вслушивался в слова косё с напряженным вниманием. Теперь же хряк фыркнул, и его глазки сверкнули.

— Это не ново. Способы уничтожить звезду известны.

— Уничтожить из *пистолета*? Э, нет. Лишь приведя в действие титаническое оборудование и колоссальные источники энергии, приблизив их к звезде на такое расстояние, что ни один враг в здравом уме тебя не прозекает. Доселе невозможно было уничтожением звезды объявить войну. Дзен-пушка неуязвима, ибо мала. Ею может незаметно воспользоваться один человек, ее невозможно отследить или обнаружить целенаправленно. Дзен-пушка — великий уравниватель индивида и остальной цивилизованной Вселенной. Располагая таким пистолетом, один человек может уничтожить Империю.

Хряк едва заметно вздрогнул и исподлобья глянул прямо на Икэмацу. Было похоже, что Груверт вот-вот кинется на человека. Груверт поздравил себя с предусмотрительностью: горноста́й-телохранитель совсем рядом, в коридоре, его стоит только позвать.

— Косё, ты призываешь к измене, и я тебя за это арестую. Ты хочешь сказать, что эта пушка у *тебя*?

— Нет. У меня ее нет. Была, но потерялась.

Груверт презрительно хрюкнул.

— Тогда ты наглый лжец. Я не верю ни единому твоему слову. Игрушка обезьяночеловека — обычная деревяшка.

— Твое недоверие ускорит торжество правды, — спокойно ответил Икэмацу. — Прежде чем появится химера, позволь рассказать тебе о недавней истории этого оружия. Быть может, мой рассказ убедит тебя.

Оно существует в единственном экземпляре. Вскоре после изготовления пушки мой орден перестал существовать в первоначальном своем виде по определенным политическим причинам. Оружие исчезло, и, как казалось, навеки.

Затем несколько лет назад кося по имени Орохисё Смит преуспел в поисках пушки. Однако Смит не обладал достаточной силой духа, чтобы воспользоваться оружием в полной мере. Не думаю, впрочем, чтоб он стремился к этому; его интересовали скорее некоторые побочные эффекты рабочего режима пушки. А именно, доступ к другим граням Симплекса. В результате его опытов пушка пробила дыру в пространстве. Но Смит так и не узнал, что наделал, ибо человек по имени Торт Насименту, желавший заполучить его в качестве музейного экспоната, заманил его в ловушку и пленил. Чтобы помешать тому насладиться торжеством, Смит совершил акт самоуничтожения. Что касается оружия Смита, в том числе дзен-пушки, то его поместили в музей, откуда пушка и была похищена моим приятелем, химерой Паутом.

Именно тогда я за ним увязался. Я стремился проследить, чтобы оружие попало в достойные руки, однако мне повезло: не пришлось отнимать пушку у Паута силой. Как ни странно, оружие отчасти реагировало на Паута. Он сумел применить его в перестрелке и для подчинения себе других людей. Конечно, Паут не догадывался об истинных возможностях дзен-пушки. Он только возился с ее настройками. В результате этих действий он ненароком разорвал гравитационную связь между Землей и ее крупным спутником.

Геспер, вместе с Арчером молча внимавшая, ахнула.

— Так *вот* оно что!

— Не понимаю, как такое возможно, — заметил Арчер. — Между гравитирующими телами ведь на самом деле *нет* никакой связи.

— Строго говоря, ты прав: гравитация является эффектом экранирования. Поэтому я выражаюсь упрощенно. В действительности пушка придала Земле и Луне взаимную гравитационную прозрачность.

Косё вернулся к рассказу.

— Вы помните, что, когда флот впервые появился в пораженной разрывом пространства области, на кораблях зафиксировали исчезновения. Среди исчезнувших оказались и мы с Паутом, а также эти двое мальчиков. Мы испытали мгновенное перемещение на поверхность планеты — полагаю, той самой, куда направлялась флотилия. Не стану распространяться о том, что там происходило, достаточно сказать, что я добыл у Паута дзен-пушку и сумел восполнить урон, причиненный собратом-косё. Я воспользовался пушкой, чтобы стянуть дыру.

— Если это правда, то нам больше нечего бояться, — проворчал Груверт. — Было бы хорошо.

— Вам изначально не было нужды бояться. Разрыв бы постепенно сомкнулся сам по себе. Однако мне посчастливилось одновременно решить и другую проблему. Когда дыра стала стягиваться, проникшие через нее существа отступили. Но вначале придали всему первоначальный вид. Собрали воедино все, что расчленили, вернули на место все, что переместили. В мгновение ока. Те, кто был перемещен с корабля, снова очутились

на борту, исцеленные если не духовно, то, во всяком случае, телесно.

— Флот за это время преодолел световые годы, — озадачилась Геспер. — Если бы вас вернули туда, откуда забрали, вы бы провалились в пустоту.

Икэмацу слегка улыбнулся ей.

— Вы, очевидно, мало знаете о физике. *Место* как физическая реальность применимо только к материальным объектам, но не к пустоте. Флагман и есть *место*, откуда нас забрали, и неважно, как в наше отсутствие изменялось его положение относительно других мест. Интермат-система Звездной Армады, — добавил он как бы между прочим, — работает по тому же принципу.

— Так где же дзен-пушка? — спросил Арчер.

Икэмацу повернул голову и посмотрел на дверь. Там вдруг появился Паут. Он брел устало, понутив голову, свесив руки, так, словно обезьянье начало в нем полностью взяло верх. Моргая, он ввалился в комнату, покачался и оперся о переборку.

Его сопровождал мальчишка лет восьми, который, казалось, толкал Паута перед собой. Завидев Груверта, ребенок поколебался и отдал честь.

— Химера, которую вы приказали доставить, адмирал! Мы его нашли, он прятался в гардеробной. Ему, э-э, нехорошо.

Арчер неуверенно отозвался:

— Ясно. Вольно. Возвращайся к своим обязанностям, немедленно.

Мальчишка удалился, и Икэмацу ответил на вопрос Арчера.

— Пушки при мне не было, когда я вернулся на борт флагамена. Наверное, она тоже была перемещена в точку отправления. В таком случае, как я подозреваю, она у Паута.

— *Мичман Арчер!* — заревел Груверт. — Забрать у него пушку!

Арчер, как в трансе, двинулся на Паута; химера вдруг очнулась и замахала руками, отгоняя его.

— Нету пушки, нету пушки! Нет у Паута пушки!

— Паут, давай посмотрим, что у тебя в слюнявчике, — ласково обратился к нему Икэмацу.

Паут непонимающе уставился на него, потом дрожащей рукой стал шарить в одежде. Когда он извлек руку, в ней была зажата дзен-пушка.

— Нету пушки! — завизжал он. — Нету пушки!

И в ужасе отшвырнул оружие. Пистолет с глухим стуком упал на пол.

Арчер нагнулся и подобрал пушку. Повертел в руках. Выглядело оружие совершенно обычным и непримечательным, каким-то незаконченным. Насколько можно верить словам косё? История ошарашивала, но, бесспорно, укладывалась в пределы возможного. Чем еще объяснить, к примеру, странное поведение Луны?

Если косё сочинил настолько убедительную историю на ходу, вплетая в нее реальные события, то он поистине безгранично изобретателен. Во всяком случае, Груверт ему явно поверил. Бросив беглый взгляд на оружие, изучаемое Арчером, хряк вызвал телохранителя.

Икэмацу предупреждающе покачал головой.

— Твой горноста́й спит. Я о нем позаботился. Ты останешься со мной один на один.

Груверта сотрясла дрожь возбуждения. Он знал, как опасен в бою косё, даже безоружный. Он стал смещаться, держась между Икэмацу и дверью.

— Мичман, — бросил он, — быстро уходите и спрячьте пушку в надежном месте. Я задержу косё.

— Нет! — вскрикнула Геспер. — Не отдавай ее свиньям, иначе мы навеки попадем в рабство!

Арчер замер, краем глаза заметив, что Геспер движется к нему. В голове его закружились образы. Аксалина, сектор, куда они направлялись. Он понимал, что предпримет Груверт. Разбомбит город, пройдет лучом дезинтегратора по континенту, а уж *потом* потребует дань. Малейшее сопротивление, и...

А еще оставалась Эскория, родной сектор Геспер. Она утверждала, что флот разбомбил движущиеся города Земли. Арчер перестал в этом сомневаться. Вполне в духе Груверта было выкинуть такой трюк за его спиной.

И какое опустошение посеет свинья во всем этом секторе, когда снова там появится!

— Отдай пушку *мне!* — Голос Груверта исказился от гнева на нерешительность Арчера. Не закончив говорить, хряк прыгнул на человека. Сбил Арчера с ног и стал тянуться пяточком к пушке. Арчер автоматически отвел руку, пытаясь помешать животному. Накатила волна свиного запаха. Острая щетина заскребла по коже, яростные копытца стали царапать и трамбовать тепло и конечности.

Тут подроспела Геспер и стала отталкивать брыкавшуюся тушу. Каким-то образом ей удалось вытянуть Арчера из-под свиньи; Груверт потерял равновесие и завалился в сторону.

Арчер, шатаясь, побрел к Икэмацу и ткнул в руку косё дзен-пушку.

— Ты ее забирай, — выдохнул он. — Делай, что в твоих силах!

Груверт, хрюкая и изрыгая проклятия, заскреб копытцами по полу и поднялся. Развернувшись к косё, боров изготовился было к прыжку, как в случае с Арчером.

Но не успела туша оторваться от пола, как Икэмацу выбросил руку вперед. Два пальца были нацелены в глазки свиньи.

— Спи.

Груверт замер, как статуя, глаза его остались открыты, но из них исчезло всякое сознание.

Геспер, тяжело дыша, присоединилась к Арчеру и уставилась на борова.

— Ты что с ним сделал? — прошептала она.

— Я его загипнотизировал, — ответил Икэмацу бесстрастно. На лице косё возникло выражение сосредоточенности; он начал нажимать кнопки на пистолете, следуя сложной процедуре настройки.

— Жребий брошен, — произнес он, обращаясь к Арчеру. — Ты сделал выбор; ты изменил Империи свиней. Теперь мы должны бежать.

— Выбраться с корабля невозможно, — ответил Арчер, — ну разве что ты знаешь способ.

— Разве ты забыл, что пушка действует через Симплекс? Разве не уверяли нас всегда ученые, что доступ к Симплексу означает мгновенное перемещение в любую точку Вселенной? Ну что ж, они были правы.

Косё опять едва заметно улыбнулся. Он закончил настройку дзен-пушки и по очереди направил дуло на всех своих спутников, так же по очереди нажимая курок.

Переход осуществился мгновенно. Арчер обнаружил, что стоит в высокой траве. День угасал. Примерно в миле от него вздымался холм, а на вершине торчало здание, четко различимое на фоне темнеющего неба.

Он был привычен к интермату, поэтому резкая смена окружения его не дезориентировала, вот только воздух показался неприятным: пресным, лишенным всякого аромата. Никаких стимуляторов, привычных по кораблям и атмосферам планет Диადемы.

Но затем ветерок зашелестел в траве, а с ним явились едва уловимые незнакомые запахи.

Он оглянулся на Геспер. Та была скорей ошеломлена, чем испугана, и озиралась в полном смятении. Она ведь никогда не пользовалась интерматом.

Паут, отделившись от переборки, на которую опирался, полетел вверх тормашками и теперь хныкал от испуга, но косё склонился к нему и что-то произнес низким успокаивающим голосом. Потом помог подняться.

— Что это за планета? — спросил его Арчер.

— Земля.

— Земля? — эхом откликнулась Геспер. — Планета, на которой мы были раньше? Но это невозможно!

— Ну так, значит, все, что ты рассказывал про пушку, — правда.

Арчер показал на пистолет, который Икэмацу продолжал небрежно держать в руке. Косё кивнул и спрятал пушку под одеянием.

Арчер с интересом посмотрел на него.

— Почему ты мне не помог, когда я боролся с Грувертом? — спросил он. — Почему ты сам не отнял пушку у химеры? Ты ведь, наверное, мог. Если уж на то пошло, зачем ты вообще, блин, рассказал свинье про пушку?

Он помолчал.

— Такое впечатление, что ты все это срежиссировал.

Икэмацу не ответил, и Арчер продолжал:

— Я слышал, косё не вмешиваются в политику. Это правда?

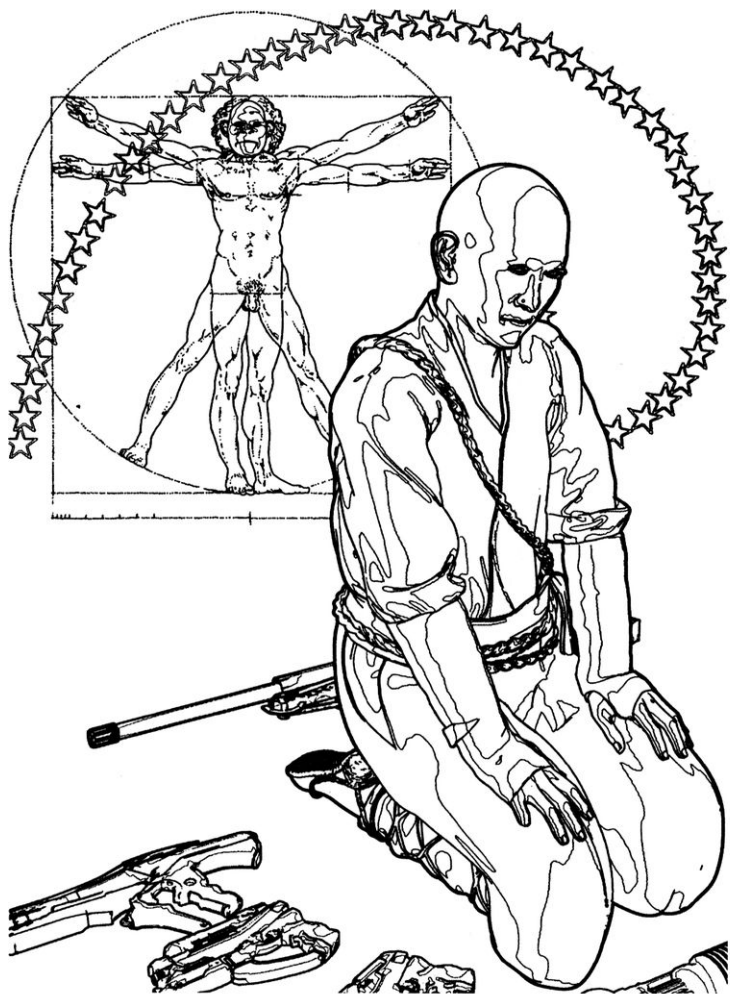
— Всё, что ты слышал о косё, может оказаться неправдой, — отозвался Икэмацу чуть легкомысленно и тут же посерьезнел опять. — Я отвечу тебе без утайки. У моего ордена есть правило: косё не имеют права напрямую влиять на ход истории. Косё может лишь создать возможность для других. Когда я объяснял свинье про дзен-пушку, я говорил с тобой.

— А если бы я остался верен Империи? Или если бы Груверт меня одолел? Ты бы не вмешивался?

— Нет.

Арчер покачал головой.

— Но это же бессмысленно. Правило, доверяющее все воле случая.

— Оно существует не ради блага цивилизации. Оно нужно, чтобы уберечь косё от коррупции. Однако парадоксальным образом оно помогает ордену служить интересам человечества. Дзен-пушку создали, ибо некий косё предвидел, что свиньи рано или поздно захватят власть. А до того времени положился на случай, который должен был ее сберечь. Вот почему контроль над пушкой имеет не только физическую, но и психическую природу. Химера, Паут, способна ее частично использовать, ибо в нем есть кое-что от человека. Но он бы не сумел проникнуть в ее подлинные секреты. Для этого необходима определенная духовная готовность.

— Косё предвидели, как поступят свиньи? Так давно? — усомнился Арчер. — Не верится.

— Но это ведь было неизбежно с самого начала. Наделяя животных искусственным интеллектом, вы наделили невероятной мощью базовые эмоции. Животное, которому дарован интеллект, все же не равня человеку. В отличие от человека, оно не обладает способностью к духовному совершенствованию. Это легко доказать. Например, животные не воспринимают того, что мы называем красотой.

Арчер нахмурился. Это было так: животные оставались, образно говоря, слепы к красоте. Импланты тут не помогали.

— Существа, которых вы сотворили, должны были оставаться под надежным присмотром людей, — продолжал Икэмацу, и его мрачные слова странно контрастировали с обыденным тоном констатации факта. — Базовые эмоции и страсти преследуют также и человека, но высшая натура помогает их обуздать. Когда жи-

вотные стали равны вам в обществе, обрели свободу мысли, речи и действий, внутренняя борьба вырвалась наружу. Около минуты назад, адмирал Арчер, все зависело только от тебя: кому станет принадлежать будущее, человеку или свинье. И кто сказал, что свинье не под силу победить? Кто сказал, что в тебе достаточно мужества, чтобы восстать против свинской Империи? Чтобы применить против нее дзен-пушку?

— Во мне?

Арчера как обухом по темечку приложили.

— Я же не косё.

— Но ты воин, — невесело усмехнулся Икэмацу. — Косё не станет применять дзен-пушку на войне. Адмирал Арчер, я же только что объяснял. Не надо и быть косё, чтобы применить ее. Нужна определенная ментальная тренировка, и всё.

Арчер потупился.

— То, как я только что поступил, одно дело, но... вряд ли во мне найдется достаточно мужества для измены таких масштабов.

— Против дзен-пушки звездные флотилии бесполезны. Но человек, способный ее использовать, должен ее обрести. Ну что ж, посмотрим. Если моим собратьям удастся ее изучить, не исключено, что мы сумеем скопировать пушку. В этом случае уравнитель пребудет вовеки.

Икэмацу мгновение задумчиво взирал на Геспер, потом жестом указал на гребень холма.

— Там расположен монастырь, в котором проходят подготовку косё. Мы сейчас отправимся туда. Мальчику Триксе окажут психическую помощь.

Он потрепал Паута по спине.

— И этому бедолаге тоже. Он заслуживает куда лучшего обхождения, чем доныне видел от жизни. Идемте.

В неторопливо угасавшем свете они медленно, плечом к плечу, стали подниматься к молчаливому грозному зданию.

РЕЦЕССИВНАЯ ГИПОТЕЗА

Вымышленная физика, которую я положил в основу романа, весьма приблизительно базируется на концепции, о какой я сам в свою очередь имею лишь отрывочное представление. Я не ученый и, к сожалению, не обладаю математической компетенцией, поэтому мои построения ненаучны и некантитативны, однако вознаградили меня многими часами плодотворных размышлений.

Гипотеза зиждется на моей убежденности, что гравитационное притяжение невозможно. Мои рассуждения по этому поводу могут быть проиллюстрированы следующим образом.

1. Наш опыт повседневного манипулирования вещественными объектами показывает, что мы способны их перемещать, толкая от себя, то есть прилагая силу в направлении, противоположном направлению, откуда исходит сила. Интуитивно кажется необходимым, чтобы это опиралось на форму и структуру пространства, где мы живем, поэтому возможность притянуть объект к себе силами магнетизма или клеевой адгезии несколько озадачивает человека, впервые с нею столкнувшегося.

2. Случайно движущиеся объекты расходятся со временем, и вполне аналогичной особенностью наделено наше пространство-время. Э.А. Милн приводит для иллюстрации понятия необратимости рой несталкивающихся частиц, движущихся однородно по прямым, ко-

торый в какой-то момент станет расширяться, даже если вначале сжимался. Однако система, уже начавшая расширяться, никогда не станет сжиматься.

Гравитация выглядела бы более естественно, носи она характер расталкивания, а не притяжения. В физике наличествует тенденция считать силы отталкивания и притяжения противоположными, но в остальном эквивалентными, однако симметрия эта нарушается, когда мы принимаем во внимание среду их действия; по мере расталкивания источников эффект силы, вызывающей это, слабеет, однако сила притяжения по мере сближения источников усиливается. Это различие оказывается ключевым для мироздания и, опять же, проистекает из *формы* вселенского пространства, разрешающей безграничное расхождение, но не безграничное сближение.

Разумеется, притягивающий характер — лишь одна из загадочных особенностей гравитации. Другой выступает равенство гравитационной и инерциальной масс — это у физиков такой способ заявить, что все тела падают с одинаковым ускорением независимо от масс. Равенство делает невозможным проверку третьего закона Ньютона на гравитирующих телах; уравнение Ньютона для силы гравитационного взаимодействия двух тел показывает уникальность этой силы как зависящей от произведения масс, в этой форме она удовлетворяет и третьему закону, и требованию равенства гравитационной массы с инерциальной, однако это ведь просто математический инструмент. В реальности кажется вероятным, что каждое тело влияет на другие,

и надлежащая проверка третьего закона Ньютона потребует отдельного измерения вкладов.

Что, если бы гравитация действительно выступала силой *отталкивания*? Поскольку каждый материальный объект окружен всей материей всей остальной Вселенной, нужно лишь предположить, что он также экранирует распространение расталкивающей силы, чтобы свести ее (математически) к мнимому притяжению между сравнительно близкими телами. Земля и Луна связаны вместе потому, что давление целой Вселенной преодолевает их естественное стремление удалиться друг от друга. Одним прыжком мы переходим от гравитации к разлетанию галактик.

Рецессивная гипотеза делает следующий шаг. Равенство гравитационной и инерциальной масс диктует трактовку гравитации не как силы, действующей через нечто нематериальное, именуемое нами пространством (или, как в старых теориях, эфиром), но вместо этого — неотъемлемо связанное со структурой пространства (как в ОТО). Таким образом, эта модель удовлетворяет как первому, так и второму из вышеизложенных рассуждений.

Гипотеза зиждется на первородных расположениях, которые мы в дальнейшем станем называть частицами. Они не существуют изолированно, но пребывают взаимосвязанными, причем их взаимосвязь динамической природы: все они удаляются друг от друга на стандартной однородной скорости⁹.

⁹ Как уже отмечалось, Бэйли писал раньше, чем было открыто ускорение расширения Вселенной.

Это расталкивание, или рецессия, и есть основной компонент пространства-времени. Однако данная гипотеза вводит довольно трудную для понимания идею движения как неприводимого принципа, а не сложносоставного феномена на пресуществующей сцене времени и расстояния. Движение становится фундаментальным взаимодействием, или режимом взаимосуществования, самих частиц. Время и расстояние же — эмергентными явлениями.

Следует, вероятно, заметить, что, удаляясь друг от друга, частицы никуда в особенности не движутся. Это справедливо и для расходящихся галактик¹⁰.

Таким образом, в пространстве господствует вселенская рецессия, расталкивание. В этом смысле предлагаемая гипотеза воскрешает старый принцип мгновенного действия на расстоянии, поскольку пространство в рамках данной концепции представляется динамическим коннектором тел, а не статическим геометрическим полем.

¹⁰ Не совсем верно — в этом движении, по-видимому, имеются неслучайные составляющие неясной природы, открытые уже после работы Бэйли; так, скажем, сверхскопление Девы и Местная группа галактик движутся в направлении так называемого Великого аттрактора. В целом можно сказать, что до сих пор продолжаются споры, является ли Вселенная на космологических масштабах однородной или фрактальной (последняя точка зрения, сторонником которой был, к примеру, Бенуа Мандельброт, привлекательна тем, что естественно объясняет классический парадокс Ольберса), кроме того, некоторые признаки анизотропии и регулярных структур наблюдаются также в микроволновом реликтовом излучении (эту гипотезу отстаивает, в частности, Роджер Пенроуз).

В *Дзен-пушке* упоминается Симплекс, состояние, в котором единственным взаимодействием частиц выступает отталкивание. Наша реальность, однако, способна вместить только 4-симплекс, тетраэдр. Другими словами, она порождает не только рецессивные, но и геометрические отношения. Это означает, что частица способна нарушать связь отталкивания между другими частицами. Когда такое происходит, связь, очевидно, разрывается, и по закону перспективы пара частиц будет закрывать друг от друга тем больший сегмент небесной сферы, чем сильнее сближается. Что происходит, когда частица удаляется от большего числа частиц в одном направлении, нежели в другом? В игру вступает теория относительности. Следует предполагать, что само это неравенство проявляется более низкой общей скоростью расталкивания с затененным регионом. Таким образом, чем ближе тела в пространстве, тем медленней они разлетаются друг от друга.

Если расстояние между ними достаточно сильно уменьшилось, отталкивание падает настолько, что между телами начинает наблюдаться кажущееся притягивание. Это порог перехода. Взаимное отталкивание стало отрицательным; впервые частицы движутся вместе по мере удаления от остальной Вселенной.

Итак, кажущиеся силы притяжения теперь объясняются интерференцией на общей арене расширения. В то же время степень падения скорости тела (то есть кажущееся приобретаемое им ускорение в режиме гравитации) не зависит от инерциальной массы. Довлеют скорости; инерциальная масса, так сказать, отпечатана на частице в силу ее расхождения с окружающей Все-

ленной. (Это объяснение примерно аналогично принципу Маха.)

В качестве побочного продукта умалившегося отталкивания мы рассмотрим линии отталкивания, сочленяющие частицы, чья взаиморецессия упала. Они все еще пытаются приобрести положенную им скорость расширения. В некотором смысле между частицами действует давление. Оно указывает на новый класс эффектов, под которым я подразумеваю электромагнетизм.

Интересным свойством магнетизма выступает его аналогия прецессии гироскопа относительно электрической силы. Чтобы учесть магнетизм аналогично гироскопическому действию, я ввел понятие псевдоспина, описанное в гл. 10. Выбрав простые правила отбора, получаем правдоподобную картину магнетизма, где линии отталкивания, однако, выступают квазиматериальными. Впрочем, диаграммы электрического притяжения и отталкивания становятся неотличимы от уже известных нам силовых линий.

Частицы, о которых до сих пор было рассказано, представляют собой некую более простую форму нейтрона. Умаление рецессии конвертирует часть их массы в положительный заряд, так что теперь они превращаются в протоны. За этим следует образование балансирующего отрицательного заряда, который выбирается вовне и превращается в электрон. Рождается атом водорода.

Рецессивная гипотеза пестрит таким количеством пробелов, что ее легко отбросить как чисто умозрительную, и так поступали. Моя стратегия — выжать из

нее как можно больше, обходя трудные места и оставляя их на будущее, непокоренными вершинами, хотя даже единственной такой достаточно, чтобы подорвать фундамент теории. В то же время гипотеза порождает достаточно вопросов, прежде казавшихся несвязанными, чтобы вновь задуматься, а не может ли в ней быть рационального зерна. Вот несколько:

1. Пространство обладает протяженной структурой только вдоль линий отталкивания. Поперек же, образно говоря, оно прерывисто, метельчато. Это представляет интерес в контексте корпускулярно-волнового дуализма, а также потому, что лучистая энергия переносится поперечными волнами.

2. Трудность в построении картины объединения сил природы всегда происходила из трудности понять, как их все может переносить одна среда. Рецессивная гипотеза предлагает иерархию переплетающихся пространств, сконструированных каждое из своего набора линий отталкивания: 1) пространство, содержащее единственную абсолютную скорость — скорость света, излучаемого веществом на пределе сферы Хаббла, 2) динамическое пространство относительных скоростей и гравитации; 3) подстилающее пространство, где осуществляется электрическое взаимодействие.

3. Гипотеза подводит физический базис под идею инерциальной системы. Ради спора представим, что инерциальная система отсчета объекта состоит из сферы далеких частиц, удаляющихся от него на скорости света. Если он разгоняется до новой скорости, то получает альтернативную систему отсчета, состоящую из других частиц (так в любом месте Галактики обнару-

живаешь себя в центре сферически расширяющейся системы; объект, однако, будет переноситься из ее центра) — и продолжает движение. Без рецессии динамика была бы наделена качествами вроде аристотелевских: приложение силы приводит не к ускорению, а к равномерному движению, и то прекращается, когда прекращает действовать сила.

4. Можно сохранить идеальную версию космологического принципа, при котором распределение галактик должно оставаться примерно неизменным в любую эпоху. Первозданное отталкивание — это взаимодействие, предшествующее возникновению как времени, так и пространственных расстояний. Таким образом, на очень больших масштабах связь между временем и расстоянием может нарушаться. Далекие галактики будут улетать от нас, но *никуда при этом не отдаляться*¹¹.

¹¹ Как уже упоминалось, это неверно; однако утверждение Бэйли справедливо в том смысле, что, хотя теоретически границей известной Вселенной при наблюдениях в электромагнитном спектре должна являться сингулярность Большого Взрыва, на практике ею выступает поверхность последнего рассеяния фонового излучения, которая на 400 тыс. св. лет ближе к нам. Кроме того, инфляционные теории, например, гипотеза Андрея Линде, предсказывают, что области формирования вселенных в регионах флуктуации скалярного поля гораздо шире наблюдаемой Вселенной и, следовательно, остаются нам принципиально недоступны, поскольку лишены каузального контакта с нашей, хотя наборы физических законов, определяющие структуру реальности, там могут радикально разниться с нашими точно так же, как это происходит у Бэйли при прорыве Симплекса. Линде

268

5. Соблазнительно предположить, что отталкивание порождает как гравитацию, так и вселенский принцип, известный нам под названием второго закона термодинамики. Это будет означать, что вода, падающая через водяную турбину, подчиняется тому же принципу, что и пар, расширяющийся в паровой турбине.

6. Приписав две формы электрической силы двум направлениям псевдоспина, мы объясним нарушение четности в некоторых экспериментах. Зеркальным отражением отрицательного заряда выступает положительный. Четность нарушается при перевороте псевдоспина.

7. Наконец, рецессивная гипотеза помогает разрешить парадоксы Зенона о невозможности движения. Не стану их здесь повторять (но порекомендую хорошее обсуждение у Уиттроу в *The Natural Philosophy of Time*); вкратце, три существенных для нас парадокса якобы доказывают, что: 1) быстрый бегун не может перегнать медленного, 2) стрела не способна достичь цели, 3) стрела вообще не движется¹².

С точки зрения рецессивной гипотезы апории Зенона — вообще не парадоксы. Они демонстрируют, что движение в его кажущейся форме невозможно. Значит, его природа иная.

Однако аргументы Зенона бьют по концепции *места*: идее, что физический объект занимает место в рецеп-

разработал свою теорию позже, чем вышла книга Бэйли, но едва ли мог быть с нею знаком.

¹² Хотя Бэйли в своей книге уделяет особое внимание моистам, точно аналогичные и независимо возникшие парадоксы можно обнаружить у другой китайской школы того же периода, мин-цзя.

тивном пространстве и способен двигаться через это пространство в другое место. Рецессивная гипотеза упирает на чисто реляционную природу пространства; места нет нигде, кроме как там, где расположено физическое тело. Когда такое тело, по впечатлению, движется относительно другого, на самом деле модификации подвергается пространство между ними. Объекты же остаются в том же месте, то бишь собою самими.

Аналогичная идея превосходно отражена в дзенском коане:

Ничто не движется; где же окажется?

Об авторе

Баррингтон Дж. Бейли (Barrington J. Bayley) родился 9 апреля 1937 года в Бирмингеме, Великобритания. Образование получил в Шропшире; был клерком, типографским рабочим, шахтером, репортером. В восемнадцать лет поступил на службу в Королевские ВВС.

В фантастике Баррингтон Бейли дебютировал в 1954 году рассказом «Combat's End». Некоторую известность ему принесли рассказы, которые печатались в журнале Майкла Муркока «New Worlds». Впоследствии, в 1960-х годах, совместно с Муркоком, Баррингтон писал произведения для юных читателей. В 1970 году была опубликована его первая книга «Звездный вирус» (Star Virus), а в 1972 году увидели свет «Фактор уничтожения» (Annihilation Factor) и «Империя двух миров» (Empire of Two Worlds). Вскоре известность получили романы Бейли «Курс на столкновение» (Collision course) и «Падение Хронополиса» (The Fall of Chronopolis). Среди других романов Бейли – «Душа робота» (1976), «Одеяния Кайна» (1976), «Большое колесо» (1977), «Звездные ветры» (1978), «Столпы вечности» (1982), «Дзен-ружье» (1983), «Лес Пелдайна» (1985).

Скончался Б.Бейли 14 октября 2008 года.

Баррингтон Бейли

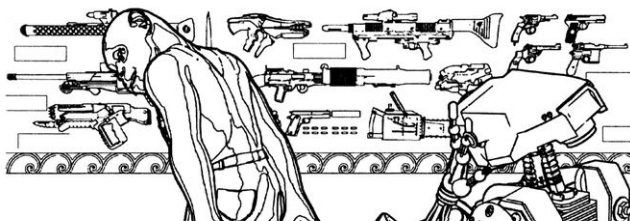
Дзен-пушка

Роман

Перевод К. Сташевски

Иллюстрации А. Филиппова

Тираж 30 экз.

Зарубежная

фантастика

DAW • 87997-UE 1851 • (CANADA \$2.95) • U.S. \$2.50

DAW
No. 541

Barrington J. Bayley
THE ZEN GUN

"The most original SF writer
of his generation."
—Michael Moorcock

